

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЭНДОКРИНОЛОГИИ»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

КАЛМЫКОВА Зиля Асхатовна

НАРУШЕНИЯ УГЛЕВОДНОГО ОБМЕНА, АССОЦИИРОВАННЫЕ С
COVID-19: РЕЗУЛЬТАТЫ ДИНАМИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ

3.1.19 – ЭНДОКРИНОЛОГИЯ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата медицинских наук

Научный руководитель:

доктор медицинских наук, профессор,

член-корреспондент РАН

Н. Г. Мокрышева

МОСКВА

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	9
1.1. Особенности строения и репликации вируса SARS-CoV-2.....	9
1.2. SARS-CoV-2 и углеводный обмен	10
1.2.1. Механизмы влияния SARS-CoV-2 на углеводный обмен.....	10
1.2.2. Нарушения углеводного обмена, ассоциированные с COVID-19	17
1.2.2.1. Стрессовая гипергликемия	20
1.2.2.2. Нарушения углеводного обмена при COVID-19 вследствие приема глюкокортикостероидов	22
1.2.2.3. Сахарный диабет вследствие панкреатита, индуцированного COVID-19	26
1.2.3. Особенности течения COVID-19 у лиц с СД в анамнезе	27
1.2.4. Дифференциальная диагностика и тактика ведения нарушений углеводного обмена при COVID-19	31
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ	35
2.1. Критерии постановки диагноза	35
2.2. Изучаемая популяция и дизайн исследования	35
2.3. Методы обследования пациентов	39
2.4. Этическая экспертиза.....	46
2.5. Статистический анализ	46
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	50
3.1. Результаты первого этапа исследования в острую фазу COVID-19	50
3.1.1. Клиническая характеристика обследованных лиц и сравнение групп в острую фазу COVID-19	50
3.1.2. Состояние углеводного обмена в острую фазу COVID-19.....	52
3.1.3. Характеристика терапии глюкокортикостероидами в острую фазу COVID-19.....	53
3.1.4 Течение COVID-19 в исследуемых группах	54
3.1.5 Анализ секреции инсулина и инсулинорезистентности	56
3.2. Результаты динамического наблюдения пациентов после COVID-19	58
3.2.1. Клиническая характеристика групп при динамическом наблюдении	58

3.2.2 Состояние углеводного обмена у пациентов с COVID-19 в течение 1 года после выписки из стационара.....	59
3.2.3. Характеристика секреции β -клеток в течение 1 года после выписки	65
3.2.4. Связь маркеров тяжести COVID-19 с показателями состояния углеводного обмена и секреции инсулина	67
3.2.5. Предикторы развития нарушений углеводного обмена в течение 1 года после COVID-19	69
3.3. Изучение маркеров, ассоциированных с развитием СД1 и СД2, у пациентов с установленными через 1 год после COVID-19 нарушениями углеводного обмена	73
ГЛАВА 4. ОБСУЖДЕНИЕ	77
ВЫВОДЫ.....	87
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ	88
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	89
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	91

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность

Новая коронавирусная инфекция (COVID-19), достигшая масштабов пандемии за несколько месяцев, продолжает являться актуальной проблемой здравоохранения. По данным всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на сентябрь 2022 г. зарегистрировано более 600 миллионов случаев COVID-19 [176]. Более тяжелое течение COVID-19 установлено у лиц с хроническими заболеваниями, в частности, у пациентов, вовлеченных в другую, неинфекционную эпидемию – сахарный диабет (СД). Распространенность СД среди пациентов COVID-19 достигает 40% [72]. Изучение взаимосвязи COVID-19 и СД обратило внимание всего мирового научного сообщества с первых дней пандемии. Однако сегодня активно обсуждается потенциальное влияние SARS-CoV-2 на углеводный обмен (УО) лиц без предшествующего СД. Экспрессия специфических рецепторов к SARS-CoV-2 на мембране клеток поджелудочной железы (ПЖ) подтверждена рядом исследований [126], но клинические последствия потенциального воздействия вируса на ПЖ изучены недостаточно. В клинической практике нарастает число случаев стрессовой гипергликемии (СГ) у пациентов независимо от анамнеза СД, описаны примеры развития нарушений УО (НУО) в остром и отдаленном периодах после выздоровления COVID-19, в том числе СД. Особенности секреции инсулина, инсулинорезистентности (ИР) не изучены. Несмотря на многочисленные исследования, интерпретация изменений состояния УО у пациентов с COVID-19 нередко вызывает сложности в связи с многофакторным влиянием SARS-CoV-2. Открытым остается целый ряд вопросов: приводит ли COVID-19 к НУО? Изменения в метаболизме глюкозы во время и после COVID-19 носят транзиторный или стойкий характер? Является ли СД на фоне COVID-19 классическим СД1 или СД2 или же SARS-CoV-2 индуцирует новую форму СД?

Изучение клинических последствий воздействия вируса на УО непосредственно в острую фазу COVID-19 и в динамике после выздоровления поможет определить подходы к диагностике и лечению НУО после COVID-19.

Цель исследования

Изучить состояние углеводного обмена, секрецию инсулина и чувствительность к инсулину у пациентов с COVID-19 в динамике в течение 1 года.

Задачи исследования

1. Оценить состояние углеводного обмена у пациентов с COVID-19 в острую фазу заболевания и в динамике в течение 1 года после выписки из стационара.
2. Сравнить секрецию инсулина и инсулинорезистентность в острую фазу заболевания и в течение 1 года после выписки из стационара.
3. Изучить связь маркеров тяжести COVID-19 с показателями состояния углеводного обмена, секреции инсулина и инсулинорезистентности в острую фазу заболевания и в динамике через 1 год после выписки из стационара.
4. Определить предикторы развития нарушений углеводного обмена в течение 1 года после COVID-19.
5. Изучить маркеры, ассоциированные с аутоиммунным повреждением β -клеток и СД2, у пациентов с развившимися нарушениями углеводного обмена через 1 год после COVID-19 в сравнении с группами контроля.

Научная новизна исследования

1. Впервые в России у пациентов, перенесших COVID-19, проведен анализ состояния углеводного обмена в динамике в течение 1 года после выздоровления.
2. Впервые в России изучены секреция инсулина и инсулинорезистентность у пациентов в острую фазу COVID-19.
3. Впервые в мире изучены секреция инсулина и инсулинорезистентность у пациентов с COVID-19 в динамике в течение 1 года.

4. Впервые в мире проведено изучение механизмов нарушений углеводного обмена у лиц с нарушениями углеводного обмена, развившимися после COVID-19
5. Впервые в мире определен потенциальный предиктор отсутствия нарушений углеводного обмена после COVID-19.

Теоретическая и практическая значимость

Изучена динамика состояния углеводного обмена после COVID-19. Изучено влияние COVID-19 на секрецию инсулина и инсулинорезистентность в острую фазу заболевания и в отдаленном периоде через 1 год. Результаты работы могут быть использованы для оптимизации алгоритмов диагностики, лечения и наблюдения пациентов с COVID-19, в особенности без лиц без СД в анамнезе. На основании полученных данных дополнительным категориям пациентов (с риском развития нарушений углеводного обмена) может быть рекомендовано дообследование через 6-8 недель после выздоровления для своевременной верификации состояния углеводного обмена и определения дальнейшей тактики. Предложены биомаркеры для оценки риска развития нарушений углеводного обмена после COVID-19.

Личный вклад автора в проведенное исследование

Автор лично провел анализ состояния научной проблемы в мире на основании литературных данных, сформулировал цель, задачи и дизайн диссертационной работы, принимал непосредственное участие в работе с пациентами и организации проведения лабораторных исследований. Основной объем работы по сбору клинико-анамнестических данных, подготовке базы пациентов, статистической обработке данных и интерпретации полученных результатов, подготовке публикаций и докладов по теме работы выполнены лично автором.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Частота развития нарушений углеводного обмена в течение года после COVID-19 составила $\approx 16\%$ от общего числа пациентов без предшествующего СД, из них частота СД2 $\approx 4\%$.
2. Острая фаза COVID-19 ассоциирована с изолированным транзиторным повышением HbA1c, что определяет необходимость дообследования для верификации состояния УО после выздоровления.
3. Независимо от анамнеза СД в острую фазу COVID-19 происходит транзиторное снижение чувствительности к инсулину и усиление секреции инсулина со снижением этих показателей через 1 год после выздоровления.
4. Пациенты с $HbA1c \geq 6,5\%$ без СД в анамнезе составили наиболее тяжелую когорту по тяжести течения и клиническим исходам COVID-19 среди исследуемых групп, в том числе по сравнению с пациентами, имеющими ранее диагностированный СД.

Степень достоверности и апробация полученных результатов

Официальная апробация диссертационной работы состоялась 06.12.2022 на расширенном заседании межотделенческой научной конференции ФГБУ «НМИЦ эндокринологии» Минздрава России.

Результаты работы представлены на IV (XXVII) Национальном конгрессе эндокринологов с международным участием «Инновационные технологии в эндокринологии (Москва, 2021 г.), ежегодном конгрессе Американской Диабетической Ассоциации (The American Diabetes Association's 81st Scientific Sessions, онлайн-формат, 2021 г.), IX (XXVIII) Национальном диабетологическом конгрессе с международным участием «Сахарный диабет и ожирение - неинфекционные междисциплинарные пандемии XXI века (Москва, 2022 г.).

Публикации

По теме диссертации опубликовано 6 печатных работ, в том числе: 3 полнотекстовые рукописи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, 2 тезиса в сборниках российских конференций, 1 зарубежный тезис.

Объем и структура диссертации

Диссертация изложена на 114 страницах, состоит из введения, 4 глав, выводов, практических рекомендаций, списка сокращений и условных обозначений и списка литературы. Библиография включает 192 источника литературы (12 отечественных и 180 зарубежных). Диссертация иллюстрирована 31 таблицей и 9 рисунками.

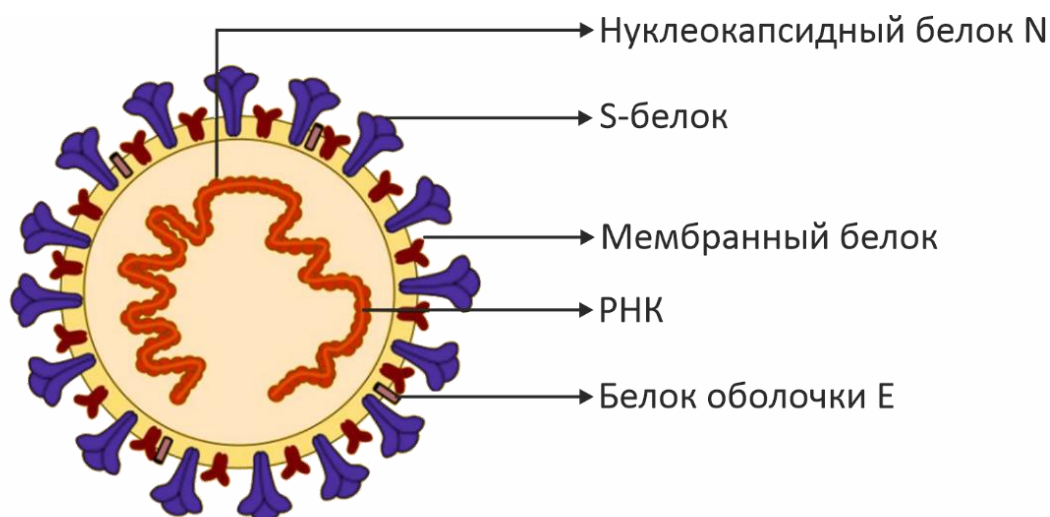

ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Особенности строения и репликации вируса SARS-CoV-2

SARS-CoV-2 — одноцепочечный РНК-содержащий вирус семейства коронавирусов (лат. Coronaviridae) [188; 113; 115].

Вирион SARS-CoV-2 имеет липидную оболочку, в которую погружены шиповидные S-белки, белки E, и наиболее многочисленны – белки M (Рисунок 1). Нуклеокапсид вируса формируется фосфорилированным белком N, нековалентно связанным с одиночным сегментом РНК [11]. Особенностью модификации белков SARS-CoV-2 являются высокогликозилированные S-белки, имеющие значительное количество углеводных фрагментов вследствие интенсивного N-гликозилирования. По подсчетам исследователей, углеводные цепи закрывают собой две трети поверхности вириона SARS-CoV-2 [155]. Проникновение SARS-CoV-2 в клетки происходит при связывании шиповидного S-белка липопротеиновой оболочки вириона с специфическим рецептором – ангиотензинпревращающим ферментом 2 (АПФ2) на поверхностях клеток-мишеней [21; 26]. Клетки-мишени SARS-CoV-2 различны, преимущественно к ним относят клетки альвеолярного эпителия. Однако высокая экспрессия АПФ2 отмечается не только в слизистых верхних дыхательных путей [181; 192], но и в кардиомиоцитах, проксимальных почечных канальцах, печени, эпителии толстой кишки и в ПЖ [126]. Такая локализация рецептора АПФ2 может определять развитие и других различных внелегочных проявлений заболевания, в частности, НУО.

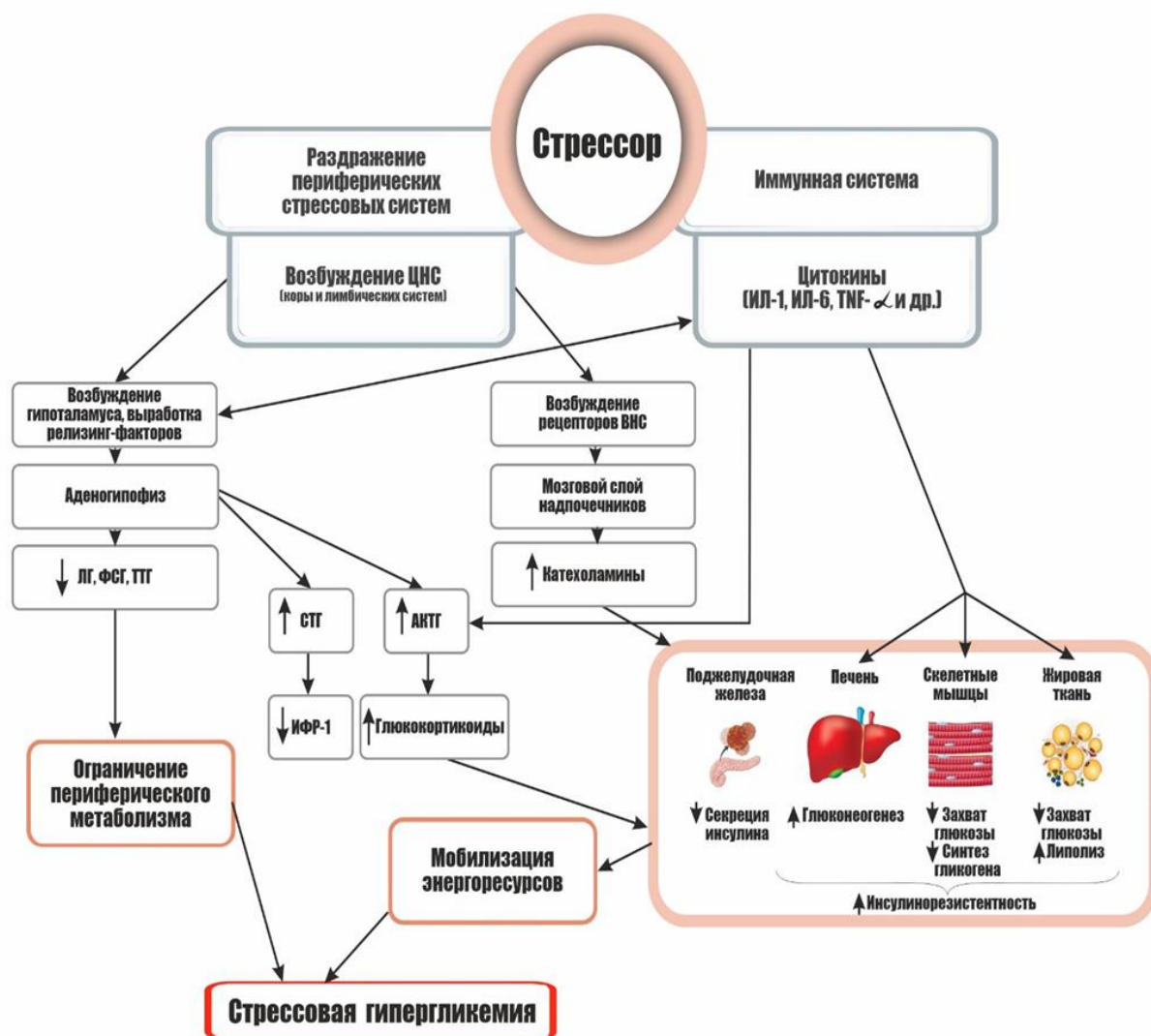
Рисунок 1. Строение SARS-CoV-2

1.2. SARS-CoV-2 и углеводный обмен

1.2.1. Механизмы влияния SARS-CoV-2 на углеводный обмен

Активация нейро-гуморальной регуляции

Сложная адаптационная реакция организма в ответ на стресс включает множество системных патофизиологических процессов. Модификация метаболических реакций, а именно, мобилизация энергоресурсов и снижение энергозатрат в периферических тканях и органах являются частью данной реакции и опосредуются взаимодействием эндокринной, нервной и иммунной систем (Рисунок 2). Итоговым проявлением данного взаимодействия является СГ.

Рисунок 2. Патогенез нарушение углеводного обмена при COVID-19

Примечание – ЦНС – центральная нервная система, ЛГ – лютеинизирующий гормон, ФСГ – фолликулостимулирующий гормон, ТТГ – тиреотропный гормон, АКТГ – адренокортикотропный гормон, ИФР-1 – инсулиноподобный фактор-1, TNF – фактор некроза опухоли-а

Центральным звеном СГ является гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая ось [7; 78]. Воздействие стрессора на периферические рецепторы вызывает формирование очага возбуждения в коре больших полушарий, импульсы из которых направляются в ядра гипоталамуса. Происходит индукция выработки гипоталамусом кортиколиберина, секреция гипофизом адренокортикотропного гормона, под влиянием которого в коре надпочечников вырабатываются глюкокортикостероиды (ГКС). В то же время кортиколиберин ведет к активации симпатoadреналовой системы: из ядер вегетативной нервной системы гипоталамуса импульсы поступают в симпатические центры спинного мозга, а

затем взаимодействуют с Н-холинорецепторами клеток мозгового вещества надпочечников, что стимулирует выброс катехоламинов. Таким образом, осуществляется активация гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и выброс гормонов надпочечников. Влияние ГКС и катехоламинов на УО представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Влияние глюкокортикоидов и катехоламинов на углеводный обмен

<i>Глюкокортикостероиды</i>	<i>Катехоламины</i>
Прямое подавляющее воздействие на секрецию инсулина β -клетками [89]	Снижение секреции инсулина через α -рецепторы, расположенные на мембране β -клеток
Индукция глюконеогенеза и гликогенолиза в печени путем активации серии генов, ассоциированных с метаболизмом глюкозы [169]	
Усиление ИР путем: – воздействия на сигнальный путь рецептора инсулина [134]; – стимуляции дифференцировки преадипоцитов в адипоциты и увеличение массы жировой ткани, и, как следствие, секреции адипокинов (адипонектин, резистин, TNF- α , IL-6, и др.), усиливающих ИР [139]	усиление ИР путем снижения количества рецепторов периферических тканей к инсулину
Стимуляция липолиза, увеличение концентрации СЖК, влияющих на все вышеуказанные процессы [7; 86; 169]	
<i>Примечание</i> – ИР – инсулинорезистентность, TNF- α – фактор некроза опухоли- α , СЖК – свободные жирные кислоты	

Наряду с этим, с целью оптимизации тканевого метаболизма происходит ограничение метаболических процессов в периферических тканях и органах – снижение синтеза гонадотропных гормонов, тиреотропного гормона [70; 168; 174], инсулиноподобного фактора-1 [70; 167; 168]. По итогу происходит централизация поступления глюкозы - к нейронам и кардиомиоцитам [9; 174].

Активация иммунной системы

В условиях любой патологии инфекционного генеза, в частности, COVID-19, развивается комплексная реакция иммунной системы для восстановления гомеостаза. Центральный аппарат регуляции иммунной системы находится в гипоталамусе, т.е. топически совпадает с основными структурами стресс-системы,

что определяет их взаимосвязь. Гипоталамус дает начало сложному эфферентному пути передачи регуляторных влияний на иммунокомпетентные органы и клетки - запускается синтез воспалительных медиаторов (цитокинов и хемокинов - $\text{TNF-}\alpha$, IL-1, IL-6, и С-реактивного белка (СРБ) и др.) [1]. Роль цитокинов в генезе СГ является многофакторной. С одной стороны, ряд цитокинов (IL-1, IL-6) способен напрямую воздействовать на АКТГ, стимулируя выработку ГКС [10; 33]. С другой, цитокины усиливают ИР периферических тканей, индуцируют липолиз и повышение содержание свободных жирных кислот (СЖК), угнетают аэробный гликолиз, что приводит к стимуляции глюконеогенеза.

При нарушении динамического равновесия иммунной системы происходит одновременное увеличение релизинг-факторов в гипоталамусе и активация оси гипоталамус – гипофиз – надпочечники с секрецией ГКС.

Таким образом, рассматривая влияние вышеперечисленных процессов на УО, можно выделить в генезе СГ несколько взаимосвязанных между собой ключевых звеньев (Рисунок 3):

- 1) повышение периферической ИР;
- 2) снижение секреции инсулина;
- 3) усиление глюконеогенеза и гликогенолиза в печени;
- 4) активация липолиза и повышение СЖК

Глубина вышеперечисленных реакций зависит от основного заболевания, тяжести состояния пациента, сопутствующей патологии, фармакотерапии, характера питания и др.

Усиление инсулинорезистентности

Нарастание ИР характерно для иммуновоспалительных заболеваний, в частности инфекционных [97]. Активация иммунокомпетентных клеток ведет к стимуляции каскада реакций в адипоцитах [146], гепатоцитах [32], мышечных клетках [128] и усилению ИР. В таком случае ИР носит физиологический характер и направлена на обеспечение организма в условиях бóльшей энергетической потребности, что подтверждено в ряде работ на животных моделях. При бактериальном воспалении у крыс в жировых клетках усиливается липолиз и

высвобождение СЖК в кровь, в печеночных клетках угнетается оксидация жирных кислот и кетогенез [96]. При острой инфекции у животных усиливается гликонеогенез в печени, гиперлипидемия и развивается ИР [58]. Наряду с указанными изменениями, в адипоцитах повышается синтез СЖК и триглицеридов, усиливается липолиз и уменьшается окисления жирных кислот [91]. Вместе с тем, нельзя исключить и прямое влияние SARS-CoV-2 на адипоциты. В исследовании Basolo и соавт. вирусный нуклеокапсидный антиген был обнаружен в цитоплазме 1–5% адипоцитов в 12 из 12 случаев COVID-19. Также в жировой ткани пациентов с COVID-19 были обнаружены лейкоцитарные инфильтраты, подтверждена экспрессия цитокинов [20].

Генетические факторы

Клиническое течение COVID-19 по данным ряда исследований может определяться индивидуальным распределением АПФ2, TMPRSS 2 и генетической предрасположенностью – носительством полиморфизмов их генов [38]. Результаты одного из крупнейших исследований по изучению генетических особенностей течения COVID-19, объединяющего генетические данные 49562 случаев COVID-19 и 2 миллионов контрольных случаев показало локусы хромосом, ассоциированные с COVID-19 – в хромосоме 3 (*RPL24*), 5 (*DNAH5*), 9 (*ABO*) и 19 (*PLEKHA4*), а также с тяжестью заболевания – в хромосоме 1 (*THBS3*), 2 (*SCN1A*), 3 (*LZTFL1*), 6 (*FOXP4*), 8 (*TMEM65*), 12 (*OAS1*), 17 (*KANSL1*), 19 (*DPP9* и *RAVER1*) и 21 (*IFNAR2*) [104].

Снижение секреции β -клеток

В настоящее время опубликованы результаты большого количества экспериментальных и диагностических работ по влиянию SARS-CoV-2 на клетки ПЖ. SARS-CoV-2 может вызвать повреждение и гибель β -клеток посредством нескольких механизмов (Рисунок 3), запускающихся после взаимодействия с рецептором АПФ2 и проникновения в клетку. Экспрессия рецепторов АПФ2 в клетках ПЖ достоверно установлена в ряде экспериментальных работ методами иммуногистохимии, электронной и конфокальной микроскопии [64; 99; 114; 184]. Однако стали появляться и обратные данные о низкой экспрессии АПФ2 в

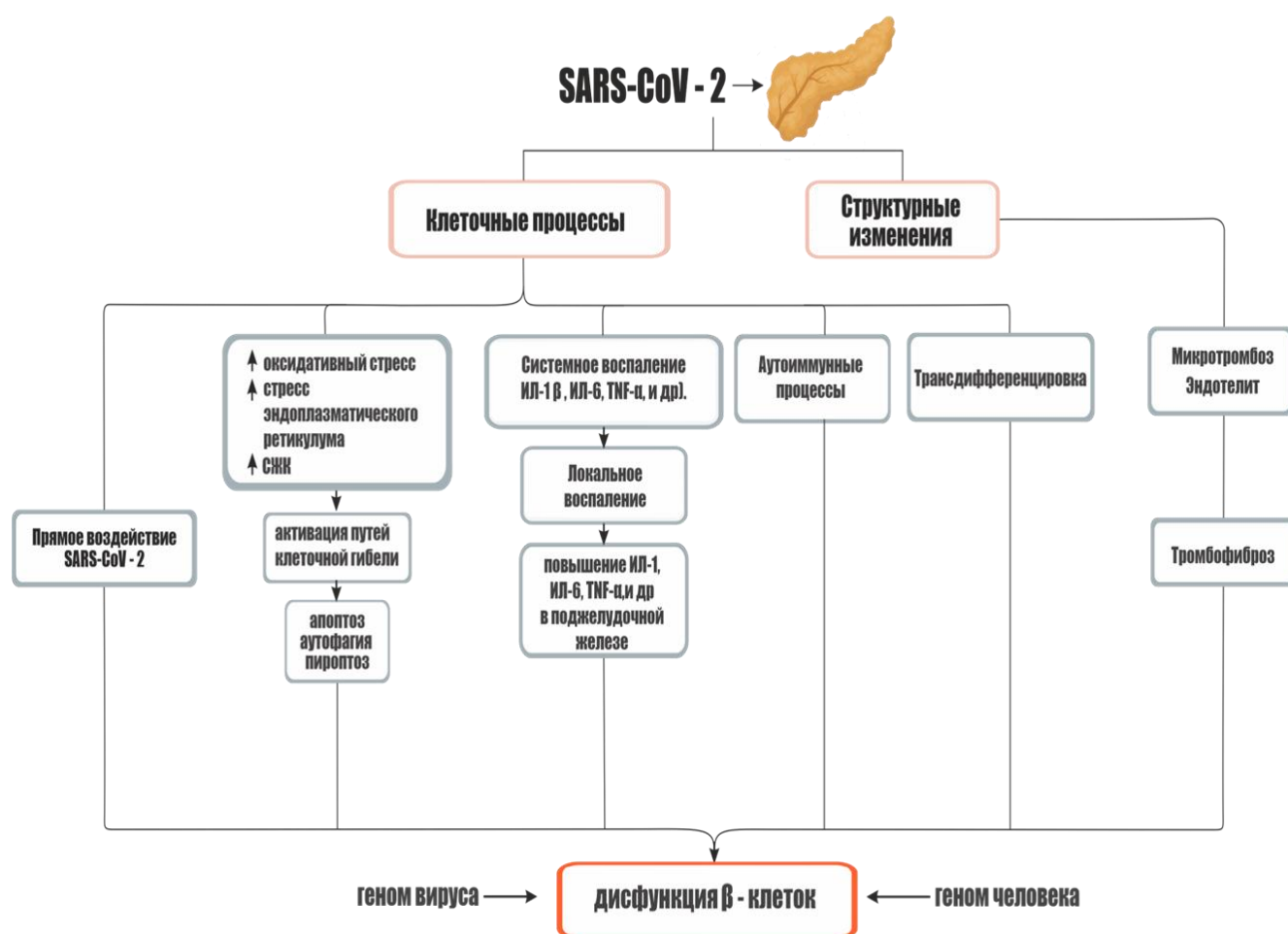
островках Ларгенганса при секвенировании [94]. В работе Hikmet и соавт., повышенная экспрессия АПФ2 наблюдалась не во всей поджелудочной железе – лишь в экзокринных клетках и микроциркуляторном русле [79]. Возможным объяснением этих противоречивых данных являются различные транскрипционные вариации изоформ АПФ2 [27] – полноразмерная (805aa) и короткая (459aa) изоформы АПФ2. Более того, некоторые работы *in vitro* свидетельствуют о том, что рецептором шиповидного белка SARS-CoV-2 выступает лишь полноразмерная изоформа АПФ2 [117]. Короткая изоформа может взаимодействовать с полноразмерной для модуляции восприимчивости клеток к вирусу [64]. В таком случае результаты иммуногистохимии могут различаться в зависимости от специфичности используемых в качестве реагентов антител к АПФ2, которые в настоящее время специфичны или к полноразмерной изоформе, или сразу к обеим изоформам.

Помимо прямого воздействия SARS-CoV-2 на клетку, повреждение может реализовываться и другими механизмами. В условиях COVID-19 кроме системной воспалительной реакции, являющейся самостоятельным триггером запуска ряда путей клеточной гибели, наблюдается локальное воспаление ПЖ. Tang и соавт. сравнили иммунные профили клеток ПЖ, инфицированных SARS-CoV-2 различным путем. Уровни хемокинов и цитокинов были выше в инфицированной ПЖ, чем в фиктивно-инфицированной клеточной культуре [158], что согласуется с другими аналогичными работами [25; 76]. Вместе с тем, характерное для COVID-19 снижение антиоксидантной защиты ведет к каскаду реакций – оксидативному стрессу, и, как следствие – избытку свободных радикалов, индукции стресса эндоплазматического ретикулума, ведущего как к апоптозу, так и аутофагии [178; 184]. Дисфункция β -клеток возможна в исходе трансдифференцировки β -клеток [158]. Отмечается повышение уровня транскрипционной экспрессии маркеров альфа-клеток и ацинарных клеток после заражения SARS-CoV-2 [158].

Возможно развитие и структурных изменений в ПЖ – фиброза, микротромбозов. У лиц с развившимся СД на фоне COVID-19 был выявлен тромбофиброз ПЖ. В срезах ПЖ от инфицированных SARS-CoV-2 приматов были

выявлены множественные микротромбы в поджелудочной железе, распространенный фиброз и эндотелиит. Также наблюдали множественные тромботические поражения в срезах ПЖ у пациентов с COVID-19 [14].

Таким образом, SARS-CoV-2 может привести к гибели и повреждению β -клеток посредством нескольких механизмов: прямого лизиса клеток, запрограммированной гибели клеток, воспаления, аутоиммунного повреждения, трансдифференцировки, фиброза, микротромбоза. Степень вышеуказанных процессов, вероятно, определяется индивидуальными особенностями на клеточном, тканевом и генетических уровнях.

Рисунок 3. Механизмы повреждения β -клеток при COVID-1

1.2.2. Нарушения углеводного обмена, ассоциированные с COVID-19

Схожесть репродукции и патогенетических особенностей SARS-CoV-2 и других представителей семейства коронавирусов, влияющих по данным литературы на УО, с первых дней пандемии COVID-19 обратили внимание мирового научного сообщества на особенности УО у пациентов с COVID-19, и, наоборот, на особенности течения COVID-19 у лиц с СД.

СД2 является одним из самых распространенных сопутствующих заболеваний при COVID-19 наряду с артериальной гипертензией (АГ), ожирением, ишемической болезнью сердца и др. При анализе коморбидного фона пациентов, анамнез СД установлен приблизительно у 30% [56; 66; 148]. Впервые выявленный СД у пациентов с COVID-19 по данным систематического обзора восьми ретроспективных когортных исследований (3700 пациентов с тяжелым COVID-19) диагностирован у 0,6–62% [141]. Данные о частоте выявления СД при COVID-19 представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Частота впервые выявленного СД у пациентов с COVID-19

<i>Авторы</i>	<i>Вид исследования</i>	<i>Объем выборки</i>	<i>Средний возраст</i>	<i>Критерии установки СД</i>	<i>n</i>	<i>Период установки диагноза</i>
Впервые возникший СД						
Li Н. и соавт. [99]	РИ	453	62,2	Отсутствие СД в анамнезе, ГПН > 7,0 ммоль/л, HbA1c < 6,5%	94 (20,7%)	Диагноз установлен в течение 3 дней после госпитализации
Suwanwongse, Shabarek, 2021 [155]	Клинические случаи	3		Развитие СД после перенесенной COVID-19. В 2 из 3 случаев – ДКА		
Marchand et al 2020 [105]	Клинический случай	1		Впервые возникший СД I типа после COVID-19. Нет информация о тяжести или исходе COVID-19		
Ранее не установленный СД						
Yi Н. и соавт. [186]	РИ	521	–	Отсутствие СД в анамнезе, HbA1c $\geq$ 6,5	3 (0,6%)	–
Smith и соавт., 2021 [150]	РИ	184	64,4	Отсутствие СД в анамнезе, HbA1c $\geq$ 6,5	85 (46,2%)	–
Впервые возникший СД или ранее не установленный СД						
Li Н. и соавт. [98]	РИ	453	57,5	Отсутствие СД в анамнезе, ГПН 5,6-6,9,0 ммоль/л, HbA1c 5,7-6,4%	129 (28,4%)	–
Zhou W и соавт. [189]	РИ	80	47,0	Отсутствие СД в анамнезе, рандомная глюкоза плазмы $\geq$ 11,1 ммоль/л и HbA1c < 6,5%	22 (27,5%)	–
Wang и соавт. [172]	РИ	1258	–	Отсутствие СД в анамнезе, ГПН > 7,0 ммоль/л	176 (13,9%)	–
Fadini и соавт., 2020 [60]	РИ	413.	59,3	Отсутствие СД в анамнезе, HbA1c $\geq$ 6,5 или рандомная глюкоза плазмы $\geq$ 11,1 ммоль/л с	21 (5,1%)	–

				клиническими признаками гипергликемии		
Smith и соавт., 2021 [150]	РИ	184	64,4	Отсутствие СД в анамнезе, стойкое повышение ГПН $\geq 7,0$ ммоль/л с потребностью в инсулине	29 (15.8%)	—
Sieglie J. и соавт. [39]	РИ	450	63,9	Отсутствие СД в анамнезе, HbA1c $\geq 6,5$ или рандомная глюкоза плазмы $\geq 11,1$ ммоль/л	13 (2.9%)	—
Lampasona V. и соавт. [95]	РИ	509	64,0	Отсутствие СД в анамнезе, средний уровень ГПН $\geq 7,0$ ммоль/л	49 (9,6%)	—
Wang и соавт., 2020 [173]	РИ	n = 132		—	16 (12,1%)	—
<i>Примечание</i> – РИ – ретроспективное исследование, СД – сахарный диабет, HbA1c – гликированный гемоглобин, ГПН – глюкоза плазмы натощак						

В большинстве работ СД установлен на основании $HbA1c \geq 6,5\%$ без подтверждения диагноза определением уровня гликемии [109; 146]. Несмотря на частую постановку диагноза «впервые возникший СД», нельзя с точностью утверждать о времени дебюта заболевания и связывать его с COVID-19. Данные литературы позволяют разделить впервые возникшие НУО, ассоциированные с COVID-19, на две группы. Первая группа — транзиторные: стрессовая гипергликемия и гипергликемия вследствие приема ГКС, диабетический кетоацидоз. Вторая — стойкие изменения УО: предиабет, СД.

1.2.2.1. Стрессовая гипергликемия

Наиболее распространенным НУО, ассоциированным с COVID-19, по данным множества исследований является СГ, или гипергликемия критических состояний – синдром повышения уровня глюкозы в крови, развивающийся при различных стрессовых состояниях у лиц без предшествующих НУО. Стрессовые состояния включают обширные оперативные вмешательства, массивные травмы, инфаркт миокарда, острое нарушение мозгового кровообращения, некоторые инфекционные заболевания и другие различные острые состояния.

Критерии СГ [164]:

- 1) уровень глюкозы плазмы натощак (ГПН) или после еды $>7,8$ ммоль/л;
- 2) отсутствие СД в анамнезе;
- 3) $HbA1c < 6,5\%$.

У пациентов с предшествующими НУО оценка СГ проводится на основании показателей среднесуточной глюкозы плазмы (ССГП), стресс-индуцированной гликемии (СИГ) [71; 130].

Частота развития стойкой СГ в отделение реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ) составляет от 35 до 85% [52; 54; 82; 170]. При сепсисе СГ может достигать 70% случаев, при остром ИМ – 60%, при ОНМК – 50% [37].

При COVID-19 СГ развивается у 10-35%, встречается как у пациентов с СД в анамнезе, так и без. Обобщенные характеристики исследований по изучению СГ при COVID-19 представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Исследования частоты СГ у пациентов с COVID-19

Авторы	Coppelli et al. [40]	Bode et al. [28]	Zhang et al. [187]	Wang et al. [172]	Li et al. [98]	Sardu et al. [140]	Saand et al. [138]	Zhou et al. [189]
Объем выборки	271	1122	166	429	453	59	495	80
Возраст, лет	–	–	62,7	59,0	–	–	68	47
ИМТ, кг/м ²	26,2	–	24,2	–	–	–	29.74	–
Пол М/Ж, %	67/23	56/44	51/49	53/47	52/48	81/19	58/42	60/40
СД в анамнезе, число, %	56 (21)	194 (17)	61 (37)	–	192 (42)	26 (44)	177 (358)	14 (18)
Нормогликемия, нет СД, n, %	149 (55)	671 (60)	84 (51)	329 (77)	132 (29)	27 (46)	253 (51)	44 (55)
СГ, нет СД, n, %	66 (24)	257 (23)	21 (13)	100 (23)	129 (28)	7 (12)	65(13)	22 (28)
<i>Примечание</i> – СД – сахарный диабет, ИМТ – индекс массы тела, HbA1c – гликированный гемоглобин, СГ – стрессовая гипергликемия								

Таким образом, результаты опубликованных работ демонстрируют высокую частоту СГ у лиц с COVID-19. Однако в большинстве исследований не уточняются показатели, на основании которых устанавливалась СГ у лиц с СД. Также недостаточно данных о частоте оценки гликемии, уровне HbA1c, что позволяет предположить неточную диагностику и пропущенные случаи развития СД.

Нарушения метаболизма глюкозы являются одним из основных факторов, определяющих течение и исходы критических состояний [49]. Ряд исследований демонстрирует линейную зависимость между выраженностью гипергликемии и риском смертности пациентов [62; 92]. По данным мета-анализа 8 клинических исследований СГ ассоциируется с бóльшей частотой необходимости искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и более высокой вероятностью летального исхода. Ухудшение клинических прогнозов связано с часто сопровождающей критические состояния вариабельностью гликемии. В работе Krinsley и соавт. вариабельность гликемии ассоциировалась с бóльшей в 4 раза смертностью, чем у лиц со стойкой гипергликемией [93]. Более того, риск летального исхода для пациентов в критическом состоянии при развитии СГ

значительно выше у пациентов без НУО в анамнезе, чем при декомпенсации хронической гипергликемии [54].

1.2.2.2. Нарушения углеводного обмена при COVID-19 вследствие приема глюкокортикостероидов

Согласно рекомендациям ВОЗ, российским и зарубежным стандартам оказания медицинской помощи при COVID-19 применение ГКС показано пациентам с тяжелым и крайне тяжелым течением инфекции [176]. В случае нерационального назначения ГКС возможно негативное воздействие на течение заболевания – снижение времени элиминации вируса из организма и увеличение частоты присоединения вторичных инфекций [136].

Стандарты оказания медицинской помощи в 2020г. включали назначение дексаметазона 6 мг в сутки, что эквивалентно 150 мг гидрокортизона или 40 мг преднизолона или 32 мг метилпреднизолона продолжительностью 7–10 дней. Далее подходы к терапии ГКС менялись с тенденцией к назначению терапии в бóльших дозах. Результаты исследований эффективности ГКС в терапии COVID-19 представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Исследования эффективности ГКС в терапии COVID-19

<i>Исследование</i>	<i>Исследуемая терапия</i>	<i>Терапия сравнения</i>	<i>Объем выборки</i>	<i>Характер выборки</i>	<i>Первичная конечная точка</i>	<i>Результаты</i>
Дексаметазон						
RECOVERY [48]	per os или в/в 6 мг/сут до 10 дней	СТ	ДМ (n = 2104, СТ (n = 4321)	Госпитализированные пациенты с средне-тяжелым и тяжелым течением COVID-19	28-дневная смертность	Скорректированный по возрасту ОШ 0,83 (95%-й ДИ 0,75–0,93). Большая выживаемость наблюдалась только у пациентов, получавших кислородную поддержку (НИВЛ и ИВЛ).
CoDEX [161]	в/в 20 мг/сут 5 дней, далее 10 мг/сут 5 дней или до выписки из ОРИТ	СТ	ДМ (n = 151), СТ (n = 148)	Госпитализированные пациенты с тяжелым течением COVID-19 на ИВЛ в течение 48 часов после установления диагноза ОДН	Число дней без ИВЛ в течение первых 28 дней. 28-дневная смертность	Среднее число дней без ИВЛ – 6,6 (95%-й ДИ 5,0–8,2) против 4,0 (2,9–5,4), средняя разница – 2,26 (0,20–4,38). Смертность от всех причин между группами не различалась. <i>Исследование завершено досрочно (причина не уточняется)</i>
DEXA-COVID [171]	20 мг в/в 5 дней, далее 10 мг в/в 5 дней	СТ	ДМ (n = 96), СТ (n = 96)	Госпитализированные пациенты с тяжелым течением COVID-19 с тяжелой и средне-тяжелой ОДН, находящиеся на ИВЛ	60-дневная смертность. Количество дней без ИВЛ	Результаты не опубликованы
Гидрокортизон						
CAPE COVID [46]	ГКЗ 200 мг/сут в/в в виде непрерывной инфузии	Плацебо	ГКЗ (n = 76), СТ (n = 73)	Госпитализированные пациенты с тяжелым течением COVID-19	Неэффективность лечения (смерть, стойкая зависимость от ИВЛ или НИВЛ) на 21-й день	Лечение низкими дозами ГКЗ не показало значимой эффективности по сравнению с СТ. <i>Исследование завершено досрочно по указу независимого комитета по мониторингу данных клинического исследования</i>

REMAP-CAP [15]	в/в 50–100 мг четыре раза в день 7 дней (фиксированная доза), 50 мг четыре раза в день 28 дней («шоковая» доза- при шоковом состоянии пациента, в том числе вследствие цитокинового шторма)	СТ	ГКЗ в фиксированной дозе (n = 137), ГКЗ в «шоковой» дозе (n = 146) СТ (n = 101)	Госпитализированные пациенты с тяжелым течением COVID-19	Число дней без респираторной или сердечно-сосудистой поддержки в ОРИТ в течение 21 дня	ОШ при фиксированной дозе 1, 43 (95%-й ДИ 0,91–2,27) и 93%, при шоковой дозе – 1,22 (95%-й ДИ 0,76–1,94) и 80% соответственно. <i>Исследование завершено досрочно, т.к. схемы лечения не соответствовала ранее определенным, что не позволяло сделать корректные выводы</i>
Метилпреднизолон						
GLUCOVID [41]	в/в 40 мг два раза в день 3 дня, затем 20 мг два раза в день 3 дня	СТ	МП (n = 35), СТ (n = 29)	Госпитализированные пациенты с легким и средним течением COVID-19	Смерть, поступление в ОРИТ или необходимость НИБЛ	Эффективность лечения между группами не различалась. <i>Исследование завершено досрочно (причина не уточняется)</i>
Tang et al. [157]	В/в 1 мг/кг в сутки 7 дней	плацебо	МП (n = 43), плацебо (n = 43)	Госпитализированные пациенты с легким и средним течением COVID-19	Клиническое ухудшение в течение 14 дней. Состояние клеточного иммунитета	Различий в частоте клинического ухудшения между группами не наблюдалось. Продолжительность положительного результата ПЦР -теста в группе МП значительно превышала группу с СТ. Подавление клеточного иммунного ответа (меньшее число CD3+, CD8+ Т-клеток, НК в группе МП). <i>Исследование завершено досрочно (причина не уточняется)</i>
Edalatifard et al. [53]	В/в 250 мг в сутки 3 дня	плацебо	МП (n = 34), плацебо (n = 34)	Госпитализированные пациенты с средним и тяжелым течением COVID-19 (SpO2 < 90%)	Смертность в ходе госпитализации	Меньшая смертность в группе МП (5,9% против 42,9%; p<0,001).
MetCOVID [83]	в/в 0,5 мг/кг два раза в день в течение 5 дней	СТ	МП (n = 194), СТ (n = 199)	Госпитализированные пациенты, тяжесть течения COVID-19 не уточняется	28-дневная смертность	Смертность от всех причин между группами не различалась
<i>Примечание – СТ – стандартная терапия, ДМ – дексаметазон, МП – метилпреднизолон, ГКЗ – гидрокортизон, ОДН – острая дыхательная недостаточность</i>						

Данные по значимой эффективности ГКС в лечении COVID-19 были получены только для дексаметазона в рамках исследований RECOVERY и CoDEX. Однако эти исследования имели наибольшие выборки тяжелых пациентов. Кроме того, многие из исследований были прекращены досрочно. Большинство опубликованных работ включает данные лишь ГПН, что может привести к недостоверной верификации диагноза. Оценка риска стероид-индуцированных НУО затруднительна в связи с различиями в препаратах и схемах лечения.

Терапия ГКС имеет ряд побочных эффектов, которые могут возникать даже в отдаленном периоде [74; 85]. Возможно ухудшение гликемического профиля у пациентов с СД, маскировка ранее недиагностированного СД, индукция гипергликемии и дебют СД [13; 75].

Частота развития гипергликемии среди пациентов без СД в анамнезе на фоне ГКС достигает 40%, частота развития стероид-индуцированного СД – до 35% [100]. Риск развития стойких НУО зависит от дозы и длительности терапии. В исследовании Gurwitz и соавт. среди 11 855 пациентов риск развития СД и необходимости сахароснижающих препаратов возрастал в 3,02, 5,82 и 10,35 раз при приеме гидрокортизона в дозах 50, 100, 120 мг соответственно [75].

Опубликованных работ по оценке частоты развития ГКС-ассоциированных НУО при COVID-19 в настоящее время нет в связи с сложностью установки причины гипергликемии: большой вероятностью развития СГ на фоне воспаления и особенностей репродукции SARS-CoV-2. Случаи развития стероид-индуцированного СД описаны у пациентов с пневмонией, ассоциированной с другим представителем семейства SARS в 2003 г. В работе Xiao и соавт. среди 95 пациентов с SARS, получавших ГКС в максимальной терапевтической дозе, у 34,7% пациентов произошла манифестация СД, при этом единственным выявленным предиктором развития СД была максимальная суточная доза метилпреднизолона [180].

Несмотря на то, что терапия ГКС может привести к развитию гипергликемии, нельзя исключать преимущества применения ГКС в отношении снижения смертности от COVID-19.

1.2.2.3. Сахарный диабет вследствие панкреатита, индуцированного COVID-19

Нарушения УО являются одним из осложнений патологии ПЖ и оперативных вмешательств на ней [90; 116].

Развитие панкреатогенного СД установлено после перенесения ряда вирусных заболеваний, ассоциированных с повреждением ПЖ (вирус Коксаки, цитомегаловирус, вирус иммунодефицита человека, вирусные гепатиты, эпидемический паротит, вирус ветряной оспы и др.) [131]. Репродукция вирусов в островковых клетках приводит к локальному воспалению, повреждению паренхимы и фиброзу. Потеря массы островковых клеток ведет к снижению секреции не только инсулина, но и глюкагона, панкреатического полипептида [65]. Учитывая сложности дифференциальной диагностики, были разработаны диагностические критерии панкреатогенного СД:

- 1) подтвержденная экзокринная недостаточность ПЖ (моноклональный тест на фекальную эластазу-1, прямые функциональные тесты);
- 2) патологические структурные изменения ПЖ с использованием методов лучевой диагностики (КТ, МРТ);
- 3) отсутствие аутоиммунных маркеров СД1.

Дополнительные диагностические критерии: отсутствие секреции ПП, нарушение секреции инкретинов (например, глюкагоноподобный пептид-1), отсутствие ИР, нарушение функции β -клеток, низкий уровень жирорастворимых витаминов (А, D, Е, К) [8; 160; 182].

Экспрессия АПФ2 на островковых клетках позволяет предположить возможное развитие панкреатита, ассоциированного с COVID-19. Рабочей группой по острому панкреатиту Великобритании было организовано международное многоцентровое ретроспективное когортное исследование влияния SARS-CoV-2 на течение и лечение острого панкреатита (COVIDPAN). Согласно первым опубликованным результатам, COVID-19 на 10% повышает частоту развития идиопатического острого панкреатита [45].

В настоящее время описан лишь один клинический случай развития предположительно панкреатогенного СД после COVID-19 (Табл.5) [18].

Таблица 5. Клинический случай развития панкреатогенного СД после COVID-19

Авторы	Клинический случай	Лабораторное обследование				Инструментальное обследование	Потребность в инсулине
		АТ к бат-клеткам	HbA1c	Глюкоза в течение дня, ммоль/л	Экзокринная недостаточность		
Baki S.; Boutba-oucht M.	Пациент 18 лет с подтвержденной COVID-19 в течение нескольких дней после госпитализации отметил диспептические явления. По результатам обследования установлен СД	Нет	14,3%	32.4	Да. Амилаза 180 ЕД/л (25-115), липаза 1005 МЕ/л (73-160), альбумин 2,4 г/дл (3,5-7,2).	КТ ОБП: картина острого панкреатита	Есть, снизилась после начала терапии панкреатита
Примечание – СД – сахарный диабет, КТ ОБП – компьютерная томография органов брюшной полости							

Ограничивающим фактором опубликованных в данном направлении исследований является частое повышение уровня ферментов ПЖ в крови при COVID-19 по причине развития осложнений, косвенно влияющих на уровни амилазы и липазы в крови, например, ацидоза, и почечной недостаточности [45]. Результаты экспериментальных работ на животных моделях по панкреатиту, ассоциированному с COVID-19, не опубликованы.

1.2.3. Особенности течения COVID-19 у лиц с СД в анамнезе

СД – фактор риска более тяжелого и неблагоприятного течения многих заболеваний [190]. Пациенты с COVID-19 и СД по сравнению с пациентами без СД имеют повышенный риск госпитализации в ОРИТ (17,6% против 7,8%) и смертности (20,3% против 10,5%) [148]. Средняя смертность лиц с СД при COVID-19 составляет 22-31% от всех пациентов с COVID-19 [29]. По данным

«Федерального Регистра сахарного диабета» РФ смертность пациентов с СД при COVID-19 составляет около 15-16% [145].

Госпитализированные пациенты с COVID-19 с СД имеют более высокую вероятность развития дыхательной недостаточности и необходимости ИВЛ [36]. В одном из наиболее масштабных исследований CORONADO на 7-й день госпитализации ИВЛ требовалась каждому пятому пациенту с СД (20,3%), летальный исход наступал у каждого десятого пациента (10,3%) [34].

Отягощающее влияние SARS-CoV-2 на течение многих заболеваний связано в первую очередь с коморбидностью СД, диабетическими осложнениями. Во-вторую, с частой декомпенсацией СД во время инфекционных заболеваний на фоне снижения физической активности, изменения питания, нередкими при инфекциях диспептическими явлениями [19; 80; 132]. А также с патофизиологическими особенностями течения и прогрессирования СД. Взаимоотягощающий характер СД2 и COVID-19 имеет многофакторный генез (Рисунок 4).

Ожирение. Ожирение – самостоятельный фактор риска тяжелого течения COVID-19 [66; 148]. По данным крупного мета-анализа 208 исследований с участием 3 550 997 человек из более чем 32 стран ожирение при COVID-19 ассоциируется с повышенным риском госпитализации [142]. Риск тяжелого течения инфекции и необходимости ИВЛ более чем в 7 раз выше у лиц с индексом массы тела (ИМТ) >35 кг/м² по сравнению с пациентами с ИМТ <25 кг/м² [148].

Помимо потенцирования множественных метаболических нарушений и ассоциации с АГ, сердечно-сосудистыми заболеваниями, нарушениями коагуляции, ключевую роль при COVID-19 имеет хроническое воспаление [4], ведущее к неадекватному иммунному ответу [162]. Для воспаления жировой ткани характерно смещение баланса цитокинов, что ведет к повышению провоспалительных цитокинов (TNF- α , MCP-1, IL-6, лептина) и снижению концентрации противовоспалительных цитокинов [120; 135]. Вместе с тем, в условиях хронической гипергликемии при ожирении изменения происходят и в клеточном звене иммунной системы – нарушается пролиферация, функционирование и хемотаксис моноцитарно-макрофагальной системы [22].

Развивается вторичное нарушение иммунитета на фоне персистирующего воспаления при СД2, которое предрасполагает к прогрессированию инфекции и развитию осложнений [23; 162].

Повышенная экспрессия рецептора АПФ-2 в легких и поджелудочной железе является другим отягощающим течение COVID-19 фактором при СД [137; 166].

Нарушение процессов коагуляции специфично как для COVID-19, так и для СД, что значительно увеличивает риск развития тромботических осложнений у пациентов с данной сочетанной патологией [127]. При COVID-19 отмечаются высокие уровни D-димера, активированного частичного тромбопластинового времени и продуктов распада фибрина [110]. Пациентам с СД2 свойственна гиперкоагуляция за счет повышенной экспрессии рецепторов фибриногена, фактора фон Виллебранда на мембране тромбоцитов [152]. Повышенные уровни цитокинов IL-1, IL-6, IL-8, sP-селектина, ассоциированных с хроническим воспалением при СД2, способствуют гиперактивации тромбоцитов и ускорению превращения фибриногена в фибрин [84].

Диабетический кетоацидоз (ДКА). Системная воспалительная реакция, ведущая к усилению ИР, повышению иммунной реактивности организма и повреждению β -клеток может привести к быстрому ухудшению метаболизма с развитием ДКА и/или гипергликемического гиперосмолярного синдрома. При COVID-19 ДКА наблюдается у 10–77% пациентов, при этом бóльшая распространенность наблюдается при СД2, а не СД1, для которого ДКА более характерен [121]. При сравнении клинических исходов COVID-19 у лиц СД1 и СД2 и ДКА по данным метаанализа 11 исследований с участием 7690415 пациентов, у лиц с СД1 отмечалась меньшая смертность, при отсутствии различий по частоте госпитализации по сравнению с пациентами с СД2 [143]. Развитие кетоацидоза при COVID-19 описано и у лиц без предшествующего СД. В исследовании Eskandarani и соавт. [57] среди 658 госпитализированных пациентов с диагнозом COVID-19 у 42 (6,4%) развился кетоацидоз при поступлении. Только у 15 (35,7%) из них был СД в анамнезе, у двоих выявлен ранее не установленный СД, что позволяет

предположить возможное ускорение липолиза и индукцию кетоацидоза у лиц без предшествующего диагноза СД при COVID-19.

Пандемия. Длительный локдаун и психоэмоциональное перенапряжение отразились на компенсации УО у многих пациентов вследствие снижения физической активности, погрешностей в питании. Ghosh и соавт. [69] сравнили клинико-лабораторные особенности СД, выявленного во время пандемии COVID-19 ($n = 282$), и впервые диагностированного непосредственно перед пандемией СД ($n = 273$). У пациентов с впервые выявленным СД во время пандемии COVID-19 отмечались более высокие уровни HbA1c и гликемии в течение дня. Худший метаболический профиль выявленного во время пандемии СД может быть связан с поздней диагностикой вследствие изоляции и/или опасения посещения медицинских учреждений, низкой физической активностью, особенностями питания на фоне стресса.

Рисунок 4. Взаимосвязь СД и COVID-19

1.2.4. Дифференциальная диагностика и тактика ведения нарушений углеводного обмена при COVID-19

Диагностические подходы к верификации диагноза в случае выявления гипергликемии у пациентов с COVID-19 не изменились и определяются установленными ранее клиническими рекомендациями. Уровень HbA1c рекомендовано оценивать всем лицам с СД в анамнезе, а также пациентам с гликемией $>7,8$ ммоль/л при отсутствии определенного в течение предшествующих 3 месяцев HbA1c [8]. СД устанавливается при HbA1c $<6,5\%$ и уровне глюкозы (в том числе при случайном определении) $>7,8$ ммоль/л. В случае нормального уровня HbA1c и гликемии $>7,8$ ммоль/л рекомендовано расценивать как стрессовую. Поддержание целевого уровня гликемии является важнейшим фактором благоприятного исхода COVID-19 как у пациентов с СД, так и без [28; 124].

Целевые показатели гликемии у пациентов в условиях стационара являются предметом активного изучения и давних дискуссий. Принятые целевые показатели ГПН $<6,1$ ммоль/л по данным крупного многоцентрового рандомизированного исследования NICE-SUGAR не только не продемонстрировали значительного преимущества в клинических исходах, но и были ассоциированы с большей смертностью, чем при гликемии 7,8–10,0 ммоль/л (27,5% против 25%) [81]. Результаты данного исследования послужили поводом для пересмотра целевых показателей гликемии для пациентов в ОРИТ. Рекомендованной верхней границей целевых показателей гликемии выбран уровень глюкозы 10,0 ммоль/л в связи с данными об увеличении госпитальных осложнений при показателях гликемии $<10,0$ ммоль/л. Согласно последним рекомендациям ADA общими целевыми показателями гликемии в условиях стационара независимо от патологии является уровень глюкозы в пределах 7,8–10,0 ммоль/л, для более стабильных пациентов без риска развития гипогликемии возможно рассмотрение диапазона 6,1–7,8 ммоль/л [50]. Общество эндокринологов (The Endocrine Society) определяет целевыми значениями показатели глюкозы: натощак $<7,8$ ммоль/л, постпрандиально

<10,0 ммоль/л, для пациентов в критическом состоянии или с высоким риском гипогликемий <11,1 ммоль/л [164].

Выбор препаратов для интенсификации терапии у лиц с СД или коррекции СГ у пациентов с COVID-19 затруднен. Терапия пероральными сахароснижающими препаратами (ПССП) возможна у пациентов с легким течением COVID-19. Выбор антигипергликемической терапии в остром периоде COVID-19 зависит от исходной терапии, выраженности гипергликемии, клинической картины и тяжести течения инфекции. Интенсификация антигипергликемической терапии у пациентов с легким и среднетяжелым течением может проводиться в амбулаторных условиях [51]. Данные о безопасности использования ПССП ограничены [122; 164], ингибиторы фермента дипептидилпептидазы 4 типа (иДПП-4) в сочетании с базальным инсулином могут быть альтернативой у пациентов с легким и средним течением COVID-19 и гипергликемией [59; 122], агонисты рецепторов глюкагоноподобного пептида-1 (аГПП-1) не рекомендованы в связи с риском развития диспепсических явлений или усиления уже имеющихся на фоне заболевания [31]. Метформин и ингибиторы натрий-глюкозного котранспортера 2-го типа (иНГЛТ-2) не рекомендованы из-за риска лактоацидоза и ДКА соответственно [30]. Инсулинотерапия показана всем пациентам с тяжелым течением COVID-19, сопровождающейся гипергликемией с целью улучшения общего гликемического контроля, снижения вариабельности глюкозы и риска тяжелой гипогликемии [30; 144]. Для достижения целевых показателей гликемии наиболее эффективной является непрерывная внутривенная инфузия инсулина, основанная на утвержденных протоколах [17; 123; 129]. Однако большинство из протоколов требуют мониторинга уровня глюкозы каждый час для достижения целевого уровня гликемии и снижения риска гипогликемии, что затруднительно в условиях COVID-19. В настоящее время специально разработанных протоколов инсулинотерапии при COVID-19 нет. Гемодинамически стабильным пациентам с COVID-19, не находящимся на парентеральном питании или высоких дозах ГКС рекомендована инсулинотерапия подкожно в базисном или базис-полусном режиме [30; 51; 133]. Начальная доза

подкожного введения инсулина при смене режима инсулинотерапии соответствует 60–80% инсулина, введенного внутривенно в течение предшествующих 24 часов. Для профилактики развития рикошетной гипергликемии после смены режима инсулинотерапии инсулин ультракороткого действия можно вводить за 1–2 часа до прекращения инфузии, а инсулин длительного действия — за 2–3 часа. Частота определения уровня гликемии определяется режимом инсулинотерапии и питания. При непрерывной инсулинотерапии рекомендовано определение гликемии каждый час, при базисном или базис-болюсном режиме каждые 4–6 часов при парентеральном питании, при обычном питании – каждые 6 часов или перед приемом пищи и на ночь [30; 51; 144]. Несмотря на то, что непрерывный мониторинг имеет преимущества [30], его использование при COVID-19 не всегда желательно. Некоторые устройства мониторинга глюкозы (Dexcom G5, Medtronic Enlite и Guardian) подвергаются воздействию парацетамола, что снижает достоверность результатов [102]. Также на точность измерения интерстициальной глюкозы могут повлиять характерные для COVID-19 гипоксемия и снижение периферической перфузии [144]. Рекомендации по ведению СГ у пациентов с COVID-19 представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Рекомендации по ведению СГ у пациентов с COVID-19 [122; 124; 164]

	Целевые показатели глюкозы	Клинические особенности/картина		Сахароснижающая терапия	Контроль гликемии
Пациенты в критическом состоянии	7,8–10,0 ммоль/л*	Гемодинамически нестабильный Парентеральное питание Нестабильная потребность в инсулине Терапия ГКС		Непрерывная внутривенная инфузия инсулина	Каждый час
		Гемодинамически стабильный Стабильная потребность в инсулине		Назначение инсулина подкожно в базис-болюсном режиме или только пролонгированный инсулин	Каждые 4–6 часов
Стабильные пациенты	6,1–1,0 ммоль/л **	СД1	Парентеральная поддержка	Назначение пролонгированного инсулина	Каждые 4–6 часов#
		СД2 на ПССП и/или инсулинотерапии	Обычное питание	Назначение инсулина подкожно в базис-болюсном режиме	Перед едой и на ночь#
		СД2 на диетотерапии	Гликемия при поступлении < 10,0 ммоль/л	ИУКД по требованию перед едой или каждые 6 часов #	Перед едой и на ночь или каждые 6 часов#
		Неустановленный СД	Гликемия при поступлении > 10,0 ммоль/л	Назначение инсулина подкожно в базис-болюсном режиме	Перед едой и на ночь#
Примечание – * – 7,8–10,0 ммоль/л – при отсутствии риска выраженной гипогликемии; ** – 6,1–7,8 ммоль/л для стабильных пациентов с легким течением заболевания и предшествующим строгим гликемическим контролем. Гликемия > 7,8 ммоль/л рекомендована для пациентов с высоким риском гипогликемии или с ограниченной ожидаемой продолжительностью жизни. # – рекомендован непрерывный мониторинг уровня глюкозы, если это возможно					

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

2.1. Критерии постановки диагноза

Диагноз COVID-19 устанавливался на основании клинической картины и результата компьютерной томографии легких при поступлении. Дополнительно проводился тест на SARS-CoV-2 методом ПЦР – положительный результат был получен у 53% пациентов.

Диагноз СД устанавливался на основании $HbA1c \geq 6,5 \%$ и ГПН $\geq 7,0$ ммоль/л и/или глюкозы крови при поступлении (ГКПП) $\geq 11,1$ ммоль/л.

При динамическом наблюдении пациентов в течение 1 года после COVID-19 НУО устанавливались на основании выявленного в ходе перорального глюкозотолерантного теста (ПГТТ) через 6-8 недель и/или через 1 год после выписки предиабета/СД и/или $HbA1c > 6,0\%$ через 1 год после выписки.

2.2. Изучаемая популяция и дизайн исследования

Исследование было проведено в 3 этапа: первый этап в дизайне одномоментного сравнительного исследования, второй этап – проспективное сравнительное исследование, третий этап – одномоментное сравнительное исследование. В исследование включены пациенты, соответствующие критериям включения и исключения с диагнозом «COVID-19, осложненная вирусной пневмонией», госпитализированные в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр эндокринологии» Минздрава России, функционировавшем как стационар для пациентов с COVID-19 в соответствии с приказом Минздрава России №397 от 01.05.2020 года. Расчет выборки заранее не проводился. Для решения 6 задачи были дополнительно сформированы группы сравнения из пациентов с впервые выявленным СД2 и здоровых добровольцев, подобранных соответственно количеству, возрасту, полу и ИМТ.

После первичного обследования всех госпитализированных пациентов на основании данных о наличии СД в анамнезе, обследования уровней $HbA1c$, ГКПП и ГПН были сформированы 4 группы (в скобках указаны названия, используемые далее):

1. Пациенты без СД в анамнезе с $HbA1c \leq 6,0\%$ ($HbA1c \leq 6,0\%$)
2. Пациенты без СД в анамнезе с $HbA1c 6,1-6,4\%$ ($HbA1c 6,1-6,4\%$)
3. Пациенты без СД в анамнезе с $HbA1c \geq 6,5\%$ ($HbA1c \geq 6,5\%$)
4. Пациенты СД в анамнезе

В проспективное наблюдение были включены 3 группы

1. Пациенты без СД в анамнезе с $HbA1c \leq 6,0\%$
2. Пациенты без СД в анамнезе с $HbA1c > 6,0\%$ (объединены пациенты без СД в анамнезе с $HbA1c 6,1-6,4\%$ и $HbA1c \geq 6,5\%$)
3. Пациенты СД в анамнезе

Способ формирования выборки пациентов с COVID-19: сплошной.

Период набора: 01.05.2020 – 05.06.2020гг.

Критерии соответствия

Критерии включения пациентов с COVID-19:

1. мужчины и женщины в возрасте ≥ 18 лет;
2. COVID-19 среднетяжелой или тяжелой степени тяжести, осложненная вирусной пневмонией;
3. подписание информированного согласия на участие в исследовании и проведение обследования.

Критерии исключения с COVID-19:

1. беременность или период лактации;
2. прием системных глюкокортикостероидов до госпитализации;
3. химиотерапия и онкологические заболевания в анамнезе в течение последних 6 мес.;
4. тяжелые, известные ранее хронические заболевания.

Для решения 6 задачи и сравнения пациентов с нарушениями УО через 1 год после COVID-19 были 3 группы:

1. здоровые лица (группа контроля)
2. пациенты с впервые выявленным СД2 (группа контроля);

3. пациенты с НУО в течение 1 года после COVID-19 - пациенты с подтвержденным в ходе ПГТТ через 6-8 недель и/или через 1 год после выписки предиабетом/диабетом и/или с $HbA1c > 6,0\%$.

Способ формирования выборки групп: произвольный.

Период набора: 01.09.2021 – 01.04.2022гг.

Критерии включения в исследование для группы здоровых лиц:

1. мужчины и женщины в возрасте ≥ 18 лет;
2. подписание информированного согласия на участие в исследовании и проведение обследования.

Критериями включения в исследование для группы лиц с впервые выявленным СД2:

1. мужчины и женщины в возрасте ≥ 18 лет;
2. выявленный в течение 1 года до включения в исследование СД2;
3. компенсация УО (достигнутый целевой уровень $HbA1c$) на фоне диетотерапии;
4. подписание информированного согласия на участие в исследовании и проведение обследования.

Критерии исключения для группы лиц с впервые выявленным СД и здоровых добровольцев:

1. период беременности и лактации;
2. прием глюкокортикостероидов;
3. любые онкологические заболевания;
4. химиотерапия и онкологические заболевания в анамнезе в течение последних 6 мес.;
5. тяжелые, известные ранее хронические заболевания;
6. наличие любых острых заболеваний либо декомпенсация хронических заболеваний на момент включения в исследование.

На рисунке 5 представлен дизайн исследования.

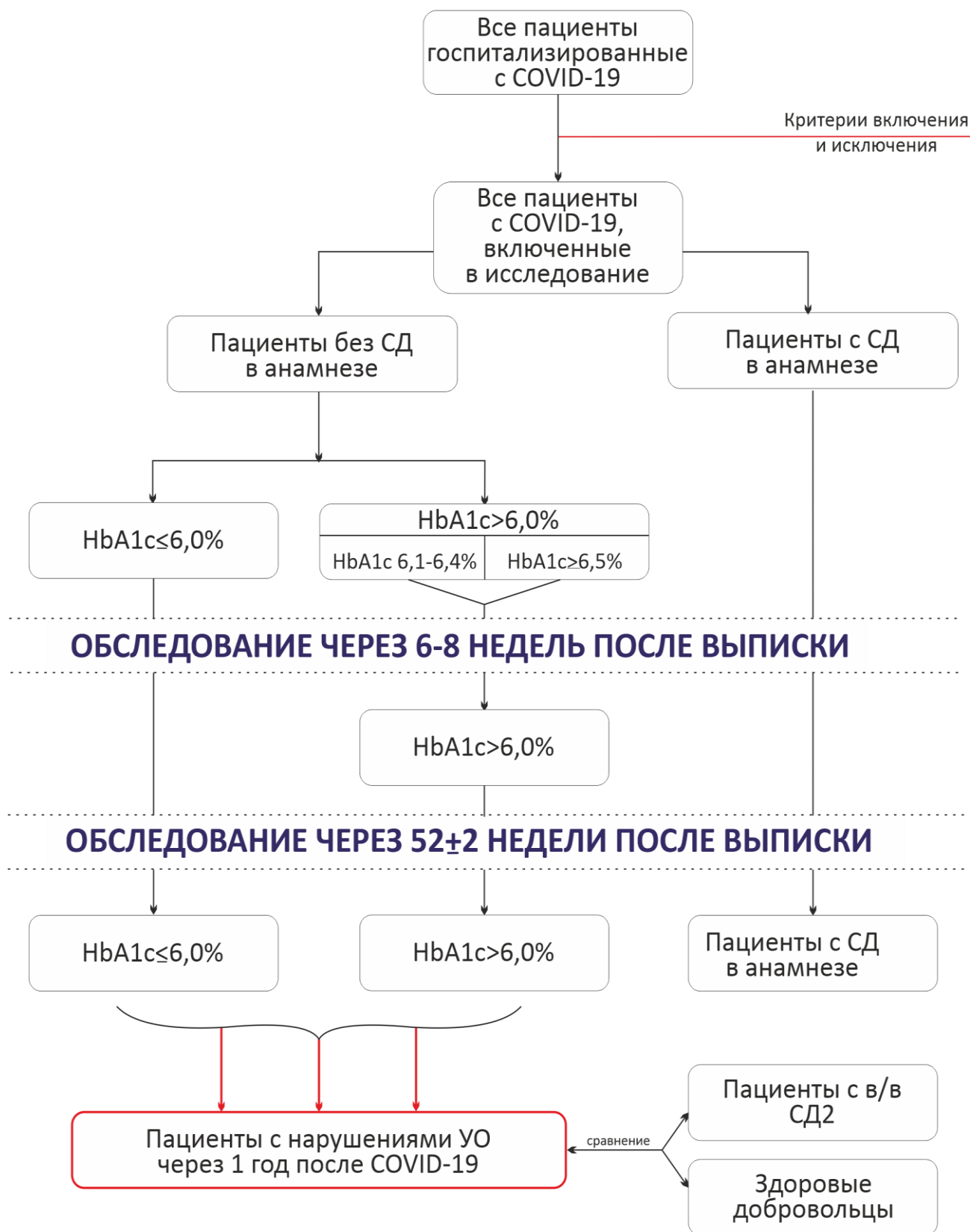

Рисунок 5. Дизайн исследования

2.3. Методы обследования пациентов

Первичное обследование проводилось в условиях “красной зоны”. Проводился сбор жалоб, всех видов анамнеза со слов пациента и по данным представленной медицинской документации (при наличии), у женщин уточнялась возможная беременность. Проводились измерения антропометрических параметров, осмотр, лабораторные и инструментальные исследования, в том числе для исключения обострения хронических заболеваний. У пациентов с СД в анамнезе дополнительно уточнялась длительность заболевания, терапия на момент поступления, наличие и количество членов семьи/родственников с СД. Соответствие критериям включения в группы сравнения было оценено на основании данных всех видов анамнезов и по результатам первичного обследования пациентов.

Измерение антропометрических показателей включало оценку роста, веса, вычисление ИМТ по формуле: $\text{ИМТ (кг/м}^2\text{)} = \text{масса (кг)}/\text{рост}^2 \text{ (м}^2\text{)}$.

На каждой из контрольных точек исследования проводился сбор жалоб, измерения антропометрических параметров, уточнялся эпидемиологический анамнез, перенесенные в течение времени наблюдения острые заболевания и/или обострения хронических заболеваний. Уточнялась лекарственная терапия в течение всего периода наблюдения.

Лабораторные и инструментальные методы обследования

Все лабораторные исследования были проведены на базе биохимической лаборатории ФГБУ «НМИЦ эндокринологии» Минздрава России (зав. Никанкина Л.В). Дизайн обследования пациентов представлен в Таблицах 7, 8.

Таблица 7. Обследование пациентов, включенных в исследование

Исследуемые группы и показатели/ этапы	Пациенты без СД в анамнезе с HbA1c ≤6,0%	Пациенты без СД в анамнезе с HbA1c>6,0%	Пациенты с СД в анамнезе
I этап. Обследование в острую фазу заболевания (1 и 2 день госпитализации)	Общеклиническое обследование Определение: - состояния УО (ГПН, ГКПП, HbA1c, КПП) - секрции инсулина (ИРИ, С-пептид, проИРИ, проИРИ/ИРИ, НОМА-%β) - инсулинорезистентности (НОМА-IR) -маркеров тяжести COVID-19 (С-РБ, Д-димер, SpO2, тяжесть течения по NEWS, длительность госпитализации, частота перевода в ОРИТ, летального исхода)		
II этап. Обследование через 6-8 недель после выписки	-	Определение: - состояния УО (ГПН, HbA1c, ПГТТ) - секрции инсулина (ИРИ, С-пептид, НОМА-%β, инсулиногенный индекс) - инсулинорезистентности (НОМА-IR)	-
Обследование через 1 год после выписки	Определение: - состояния УО (ГПН, HbA1c, КПП) - секрции инсулина (ИРИ, С-пептид, проИРИ, проИРИ/ИРИ, НОМА-%β) - инсулинорезистентности (НОМА-IR) - состояния УО (ПГТТ) - секрции инсулина (инсулиногенный индекс)		
III этап.	Сравнение пациентов с развившимися после перенесенной COVID-19 НУО с группами контроля		

Примечание: ИР – инсулинорезистентность, ГПН – глюкоза плазмы натощак, ГКПП – глюкоза крови при поступлении, СД1 – сахарный диабет 1 типа, СД2 – сахарный диабет 2 типа, ПГТТ – пероральный глюкозотолерантный тест, ИРИ – иммунореактивный инсулин, проИРИ – проинсулин, проИРИ/ИРИ –проинсулин/инсулиновое соотношение, СРБ– С-реактивный белок, SpO2 – степень насыщения крови кислородом, КПП – конечные продукты гликирования, НОМА-IR – Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance, гомеостатическая модельная оценка инсулинорезистентности, НОМА-%β – Homeostasis Model Assessment of β-cell function, гомеостатическая модель определения функции β-клеток.

Таблица 8. Содержание обследования групп сравнения и пациентов с нарушениями УО через 1 год после COVID-19

Пациенты с впервые выявленным СД2	Здоровые добровольцы	Пациенты с нарушениями УО через 1 год после COVID-19
Определение показателей УО (HbA1c, ГПН) Оценка секреции инсулина (инсулин, С-пептид, НОМА-β, проинсулин, проинсулин/инсулиновое соотношение, инсулиногенный индекс) Оценка маркеров, ассоциированных с ИР и СД2 (адипонектин, бетатрофин, MCP-1, IL-1β, НОМА-IR.		

Общеклиническое обследование

Проведено при поступлении в стационар.

Биохимическое исследование крови проводилось на автоматическом биохимическом анализаторе «Architect c8000» («Abbott Laboratories», США) по стандартным методикам с использованием реагентов производителя. Референсные интервалы для биохимических показателей крови составляли: АЛТ - 0,0 - 55,0 Ед/л, АСТ - 5,0- 34,0 Ед/л, креатинин – 50 - 98 мкмоль/л, калий – 3,5 – 5,1 ммоль/л, натрий – 136 – 145 ммоль/л, альбумин - 34-48 г/л. Скорость клубочковой фильтрации (СКФ) оценивалась по формуле MDRD (Modification of Diet in Renal Disease Study Group): $СКФ (мл/мин/1.73 м^2) = 186 \times (\text{уровень креатинина плазмы})^{-1.154} \times (\text{возраст [годы]})^{-0.203} \times 0.742$ (для женщин).

Оценка тяжести течения COVID-19

Проведена при поступлении в стационар.

- Маркеры воспаления: СОЭ определялась на гематологическом автоматическом анализаторе «Sysmex ХЕ-210». СРБ, ферритин, IL-6 методом иммуноферментного анализа (ИФА) на автоматическом анализаторе «Architect c8000» («Abbott Laboratories», США) по стандартным методикам с использованием реагентов производителя. Референсные интервалы составляли: СОЭ – 0-10 мм/час, СРБ – 0.1- 5 мг/л, IL-6 – 0-10 пг/мл.

-Оценка степени насыщения крови кислородом (SpO₂) проведена с помощью пульсоксиметра «CS Medica MD300C2»

- Компьютерная томография органов грудной клетки (КТ ОГК) для оценки объема изменений в паренхиме легких. Использовалась программа Thoracic VCAR на рабочей станции AW Server 3.2. компании General Electric. Пораженные участки паренхимы окрашивались выбранным цветом. Отдельно исключались сосуды, участки консолидации, бронхи и ткани средостения. Автоматически определялся объем пораженной паренхимы и ее процент относительно неизменной ткани легкого, который высчитывался как для всего легкого, так и для каждой его доли. Также оценивались тяжесть течения заболевания по NEWS, длительность госпитализации, частота перевода в ОРИТ, летального исхода.

Определение показателей углеводного обмена

В острую фазу COVID-19

При поступлении в стационар:

- HbA_{1c} (референсные значения 4–6%) определяли методом высокоэффективной жидкостной хроматографии на анализаторе D10 (BioRad, США).
- ГПП (референсные значения randomной глюкозы <7,8 ммоль/л) проводился на биохимическом анализаторе Architect c4000 (Abbott Diagnostics, Abbotpark, IL, США) стандартными наборами фирмы.
- Конечные продукты гликирования (референсные значения 0-33 пг/мл) определяли методом иммуноферментного анализа (enzyme-linked immunosorbent assay (ELISA)) при помощи стандартного набора G-Biosciences, USA.

Во второй день госпитализации:

- ГПН (референсные значения натощак 3,1–6,1 ммоль/л) проводился на биохимическом анализаторе Architect c4000 (Abbott Diagnostics, Abbotpark, IL, США) стандартными наборами фирмы.

Оценка СГ была проведена на основании [164]:

- 1) уровень глюкозы крови натощак или после еды более 7,8 ммоль/л;
- 2) отсутствие СД в анамнезе;

3) $HbA1c < 6,5\%$.

Для оценки СГ у пациентов с СД в анамнезе рассчитаны:

- Среднесуточная глюкоза плазмы (ССГП) по формуле [71]:

$$\text{ССГП (ммоль/л)} = 1,5944 \times HbA1c (\%) - 2,594.$$

- Стресс-индуцированная гликемия (СИГ) – это величина, на которую глюкоза крови при поступлении превышает среднесуточную гликемию, рассчитанную исходя из уровня $HbA1c$. СИГ была рассчитана по формуле:

$$\text{СИГ} = \text{ГКПП} - \text{ССГП}.$$

Неблагоприятным уровнем СИГ считается $> 4,0$ ммоль/л [130].

*Через 1 год после выписки из стационара – во всех группах,
через 6-8 недель после выписки из стационара – в группе без СД в анамнезе с $HbA1c > 6,0\%$:*

- $HbA1c$ (референсные значения 4–6%) определяли методом высокоэффективной жидкостной хроматографии на анализаторе D10 (BioRad, США).
- ГПН (референсные значения натощак 3,1–6,1 ммоль/л) проводился на биохимическом анализаторе Architect c4000 (Abbott Diagnostics, Abbotpark, IL, США) стандартными наборами фирмы.
- ПГТТ. До проведения теста все пациенты были информированы о необходимости на протяжении как минимум трех дней потреблять 150 г углеводов в сутки и соблюдать режим обычной физической активности. Проведению теста предшествовало ночное голодание в течение как минимум 8 часов, последний прием пищи содержал 30/50 г углеводов. После забора крови натощак обследованные пациенты выпивали 75 г глюкозы, растворенных в 250 мл воды. Через 30 и 120 минут от первого забора крови осуществлялся повторный забор крови. В процессе теста не разрешались прием пищи, курение, физическая нагрузка [35].

- Конечные продукты гликирования (референсные значения 0-33 пг/мл) определяли методом иммуноферментного анализа (enzyme-linked immunosorbent assay (ELISA)) при помощи стандартного набора G-Biosciences, USA.

Оценка функционального состояния β -клеток:

Во второй день госпитализации:

- Инсулин натощак (референсные значения натощак 2,3–26,4 мЕд/л) определяли в сыворотке крови на электрохемилюминесцентном анализаторе Cobas 6000 (Roche, Швейцария) стандартными наборами.
- С-пептид натощак (референсные значения натощак 1,1-4,4 нг/мл) определяли в сыворотке крови на электрохемилюминесцентном анализаторе Cobas 6000 (Roche, Швейцария) стандартными наборами.
- Проинсулин натощак (референсные значения 0,51-1,04 мЕд/л) определяли методом иммуноферментного анализа (enzyme-linked immunosorbent assay (ELISA)) при помощи стандартного набора Biovendor, USA.
- Проинсулин/инсулиновое соотношение (референсные значения <4%) было рассчитано по формуле:

$$\frac{\text{проинсулин (мЕд/л)}}{\text{инсулин (мЕд/л)}} \times 100$$

- Оценка функции β -клеток проведена с помощью гомеостатической модели определения функции β -клеток (НОМА-% β) [107]. Индекс НОМА-% β рассчитывался в процентном соотношении по формуле:

$$\frac{20 \times \text{Инсулин натощак} \left(\frac{\text{мкЕд}}{\text{мл}} \right)}{\text{Гликемия натощак} \left(\frac{\text{ммоль}}{\text{л}} \right) - 3,5}$$

Через 6-8 недель и 1 год после выписки из стационара – в группе без СД в анамнезе с HbA1c > 6,0%:

- Ранняя фаза секреции инсулина была оценена по инсулиногенному индексу, рассчитанному как соотношение прироста секреции инсулина к приросту гликемии в первые 30 мин ССПН [163]:

$$\frac{(\text{Инс}30 - \text{Инс}0)}{(\text{Глюк}30 - \text{Глюк}0)}$$

Анализ инсулинорезистентности

Выраженность ИР была оценена расчетным методом с использованием гомеостатической модели HOMA-IR (HOMeostasis Model Assessment-Insulin Resistance). Для расчета индекса HOMA-IR применялась формула, предложенная D. Matthews и соавт. в 1985 г. [107]:

$$\text{Инсулин натощак} \left(\frac{\text{мкЕд}}{\text{мл}} \right) \times \\ \times \text{Гликемия натощак} \left(\frac{\text{ммоль}}{\text{л}} \right) / 22,5.$$

По данным различных исследований в европейских популяциях взрослых пациентов в возрасте 20–79 лет, значения индекса HOMA-IR >2,77 (80-я перцентиль) считаются отрезной точкой для установления факта ИР [67].

Определение маркеров, ассоциированных с аутоиммунным повреждением β-клеток и СД1:

- АТ к GAD (референсные значения 0-10 Ед/мл) определяли в сыворотке крови методом ИФА (ELISA) при помощи стандартного набора Euroimmun, Germany;

Определение маркеров, ассоциированных с ИР и СД2:

В группах сравнения и у пациентов с нарушениями УО через 1 год после COVID-19:

- Адипонектин (референсные значения 8,2–19,1 нг/мл) определяли в сыворотке крови методом ИФА (ELISA) при помощи стандартного набора;
- Бетатрофин (референсные значения >0,75 нг/мл) определяли в сыворотке крови методом ИФА (ELISA) при помощи стандартного набора Aviscera Bioscience, USA);

- МСР-1 (референсные значения 90-180 пг/мл) определяли в сыворотке крови методом ИФА (ELISA) при помощи стандартного набора Mediagnost, Germany;
- IL-1 β (референсные значения 0-5 пг/мл) определяли в сыворотке крови методом ИФА (ELISA) при помощи стандартного набора Invitrogen, USA.

Измерения проводили по стандартным методикам с использованием реагентов производителя. Измерение оптической плотности для иммуноферментных наборов проводили на счетчике 1420 Multilabel Counter VICTOR2 (Perkin Elmer).

2.4. Этическая экспертиза

Локальный этический комитет при ФГБУ «НМИЦ эндокринологии» Минздрава России одобрил возможность проведения данной научно-исследовательской работы, выписка из протокола № 6 от 30.04.2020 г. Всеми пациентами подписаны информированные согласия на участие в исследовании.

2.5. Статистический анализ

Статистическая обработка данных проводилась совместно с к.м.н. Железняковой А.В. Были использованы Excel Microsoft Office 2013 (Microsoft, США), пакеты прикладных программ StatSoft© STATISTICA 13.3.0 (TIBCO Software Inc., США), IBM SPSS Statistics v23 (IBM, США) для Microsoft® Windows10 и язык программирования R версии 3.4.0 (2017-04-21). При анализе данных использовались следующие параметры изучаемых признаков: для описания количественных признаков – медиана [Me], нижний и верхний квартили [Q1; Q3], в ряде случаев – минимальные и максимальные значения (min; max); для описания качественных признаков – абсолютные и относительные частоты (n, %). Сравнение двух независимых групп для количественных данных выполнялось с помощью критерия Манна-Уитни (U-тест). Сравнение трёх независимых групп для количественных данных выполнялось с помощью критерия Краскела-Уоллиса. Частоты бинарных признаков сравнивались между собой с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона (χ^2). Диагностическая ценность проинсулина, различающегося пациентов с нарушениями УО через 1 год после COVID-19 и без, оценивалась при

помощи ROC-анализа с расчетом диагностической чувствительности (ДЧ), диагностической специфичности (ДС), прогностической ценности положительного результата (ПЦПР_ и прогностической ценности отрицательного результата (ПЦОР) и их 95% ДИ. Отрезные точки выбирались согласно критерию Юдена. Все полученные результаты в зависимости от их совпадения с результатами клиническо-лабораторных исследований подразделялись на четыре вида:

- Истинно положительный (ИП) результат: при использовании исследуемого показателя, правильность диагноза подтверждена стандартным методом диагностики;
- Истинно отрицательный (ИО) результат: отсутствие заболевания подтверждено как исследуемым методом, так и стандартным методом диагностики;
- Ложноположительный (ЛП) результат: при помощи исследуемого метода выявлено заболевание, но результат не подтвержден стандартным методом;
- Ложноотрицательный (ЛО) результат: заболевание не выявлено исследуемым методом, но выявлено при использовании стандартного метода.

Затем, с использованием интернет-калькулятора <http://statpages.info/ctab2x2> проводилось вычисление операционных характеристик диагностического метода: ДЧ, ДС, ПЦПР и ПЦОР.

- ДЧ – процент ИП пациентов среди всех пациентов с патологией
- ДС – процент ИО пациентов среди всех здоровых пациентов
- ПЦПР – доля ИП пациентов с положительным результатом диагностического теста
- ПЦОР – доля ИО пациентов с отрицательным результатом диагностического теста

Кроме того, было вычислено отношение шансов (ОШ) для выбранных отрезных точек. Для расчёта соответствующих параметров, определенных выше, необходимо представить выборку в виде таблицы сопряженности (Таблица 9).

Таблица 9. Таблица сопряженности для расчета параметров информативности исследуемых методов

Результат исследования	Диагноз или стадия заболевания подтверждена стандартным методом		Сумма
	Подтверждено	Нет подтверждено	
Выявлено	a	b	a+b
Не выявлено	c	d	c+d
Сумма	a+c	b+d	a+b+c+d=n

a – ИП, b – ЛП, c – ИО, d – ЛО;

Для расчета ДЧ использовалась следующая формула:

$$\text{ДЧ} = a/(a+c) \cdot 100\%$$

Для расчета ДС использовалась следующая формула:

$$\text{ДС} = d/(b+d) \cdot 100\%$$

Для расчета ПЦПР использовалась следующая формула:

$$\text{ПЦПР} = a/(a+b) \cdot 100\%$$

Для расчета ПЦОР использовалась следующая формула:

$$\text{ПЦОР} = d/(c+d) \cdot 100\%$$

Для расчета ОШ использовалась следующая формула:

$$\text{ОШ} = (a/b)/(c/d)$$

Прогностические ценности рассчитывались с поправкой на частоту выявления нарушений УО в ходе ПГТТ и общего количества пациентов с нарушениями УО через 1 год после COVID-19 по формулам:

$$\text{ПЦПР} = \frac{\text{чувствительность} \times \text{частота}}{(\text{чувствительность} \times \text{частота}) + (1 - \text{специфичность}) \times (1 - \text{частота})}$$

$$\text{ПЦОР} = \frac{\text{чувствительность} \times \text{частота}}{(1 - \text{чувствительность}) \times \text{частота} + \text{специфичность} \times (1 - \text{частота})}$$

Статистически значимым признавали уровень ошибки первого рода менее 5% ($p < 0,05$). Для нивелирования проблем множественных сравнений применялась

поправка Бонферрони. После применения поправки, значения p в диапазоне между рассчитанными и 0,05 интерпретировались как статистическая тенденция.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Результаты первого этапа исследования в острую фазу COVID-19

3.1.1. Клиническая характеристика обследованных лиц и сравнение групп в острую фазу COVID-19

После применения критериев соответствия из госпитализированных 194 пациентов в первый этап исследования в острую фазу COVID-19 включено 155. Медиана возраста составила 59 лет [47;72], соотношение мужчин/женщин (%) - 49,4/50,6, ИМТ – 28,9 кг/м² [25,4;32,9]. Пациенты были госпитализированы на 6-10 день от начала появления первых симптомов заболевания, в связи с ухудшением состояния. У всех пациентов в дебюте заболевания отмечалось повышение температуры до фебрильных значений. Структура сопутствующей патологии представлена следующими заболеваниями: ожирение (ИМТ ≥ 30 кг/м²) – (33,5%), АГ – (41,4%), ишемическая болезнь сердца – (8,3%), при этом 7 пациентов (4,46%) имели перенесенный ОИМ в анамнезе, 5 (3,2%) вмешательства на коронарных артериях, 6 (3,8%) – ОНМК; онкологические заболевания – (3,8%), заболевания легких (ХОБЛ, бронхиальная астма и др.) - у (8,3%) больных. У всех пациентов при поступлении по результатам лабораторного обследования исключена анемия, почечная и печеночная недостаточности. На момент поступления 13% получали антибиотикотерапию, 26% - терапию умифеновиром, 80% пациентов использовали жаропонижающие средства в умеренном количестве (не более 2000 мг парацетамола в сутки).

В группу пациентов с СД в анамнезе вошли 26 человек (16,7%). Из них у 25 пациентов был СД 2 типа, у одного – СД 1 типа, длительность СД составляла 11 лет [5; 22]. Пациенты получали следующую сахароснижающую терапию:

- Инсулиноterapia – 8 (17,3%)
- ПСМ – 2 (4,3%)
- Бигуаниды – 31 (67,3%)
- Ингибиторы ДПП-4 – 21 (45,6%)

- Агонисты ГПП-1 – 8 (17,3%)
- Ингибиторы НГЛТ-2 – 13 (28,2%)
- Диетотерапия – 4 (8,7%)

В группы без анамнеза СД включено 129 пациентов (83,3%): HbA1c $\leq 6,0\%$ - 66 пациентов, HbA1c 6,1-6,4% - 36 пациентов, HbA1c $\geq 6,5\%$ - 27 пациентов.

Сравнительная характеристика пациентов в острую фазу COVID-19 представлена в Таблице 10.

Таблица 10. Сравнительная характеристика пациентов, включенных в исследование

Показатели	Пациенты без анамнеза СД			Пациенты с анамнезом СД (n= 26)	Критерий Крускала-Уоллиса, Манн-Уитни, <i>p</i>
	HbA1c $\leq 6,0\%$, (n= 66)	HbA1c 6,1-6,4%, (n= 36)	HbA1c $\geq 6,5\%$, (n= 27)		
Пол, м/ж (%)	42/24, (64/36)	13/23, (36/64)	14/13, (52/48)	8/18, (31/69)	0,019
Возраст, лет	51 [42; 62]	63 [54,7; 75,5]	69 [49,5; 79,5]	66,5 [60; 71,7]	<0,001 p₁₋₂<0,001 p₁₋₃<0,001 p₁₋₄<0,001 p ₂₋₃ =0,123 p ₂₋₄ =0,111 p ₃₋₄ =0,058
ИМТ, кг/м ²	27,5 [24,5; 30,4]	29,9 [24,7; 34]	29,6 [25,7; 34,6]	30,8 [28; 35,5]	0,082

Примечание: Количественные параметры представлены в виде медианы и межквартильного диапазона [Q1; Q3]. *Качественные параметры представлены в виде долей. Сравнение качественных параметров проводилось при помощи критерия Пирсона χ^2 .

Поправка на множественность сравнений методом Бонферрони, уровнем статистической значимости считался $p < 0,008$. Значения p в диапазоне между 0,008 и 0,05 интерпретировались как статистическая тенденция. ИМТ – индекс массы тела.

Группы были сопоставимы по полу и ИМТ, пациенты с HbA1c $\leq 6,0\%$ были значимо моложе пациентов других групп.

3.1.2. Состояние углеводного обмена в острую фазу COVID-19

В результате сбора анамнеза и лабораторного обследования распределение пациентов по состоянию УО составило: 26 пациентов (16,7%) с СД в анамнезе, впервые выявленный СД был установлен у 8 пациентов (5,2%) на основании $HbA1c \geq 6,5\%$ и ГПН и/или ГКПП. У 63 пациентов (35,3%) был выявлен повышенный $HbA1c > 6,0\%$ при нормальных показателях гликемии.

В группе пациентов без СД в анамнезе с $HbA1c \leq 6,0\%$ ($n=66$) показатели ГПН и ГКПП не превышали значений, соответствующих диагностическим критериям СД, т.е. у (42,6%) всех госпитализированных пациентов нарушения УО выявлены не были. В группе пациентов без СД в анамнезе с $HbA1c$ 6,1-6,4% ($n=36$) у всех пациентов за исключением 1 человека, показатели ГПН и ГКПП не превышали значений, соответствующих диагностическим критериям СД. Однако, учитывая пограничный уровень $HbA1c$, соответствующий высокому риску СД, мы не смогли однозначно классифицировать состояние УО этого пациента. В группе пациентов без СД в анамнезе с уровнем $HbA1c \geq 6,5\%$ ($n=27$) у 8 (5,2%) пациентов отмечалось повышение или ГПН $\geq 7,0$ ммоль/л, и/или ГКПП $\geq 11,1$ ммоль/л, что в сочетании с $HbA1c \geq 6,5\%$ позволило поставить диагноз «впервые выявленного» СД2. Таким образом, у 35,3% был выявлен повышенный $HbA1c > 6,0\%$ при нормальных показателях ГПН и ГКПП, что затруднило верификацию состояния УО.

Показатели состояния УО исследованных групп в острую фазу COVID-19 представлены в Таблице 11.

Таблица 11. Состояние УО пациентов в острую фазу COVID-19

Показатели	Пациенты без анамнеза СД			Пациенты с анамнезом СД ($n=26$)	<i>Критерий Краскела-Уоллиса/критерий Манна-Уитни</i>
	$HbA1c \leq 6,0\%$, ($n=66$)	$HbA1c$ 6,1-6,4%, ($n=36$)	$HbA1c \geq 6,5\%$, ($n=27$)		
$HbA1c$, %	5,8 [5,7;5,9]	6,3 [6,2; 6,4]	6,7 [6,5; 7,0]	8,3 [7,5; 9,4]	<0,001 $p_{1-2}=0,001$ $p_{1-3}=0,001$ $p_{1-4}<0,001$ $p_{2-3}=0,812$

					p₂₋₄<0,001 p₃₋₄=0,001
ГПН, ммоль/л	5,01 [4,8; 5,3]	5,31 [5,05;5,85]	5,46 [5,05;6,3]	8,45 [7,7; 10,6]	<0,001 p ₁₋₂ =0,432 p ₁₋₃ =0,012 p₁₋₄<0,001 p ₂₋₃ =0,682 p₂₋₄<0,001 p₃₋₄<0,001
ГКПП, ммоль/л	5,75 [5,4; 6,3]	6,44 [5,92; 6,93]	6,5 [5,85;7,56]	10,8 [8,97; 12,84]	<0,001 p₁₋₂=0,001 p₁₋₃=0,001 p₁₋₄<0,001 p ₂₋₃ =0,812 p₂₋₄<0,001 p₃₋₄<0,001
КПГ, пг/мл	98,9 [78,9;154,4]	123,6 [84,6;170,9]	100,8 [78,1;163,4]	132,6 [84,35;165,2]	0,469

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного диапазона [Q1; Q3]. Применена поправка Бонферрони. Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. уровнем статистической значимости считался $p=0,002$. Значения p в диапазоне между 0,002 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. HbA1c – гликированный гемоглобин, ГПН – глюкоза плазмы натощак, ГКПП – глюкоза крови при поступлении, КПГ- конечные продукты гликирования.

Пациенты закономерно различались по уровню HbA1c. Наиболее высокие уровни ГКПП и ГПН ожидаемо наблюдались у пациентов с СД в анамнезе. Уровень КПГ между группами значимо не различался.

Пациентам с впервые выявленным СД были даны рекомендации по модификации образа жизни, назначена сахароснижающая терапия, поэтому данные пациенты были исключены из дальнейшего наблюдения. Оценка стрессовой гипергликемии проводилась в соответствии с критериями ADA [49]. Для оценки СГ у пациентов с СД в анамнезе использовались показатели ССГП, СИГ. СГ среди всех обследованных пациентов выявлено не было.

3.1.3. Характеристика терапии глюкокортикостероидами в острую фазу COVID-19

С учетом прямого влияния на УО, проанализирована терапия ГКС за время стационарного лечения (Табл.12). Терапию ГКС получали 24 пациента (14,7%).

Таблица 12. Терапия ГКС в острую фазу COVID-19

Показатели	Пациенты без анамнеза СД			Пациенты с анамнезом СД (n= 26)
	HbA1c ≤ 6,0%, (n= 66)	HbA1c 6,1-6,4%, (n= 36)	HbA1c ≥ 6,5%, (n= 27)	
Терапия ГКС, n (%)	4 (5,6)	11 (28,9)	8 (28,5)	1 (3,8)
Дексаметазон/ метилпреднизолон, n (%)	0/4	5/7	4/4	0/1
Средняя суточная доза дексаметазона в таб., мг (min, max)	-	10 (8;12)	9 (4;16)	-
Средняя суточная доза Метилпреднизолона в таб. и/или в/в, мг (min, max)	49 (30;125)	108 (60;240)	130 (30;250)	125 (1 пациент)
Средняя продолжительность терапии, дни	5 (2;8)	3 (2;5)	4 (1;10)	5
Примечание: ГКС- глюкокортикостероиды				

Так как терапия ГКС была инициирована после проведения лабораторного обследования, была проведена оценка влияния терапии ГКС на показатели УО в динамике – результаты описаны в разделе проспективной части исследования.

3.1.4 Течение COVID-19 в исследуемых группах

Оценка течения COVID-19 в исследуемых группах проводилась на основании оценки клинического течения заболевания (тяжесть состояния по шкале NEWS, длительность госпитализации, частотой перевода в ОРИТ и летальных исходов) и показателей лабораторно-инструментального обследования (SpO₂, С-РБ, %КТ, IL-6) (Таблица 13).

Таблица 13. Показатели тяжести течения COVID-19

Показатели	Пациенты без анамнеза СД			Пациенты с анамнезом СД (n= 26)	Критерий Краскела-Уоллиса/критерий Манна-Уитни
	HbA1c ≤ 6,0%, (n= 66)	HbA1 6,1-6,4%, (n= 36)	HbA1c ≥ 6,5%, (n= 27)		
Тяжесть состояния по шкале NEWS	4 [2; 5,5]	4 [2; 7]	6 [3; 7]	5,5 [2; 5]	0,054
Длительность госпитализации, дней	12[11; 14]	14 [11; 16]	15 [13; 18,5]	11,5 [11; 14]	<0,001 p ₁₋₂ =0,055 p₁₋₃<0,001 p ₁₋₄ =0,717 p ₂₋₃ =0,055 p ₂₋₄ =0,233 p₃₋₄=0,004
Пациенты, переведенные в ОРИТ, n (%)	0 (0%)	4 (11%)	8 (30%)	4 (15%)	0,123
SpO ₂ , %	95 [94; 97]	95,5 [94; 97]	94,5 [92; 96,25]	93,5 [93; 96]	0,018 p₁₋₂=0,043 p₁₋₃=0,004 p ₁₋₄ =0,590 p ₂₋₃ =0,352 p ₂₋₄ =0,262 p ₃₋₄ =0,056
С-РБ, мг/л	45,2 [18,7; 87,4]	58,45 [30,8; 125]	162,75 [41,3; 196,6]	91,35 [51,9; 177,3]	<0,001 p ₁₋₂ =0,278 p₁₋₃<0,001 p₁₋₄=0,005 p₂₋₃<0,001 p₂₋₄=0,009 p₃₋₄=0,001
%КТ	48 [36; 60]	44 [32; 64]	60 [48; 72,0]	58 [44; 64]	0,035 p ₁₋₂ =0,852 p₁₋₃=0,011 p ₁₋₄ =0,162 p₂₋₃=0,014 p ₂₋₄ =0,158 p ₃₋₄ =0,328
IL-6, пг/мл	9,57 [4; 36,9]	13,2 [4,95; 46,4]	44,8 [19; 78,6]	48,47 [12,4; 38,7]	0,032 p ₁₋₂ =0,521 p ₁₋₃ =0,005 p ₁₋₄ =0,133 p ₂₋₃ =0,041 p ₂₋₄ =0,404 p ₃₋₄ =0,259
Умерло, n (%)	0 (0%)	1 (3%)	2 (7%)	0(0%)	0,114*

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].
*Для качественных признаков абсолютные и относительные частоты (n, %). Сравнение качественных параметров проводилось при помощи критерия Пирсона χ^2 .

Применена поправка Бонферрони.

Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался $p=0,001$. Значения p в диапазоне между 0,001 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. %КТ – % поражения легочной ткани при компьютерной томографии, SpO2 – уровень сатурации крови кислородом, СРБ – С реактивный белок, IL-6 – интерлейкин-6.

Среди исследуемых групп пациенты с $HbA1c \geq 6,5\%$ и без СД составили наиболее тяжелую когорту пациентов по тяжести и клиническим исходам COVID-19: в данных группах отмечена бо́льшая продолжительность госпитализации, уровень С-РБ, процент поражения легочной ткани по КТ и меньшая SpO2. Частота перевода в ОРИТ и летального исхода также в группе с $HbA1c \geq 6,5\%$ была наиболее высокой.

3.1.5 Анализ секреции инсулина и инсулинорезистентности

Лабораторные показатели базальной секреции инсулина и ИР представлены в Таблице 14.

Таблица 14. Маркеры секреции инсулина и инсулинорезистентности в острую фазу COVID-19

Показатели	Пациенты без анамнеза СД			Пациенты с анамнезом СД (n= 26)	<i>Критерий Краскела-Уоллиса/критерий Манна-Уитни</i>
	$HbA1c \leq 6,0\%$, (n= 66)	$HbA1c 6,1-6,4\%$, (n= 36)	$HbA1c \geq 6,5\%$, (n= 27)		
Инсулин, мЕд/л	10,64 [6,88; 15,75]	13,68 [9,24; 18,97]	11,13 [8,46; 15,89]	12,47 [6,31; 16,73]	0,938
С-пептид, нг/мл	2,8 [2,20; 3,68]	3,6 [2,93; 4,34]	4,39 [3,26; 5,23]	3,02 [2,38; 6,09]	<0,001 $p_{1-2}=0,004$ $p_{1-3}=0,002$ $p_{1-4}=0,621$ $p_{2-3}=0,643$ $p_{2-4}=0,219$ $p_{3-4}=0,128$
Проинсулин, мЕд/л	0,91 [0,72; 1,32]	1,50 [1,07; 2,74]	1,78 [0,87; 2,96]	-	<0,001 $p_{1-3}=0,004$

					p₁₋₂<0,001 p₃₋₂=0,805
Проинсулин/инсулинное соотношение, %	11,1 [9,2; 15,3]	13,1 [10,0; 19,8]	14,6 [12,5; 17,1]	-	<0,001 p₁₋₂=0,004 p₁₋₃<0,001 p₂₋₃=0,805
НОМА-IR	2,44 [1,51; 3,47]	2,78 [1,89; 3,50]	3,8 [2,10; 5,16]	4,39 [2,43; 6,19]	<0,002 p₁₋₂=0,396 p₁₋₃=0,001 p₁₋₄<0,001 p₂₋₃=0,017 p₂₋₄=0,006 p₃₋₄=0,052
НОМА-%β	129,9 [110,87; 162,24]	131,5 [105,23; 182,89]	152,00 [106,34; 215,75]	87,2 [47,45; 108,68]	<0,001 p₁₋₂=0,916 p₁₋₃=0,014 p₁₋₄<0,001 p₂₋₃=0,009 p₂₋₄<0,001 p₃₋₄<0,001

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].

Применена поправка Бонферрони.

Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался $p=0,002$. Значения p в диапазоне между 0,002 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция, НОМА-IR - Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance, гомеостатическая модельная оценка инсулинорезистентности, НОМА-%β - Homeostasis Model Assessment of β-cell function, гомеостатическая модель определения функции β-клеток.

У пациентов с $HbA1c \geq 6,5\%$ отмечена наиболее выраженная ИР сопоставимая с пациентами с анамнезом СД. При этом, среди пациентов без анамнеза СД, секреция инсулина в острую фазу COVID-19 в данной группе была наиболее высокой. Уровни С-пептида, НОМА-β, проинсулина и проинсулин/инсулинового соотношения были значимо выше среди пациентов с $HbA1c \geq 6,5\%$, по сравнению с группой $HbA1c \leq 6,0\%$.

Корреляционный анализ маркеров течения COVID-19, показателей секреции инсулина и ИР в острую фазу COVID-19 по всей выборке выявил слабую положительную корреляцию уровня проинсулина с продолжительностью госпитализации ($r = 0,231$, $p=0,013$).

3.2. Результаты динамического наблюдения пациентов после COVID-19

Во второй части исследования из 155 пациентов, исходно включенных в исследование, проведено проспективное наблюдение 78 пациентов, 77 пациентов были потеряны для наблюдения.

У части пациентов, не имевших возможность приехать на повторное обследование, и у всех пациентов, включенных в обследование через 1 год, проведена оценка состояния пациентов после выздоровления COVID-19 (n=116). Анализ данных проведен на основе анкеты, разработанной по принципу опросника C19-YRS национальной службы здравоохранения Великобритании (National Health Service, NHS) [43]. Сбор данных пациентов, не приехавших на обследование, проводился путем телефонного разговора. Результаты опроса представлены в Таблице 15.

Таблица 15. Результаты анкетирования пациентов для оценки состояния пациентов после выздоровления COVID-19

Симптомы постковидного синдрома	%	Симптомы постковидного синдрома	%
нарушение сна	92,2	быстрая утомляемость	34,5
меньшая выносливость при физической активности	71,5	снижение памяти	27,6
снижение концентрации/ внимания	42,2	обращения к врачу за последний год	16,4
частая головная боль	43,9	боли в грудной клетке	15,5
тревога	37,9	выпадение волос	16,4
пониженное настроение	14,6	одышка	11,2
ухудшение зрения	12,1	повышение температуры	0,8

3.2.1. Клиническая характеристика групп при динамическом наблюдении

Основные клиничко-демографические характеристики пациентов при обследовании через 1 год после выписки представлены в Таблице 16.

Таблица 16. Основные характеристики пациентов, включенных в исследование через 1 год после выписки.

Показатели		Пациенты без анамнеза СД		Ранее установленный СД (n= 9)	<i>p, критерий Краскела-Уоллиса/ критерий Манна-Уитни</i>
		HbA1c ≤6,0% (n= 33)	HbA1c > 6,0% (n= 36)		
Пол, количество (%)	М.	20 (61,6%)	12 (33,3%)	3 (33,3%)	0,661
	Ж.	13 (39,4%)	24 (66,7%)	6 (66,7%)	
Возраст, лет		49 [42; 56]	62 [54; 70]	66 [63; 71]	p=0,040 p ₁₋₂ =0,648 p ₁₋₃ =0,012 p ₂₋₃ =0,028
ИМТ, кг/м ²		27,5 [24,5; 30,6]	30,1 [26,1; 33,9]	29,1 [26,7; 31,1]	0,189

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].

Сравнение качественных показателей выполнено с использованием критерия хи-квадрат

Поправка на множественность сравнений методом Бонферрони.

Уровнем статистической значимости считался $p=0,01$. Значения p в диапазоне между 0,01 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция.

Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки. ИМТ – индекс массы тела.

При сравнении групп различий по полу и ИМТ не выявлено. На уровне статистической тенденции группы различались по возрасту.

Терапия пациентов с предшествующим анамнезом СД за год после выздоровления COVID-19 не изменилась. У всех пациентов, обследованных через 1 год после выписки, отсутствовала динамика ИМТ за период наблюдения.

3.2.2 Состояние углеводного обмена у пациентов с COVID-19 в течение 1 года после выписки из стационара

Пациенты с исходным HbA1c>6,0% с целью уточнения состояния УО и верификации диагноза в ранний период после выздоровления (через 6-8 недель после выписки) дообследованы в ходе ПГТТ (рис.6). Показатели УО пациентов с

HbA1c>6,0% через 6-8 недель после выписки представлены в Таблице 17.

Таблица 17. Состояние углеводного обмена у пациентов с COVID-19 и HbA1c>6,0% в острую фазу заболевания и в динамике через 6-8 недель после выписки (n=22)

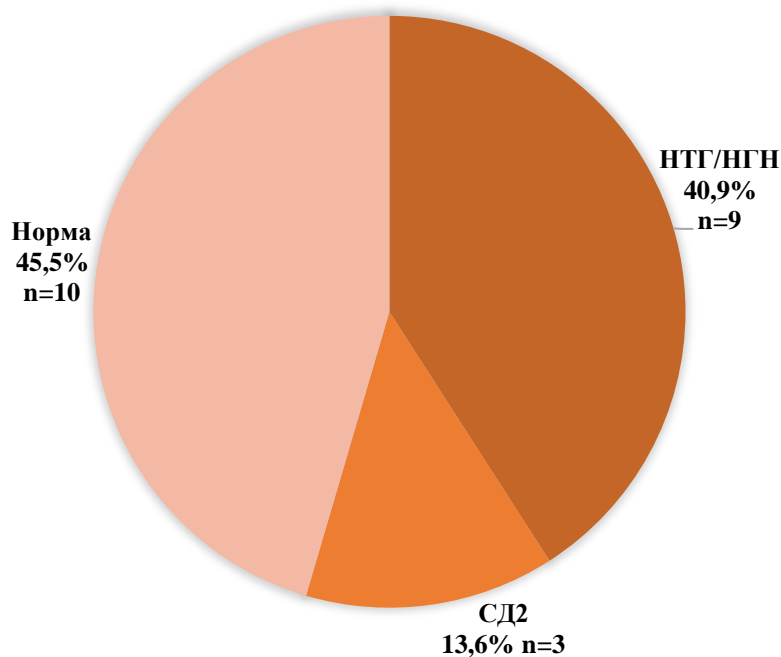
Показатель	Острая фаза COVID-19	6-8 недель после выписки	<i>p, критерий Уилкоксона</i>
HbA1c, %	6,42 [6,23; 6,51]	5,7 [5,4; 6,4]	0,002
ГПН, ммоль/л	5,44 [5,04; 6,0]	5,1 [4,65; 5,91]	0,001

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].

Применен анализ Уилкоксона. Применена поправка Бонферрони.

Полужирным выделено статистически значимое значение *p* после применения поправки Бонферрони.

Уровнем статистической значимости считался *p*=0,0125. Значения *p* в диапазоне между 0,0125 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. HbA1c – гликированный гемоглобин, ГПН – глюкоза плазмы натощак.

Рисунок 6. Результаты ПГТТ через 6-8 недель после выписки у пациентов с исходным HbA1c>6,0% (n=22)

Примечание: НТГ- нарушенная толерантность к глюкозе, НГН - нарушенная гликемия натощак, СД2 – сахарный диабет 2 типа.

В ходе ПГТТ у 9 пациентов выявлены предиабетические нарушения УО – нарушенная гликемия натощак (НГН) или нарушенная толерантность к глюкозе (НТГ). Уровень HbA1c у этих пациентов был в пределах нормальных значений ($<6,0\%$). Трем пациентам установлен диагноз СД на основании результатов ПГТТ и повышенного HbA1c – 1 пациент с HbA1c $6,7\%$, 1 пациент – с HbA1c $6,1\%$. Пациентам даны рекомендации по модификации образа жизни, медикаментозная терапия на момент обследования не требовалась. У 10 пациентов не отмечено НУО. Пациенты с впервые выявленным СД были исключены из дальнейшего наблюдения. Дальнейшая оценка показателей проведена в остальных группах проведена через 12 месяцев (Таблица 18).

Таблица 18. Сравнение показателей УО пациентов, включенных в исследование через 12 месяцев после выписки (n=78)

Показатели	Пациенты без анамнеза СД		Ранее установленный СД (n= 9)	<i>p, критерий Краскела-Уоллиса/критерий Манна-Уитни</i>
	HbA1c $<6,0\%$ (n= 33)	HbA1c $\geq 6,0\%$ (n= 36)		
HbA1c через 1 год, %	5,5 [5,3; 5,7]	6,1 [5,8; 6,3]	7,8 [5,9;8,1]	0,001 p₁₋₂=0,006 p₁₋₃<0,001 p₂₋₃<0,001
ГПН через 1 год, ммоль/л	5,28 [5,08; 5,71]	5,33 [4,86; 5,74]	5,81 [5,53;10,65]	0,055

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3]. Поправка на множественность сравнений методом Бонферрони. Для Критерия Манн-Уитни уровнем статистической значимости считался $p=0,02$. Значения p в диапазоне между 0,02 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. HbA1c – гликированный гемоглобин, ГПН – глюкоза плазмы натощак.

При обследовании через 12 месяцев уровень HbA1c лиц с СД в анамнезе закономерно превышал значения обеих групп пациентов без СД в анамнезе. Различий по уровням ГПН между группами не выявлено. Сравнение состояния УО пациентов в динамике представлено в Таблице 19.

Таблица 19. Динамика показателей углеводного обмена у пациентов с COVID-19 в острую фазу заболевания и через 1 год после выписки

Группа	Острая фаза COVID-19	1 год после выписки	<i>p, критерий Уилкоксона</i>
НbA1c, %			
НbA1c<6,0% (n= 33)	5,8 [5,7; 5,9]	5,50 [5,3; 5,7]	0,002
НbA1c≥ 6,0% (n= 36)	6,4 [6,2; 6,5]	6,1 [5,8; 6,4]	<0,001
Ранее установленный СД (n= 9)	8,2 [7,6; 8,5]	7,8 [5,9; 8,1]	0,028
Глюкоза натощак, ммоль/л			
НbA1c<6,0% (n= 33)	5,12 [4,72; 5,48]	5,27 [5,07; 5,71]	0,175
НbA1c≥ 6,0% (n= 36)	5,38 [5,00; 6,02]	5,34 [4,87; 5,72]	0,383
Ранее установленный СД (n= 9)	7,45 [5,61; 11,55]	5,68 [5,21; 10,65]	0,003
КПГ, пг/мл			
НbA1c<6,0% (n= 33)	134,20 [81,50; 174,30]	24,40 [20,26; 28,47]	<0,001
НbA1c≥ 6,0% (n= 36)	123,60 [81,40; 176,50]	35,07 [31,35; 43,29]	<0,001
Ранее установленный СД (n= 9)	172,80 [84,70; 225,30]	24,70 [22,94; 28,56]	0,008

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].

Применен анализ Уилкоксона. Применена поправка Бонферрони.

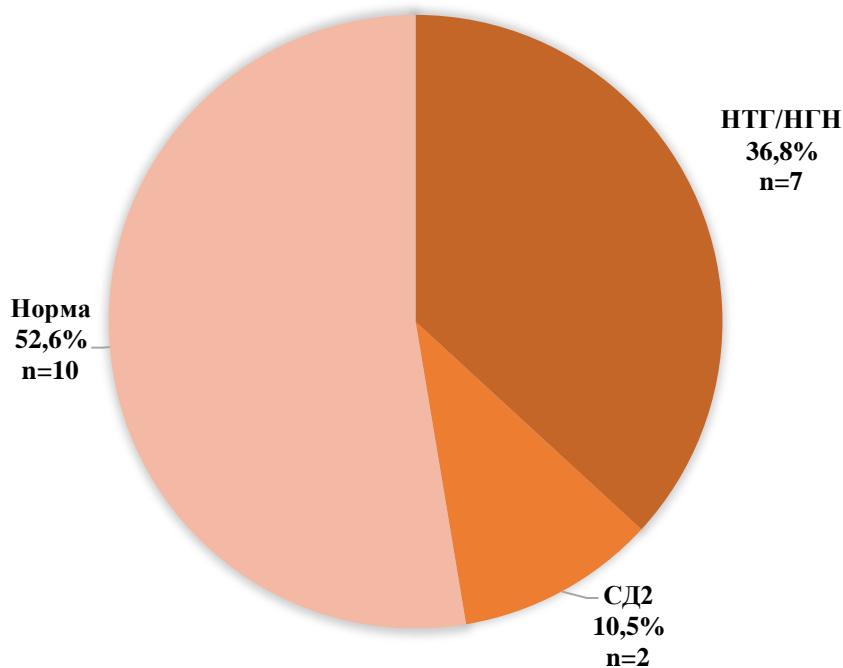
Полужирным выделено статистически значимое значение *p* после применения поправки Бонферрони.

Уровнем статистической значимости считался *p*=0,005. Значения *p* в диапазоне между 0,005 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. КПГ- конечные продукты гликирования.

НbA1c значимо снизился в обеих группах пациентов без СД в анамнезе. Снижение НbA1c наблюдалось и в группе с предшествующим СД – на уровне статистической тенденции. У пациентов с СД в анамнезе определялось значимое снижение глюкозы натощак по сравнению с исходными значениями. Значимое снижение КПГ наблюдалось во всех группах.

С целью исключения влияния ГКС на состояние УО проведен корреляционный анализ терапии ГКС с показателями УО через 1 год (HbA1c, ГПН, ГКПП) – значимых ассоциаций не выявлено.

Пациентам с HbA1c>6,0%, обследованным через 6-8 недель, через 1 год повторно проведен ПГТТ (n=18) (рис.7).

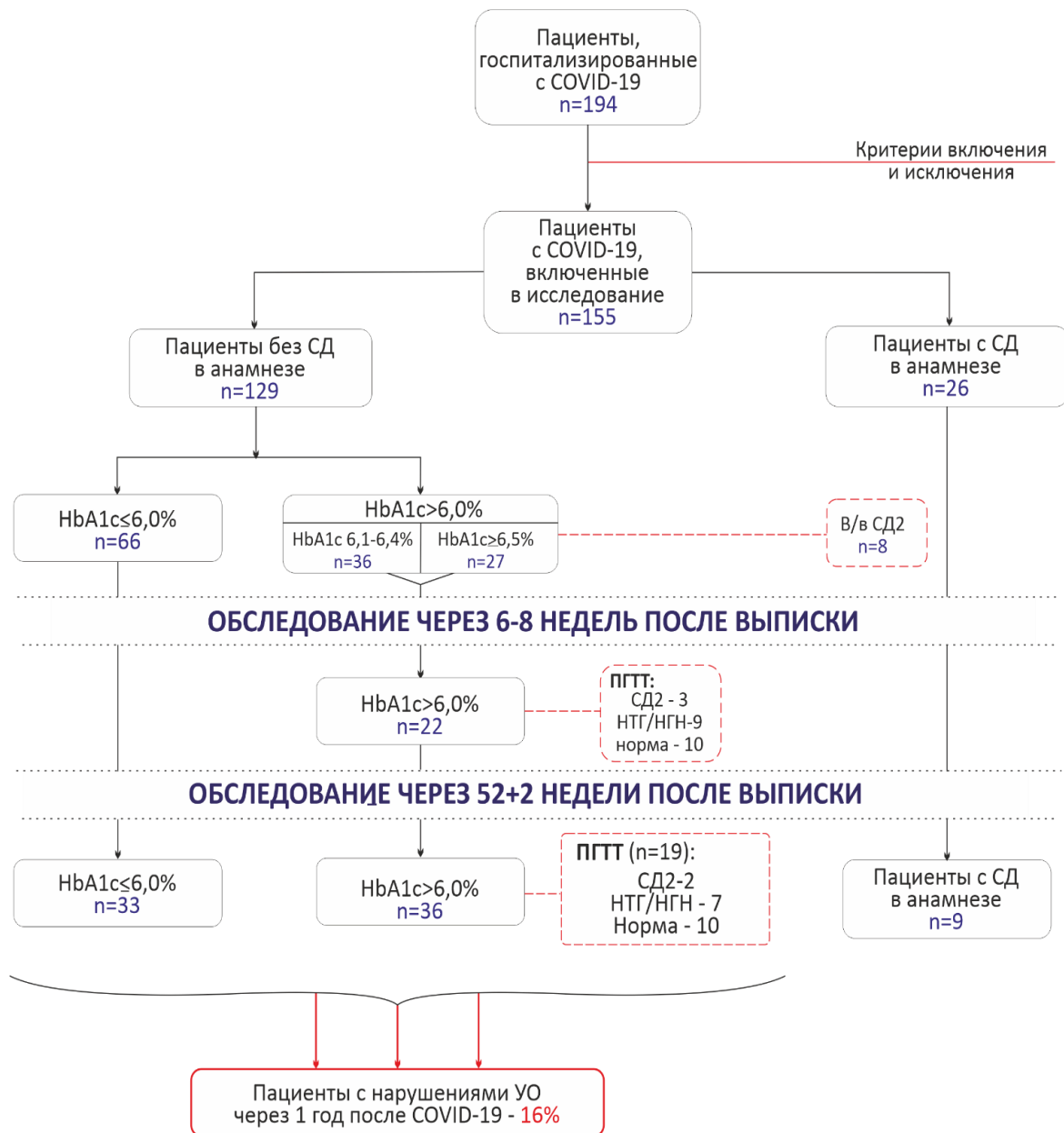

Рисунок 7. Результаты ПГТТ через 1 год после выписки у пациентов с исходным HbA1c>6,0% (n=19).

Примечание: НТГ- нарушенная толерантность к глюкозе, НГН - нарушенная гликемия натощак, СД2 – сахарный диабет 2 типа.

У двух пациентов с выявленными через 6-8 недель предиабетическими НУО через год диагностирован СД. У двух пациентов без НУО через 6-8 недель через год выявлено НТГ. Результаты ПГТТ других двух пациентов улучшились: предиабетические НУО через 1 год регрессировали. При сопоставлении результатов ПГТТ и HbA1c, у большинства уровень HbA1c соответствовал диагнозу по ПГТТ.

Итоговая характеристика состояния УО в острую фазу COVID-19 и в динамике после выписки представлена на Рисунке 8. В течение 1 года после выписки НУО (предиабет, СД по данным ПГТТ через 6-8 недель или 1 год после выписки и/или $HbA1c > 6,0\%$ через 1 год) – у 19 пациентов, что составляет 15,7% ($\approx 16\%$, 95% ДИ: 9,7%-27,4%) от всех пациентов без предшествующего СД. Частота развития СД2 составила 3,8% ($\approx 4\%$, 95% ДИ: 1,4%-9,4%) от всех пациентов без предшествующего СД. При сравнении уровня $HbA1c$ в острую фазу и через 1 год ($n=78$) установлено транзиторное повышение $HbA1c > 6,0\%$ у 59 пациентов (76%).

Рисунок 8. Состояние углеводного обмена в острую фазу COVID-19 и в динамике после выписки

3.2.3. Характеристика секреции β -клеток в течение 1 года после ВЫПИСКИ

Оценка базальной секреции инсулина проведена через 1 год во всех группах. В группе с $HbA1c > 6,0\%$ через 6-8 недель и 1 год после выписки дополнительно оценена первая фаза секреции инсулина в ходе ПГТТ (Таблица 20).

Таблица 20. Секреция β -клеток лиц с $HbA1c > 6,0\%$ без СД в анамнезе в динамике через 6-8 недель после выписки из стационара (n=22)

Показатель	Острая фаза COVID-19	6-8 недель после выписки	p, Критерий Уилкоксона
С-пептид	4,05 [3,16; 5,45]	2,77 [2,56; 3,68]	<0,001
ИРИ	12,33 [8,67; 18,81]	12,98 [9,5; 19,76]	0,603
НОМА- $\% \beta$	112,55 [98,73; 159,27]	138,5 [104,31; 187,32]	0,280
НОМА-IR	4,04 [3,15; 5,11]	3,2 [2,1; 4,8]	0,156

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3]. Применен ранговый дисперсионный анализ Уилкоксона. Применена поправка Бонферрони. Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался $p=0,006$. Значения p в диапазоне между 0,006 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция.

В динамике через 6-8 недель после выписки отмечено значимое снижение С-пептида по сравнению с данными в острую фазу, при этом различий в уровнях других показателей не получено.

Сравнительная характеристика показателей секреции инсулина исходно и через 1 год представлена в Таблице 21.

Таблица 21. Сравнительная характеристика показателей секреции инсулина в острую фазу заболевания и через 1 год (n=78)

Группа	Острая фаза COVID-19	Через 1 год после выписки	p, критерий Уилкоксона
С-пептид, нг/мл			
$HbA1c \leq 6,0\%$ (n= 33)	2,83 [2,33; 3,75]	2,38 [1,77; 3,32]	0,008
$HbA1c > 6,0\%$ (n= 36)	4,05 [3,16; 5,45]	2,87 [2,44; 3,82]	0,001

Ранее установленный СД (n= 9)	2,10 [1,65; 2,80]	1,53 [1,11; 2,04]	0,021
Инсулин, мЕд/л			
HbA1c ≤6,0% (n= 33)	10,64 [7,81; 16,93]	10,26 [8,01; 13,76]	0,421
HbA1c > 6,0% (n= 36)	12,34 [8,65; 18,81]	12,60 [8,09; 15,60]	0,992
Ранее установленный СД (n= 9)	12,54 [8,45; 16,73]	7,91 [2,94; 13,01]	0,037
НОМА-%β			
HbA1c ≤6,0% (n= 33)	126,45 [107,74; 211,5]	135,89 [93,88; 180,2]	0,369
HbA1c > 6,0% (n= 36)	112,55 [98,73; 159,27]	131,27 [84,07; 206,91]	0,491
Ранее установленный СД (n= 9)	60,85 [9,70; 88,64]	81,87 [7,06; 126,31]	0,594
НОМА-IR			
HbA1c ≤6,0% (n= 33)	2,79 [2,25; 3,96]	1,68 [1,37; 3,02]	0,012
HbA1c > 6,0% (n= 36)	4,04[3,15; 5,11]	2,32 [1,75; 3,15]	<0,001
Ранее установленный СД (n= 9)	5,86 [4,14; 6,45]	3,19 [1,83; 3,73]	0,028
Проинсулин, мЕд/л			
HbA1c ≤6,0% (n= 33)	0,39 [0,33; 0,54]	0,13 [0,11; 0,19]	<0,001
HbA1c > 6,0% (n= 36)	0,69 [0,33; 1,09]	0,30 [0,19; 0,42]	<0,001
Проинсулин/инсулиновое соотношение			
HbA1c ≤6,0% (n= 33)	3,88 [1,48; 5,68]	2,01 [1,28; 2,92]	<0,001
HbA1c > 6,0% (n= 36)	5,54 [2,84; 13,40]	3,34 [2,17; 7,89]	0,002

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3]. Применен ранговый дисперсионный анализ Уилкоксона. Применена поправка Бонферрони. Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался p=0,002. Значения p в диапазоне между 0,002 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. НОМА-IR - Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance, гомеостатическая модельная оценка инсулинорезистентности, НОМА-%β - Homeostasis Model Assessment of β-cell function, гомеостатическая модель определения функции β-клеток.

В группе с HbA1c>6,0% через 1 год после выписки выявлено значимое снижение НОМА-IR, в группе пациентов HbA1c ≤6,0% – на уровне статистической тенденции. Значимое снижение С-пептида, проинсулина и проинсулин/инсулинового соотношения отмечалось в обеих группах пациентов без СД в анамнезе.

В группе с HbA1c > 6,0% проведена оценка ранней фазы секреции инсулина в ходе ПГТТ через 6-8 недель и через 1 год после выписки (Табл.22).

Таблица 22. Характеристика ранней фазы секреции инсулина у пациентов с $HbA1c > 6,0\%$ без СД в анамнезе в динамике в течение 1 года после выписки из стационара

Показатель	6-8 недель после выписки	1 год после выписки	p, критерий Уилкоксона
Инсулиногенный индекс	14,95 [12,28; 20,77]	11,20 [8,78; 16,62]	$p < 0,001$
ЛИРИ (30мин-0мин), мЕд/л	65,48 [45,3; 85,6]	94,18 [72,7; 114,29]	0,002

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3]. Применен анализ Уилкоксона. Применена поправка Бонферрони. Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался $p = 0,0125$. Значения p в диапазоне между 0,0125 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция.

Отмечалось усиление ранней фазы секреции инсулина через 6-8 недель после выздоровления по сравнению с показателями через 1 год.

Таким образом, в группе пациентов с $HbA1c > 6,0\%$ без СД в анамнезе при сравнении показателей в острую фазу COVID-19 и через 1 год отмечалось транзиторное усиление инсулинорезистентности и секреции инсулина (НОМА-IR, проинсулин/инсулинового соотношения, инсулиногенного индекса). В других группах в острую фазу значения С-пептида, проинсулина, проинсулин/инсулинового соотношения и НОМА- β находились в пределах референсных значений. При наблюдении через 1 год во всех группах пациентов без СД в анамнезе отмечено статистически значимое снижение данных показателей.

3.2.4. Связь маркеров тяжести COVID-19 с показателями состояния углеводного обмена и секреции инсулина

Для оценки связи маркеров тяжести COVID-19 с показателями состояния углеводного обмена и секреции инсулина проведен корреляционный анализ между следующими показателями (Таблица 23):

Таблица 23. Изученные в ходе корреляционного анализа связи показателей тяжести COVID-19 с показателями углеводного обмена, секреции инсулина и инсулинорезистентности

Показатели тяжести COVID-19	Показатели УО, секреции инсулина и ИР
Продолжительность госпитализации	В острую фазу заболевания
SpO ₂	HbA1c
% поражения легочной ткани по КТ	ГКПП
тяжесть течения по NEWS	ГПН
СРБ	С-пептид
Д-димер	Инсулин
Фибриноген	НОМА-%β
IL-6	НОМА-IR
	Проинсулин
	Проинсулин/инсулиновое соотношение
	Через 1 год после выписки
	HbA1c
	ГПН
	С-пептид
	Инсулин
	НОМА-%β
	НОМА-IR
	Проинсулин
	Проинсулин/инсулиновое соотношение

В ходе корреляционного анализа маркеров тяжести течения COVID-19 показателями состояния УО в острую фазу заболевания среди всех включенных пациентов после применения поправки Бонферрони выявлены:

- слабые значимые положительные связи HbA1c с COЭ ($r = 0,27$, $p < 0,001$), НОМА-IR ($r = 0,23$, $p = 0,005$); слабые положительные связи на уровне статистической тенденции HbA1c с СРБ ($r = 0,2$, $p = 0,014$), IL-6 ($r = 0,19$, $p = 0,035$),
- слабые обратные корреляции HbA1c с SpO₂ на уровне статистической тенденции ($r = -0,17$, $p = 0,040$).

В данном наборе показателей статистически значимым после применения поправки Бонферрони считался критерий $p = 0,0125$. Значения p в диапазоне между 0,0125 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция.

С целью оценки влияния COVID-19 на секрецию инсулина и ИР через 1 год был проведен корреляционный анализ показателей секреции инсулина и ИР с маркерами течения COVID-19 среди всех включенных пациентов после применения поправки Бонферрони выявлены:

- слабая положительная корреляция % поражения легочной ткани по КТ с НОМА-IR ($r = 0,376$, $p < 0,001$);
- слабая положительная корреляция % поражения легочной ткани по КТ с проинсулином ($r = 0,268$, $p < 0,001$);
- слабая положительная корреляция % поражения легочной ткани по КТ с инсулином ($r = 0,369$, $p < 0,001$);
- слабая положительная корреляция IL-6 с НОМА-IR ($r = 0,309$, $p < 0,001$).

В данном наборе показателей статистически значимым после применения поправки Бонферрони считался критерий $p = 0,0125$. Значения p в диапазоне между 0,0125 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция.

3.2.5. Предикторы развития нарушений углеводного обмена в течение 1 года после COVID-19

Для определения потенциальных предикторов развития НУО в течение 1 года после выписки (предиабет, диабет, подтвержденные в ходе ПГТТ через 6-8 недель и/или через 1 год и/или с $HbA1c > 6,0\%$) у пациентов без СД в анамнезе проведен сравнительный анализ клинико-лабораторных характеристик пациентов (Таблицы 24-27).

Таблица 24. Сравнение основных клинико-лабораторных показателей в острую фазу COVID-19 у пациентов с различными результатами ПГТТ в течение 1 года

Показатель/группа		Норма (n=10)	НУО (n=12)	<i>p, критерий Манна - Уитни</i>
Пол, количество (%)	Муж	5 (50)	6 (50)	0,891
	Жен.	5 (50)	6 (50)	
Возраст, лет		68 [62; 72,25]	55,5 [43,5; 63,5]	0,055

ИМТ кг/м²	24,7 [24,00; 31,60]	31,95 [29,48; 36,08]	0,069
НbA1c, %	6,45 [6,33; 6,58]	6,40 [6,28; 6,50]	0,418
ГПН, ммоль/л	5,22 [5,10; 5,44]	5,84 [4,95; 6,17]	0,346
ГКПП, ммоль/л	5,94 [5,90; 6,99]	6,57 [6,10; 7,02]	0,283
КПГ, пг/мл	110,8 [85,00; 163,00]	128,6 [103,9; 195,93]	0,203

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].

Применена поправка Бонферрони.

Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони.

Уровнем статистической значимости считался $p=0,005$. Значения p в диапазоне между 0,005 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. ИМТ – индекс массы тела, НbA1c – гликированный гемоглобин, ГПН – глюкоза плазмы натощак, ГКПП – глюкоза крови при поступлении, КПГ- конечные продукты гликирования.

Таблица 25. Сравнение показателей секреции инсулина в острую фазу COVID-19 у пациентов с различными результатами ПГТТ в течение 1 года

Показатель/группа	Норма (n=10)	НУО (n=12)	<i>p, критерий Манна - Уитни</i>
С-пептид, нг/мл	3,43 [3,02; 4,76]	4,62 [3,89; 5,41]	0,238
Инсулин, мЕд/л	12,23 [9,46; 14,51]	17,20 [11,16; 18,27]	0,159
НОМА-%β	119,59 [91,29; 156,29]	126,48 [108,43; 160,40]	0,346
НОМА-IR	4,19 [3,35; 4,83]	4,68 [3,68; 6,31]	0,203
Проинсулин, мЕд/л	0,58 [0,26; 0,94]	1,16 [0,98; 2,47]	<0,001
Проинсулин/ инсулиновое соотношение, %	4,49 [2,84; 12,74]	7,73 [5,91; 12,56]	0,283

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].

Применена поправка Бонферрони.

Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался $p=0,002$. Значения p в диапазоне между 0,002 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. НОМА-IR - Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance, гомеостатическая модельная оценка инсулинорезистентности, НОМА-%β - Homeostasis Model Assessment of β-cell function, гомеостатическая модель определения функции β-клеток.

Таблица 26. Сравнение основных клинико-лабораторных показателей через 6-8 недель после COVID-19 у пациентов с различными результатами ПГТТ через 1 год

Показатель/группа	Норма (n=10)	НУО (n=12)	<i>p, критерий Манна - Уитни</i>
НвА1с, %	5,70 [5,70; 5,83]	5,80 [5,45; 5,90]	0,941
Инсулин, мЕд/л	10,76 [8,33; 12,47]	14,57 [11,92; 19,34]	0,016
С-пептид, нг/мл	2,97 [2,58; 2,93]	2,65 [2,15; 2,79]	0,261
НОМА-islet	122,56 [104,09; 149,98]	143,88 [109,52; 184,00]	0,552
НОМА-IR	2,40 [1,88; 2,85]	3,91 [2,76; 5,17]	0,016
Инсулиногенный индекс	14,45 [10,68; 15,74]	17,85 [11,06; 21,67]	0,295
ΔИРИ (30мин-0мин), мЕд/л	46,41 [86,28; 64,6]	42,62 [79,35; 63,8]	0,453

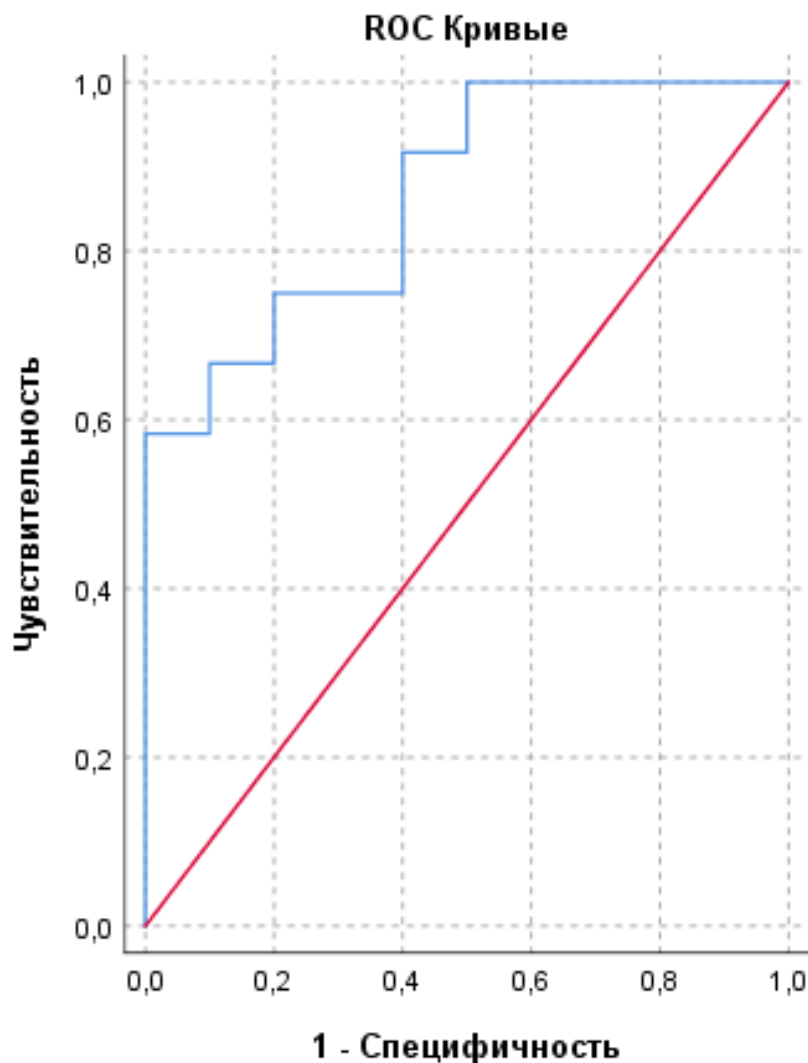
Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3]. Применена поправка Бонферрони. Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался $p=0,002$. Значения p в диапазоне между 0,004 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. НОМА-IR - Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance, гомеостатическая модельная оценка инсулинорезистентности, НОМА-% β - Homeostasis Model Assessment of β -cell function, гомеостатическая модель определения функции β -клеток.

Таблица 27. Сравнение основных показателей тяжести течения COVID-19 у пациентов с различными результатами ПГТТ через 1 год

Показатель/группа	Норма (n=10)	НУО (n=12)	<i>p, критерий Манна - Уитни</i>
СРБ, мг/лмл	17,5 [6; 56,5]	59,45 [29,28; 79,58]	0,180
SpO2, %	95,0 [95,0;97,0]	92,5 [92,0;97,25]	0,497
ИЛ-6, пг/мл	7,04 [2,60; 15,78]	17,1 [7,8; 34,9]	0,393
%КТ	55 [46; 71]	58 [46; 74]	0,413

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3]. Применена поправка Бонферрони. Полужирным выделено статистически значимое значение p после применения поправки Бонферрони. Уровнем статистической значимости считался $p=0,002$. Значения p в диапазоне между 0,002 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция, SpO2 – уровень сатурации крови кислородом, СРБ – С реактивный белок, ИЛ -6 – интерлейкин-6, %КТ – % поражения легочной ткани при компьютерной томографии. Показателем, показавшим статистически значимое различие между группами

пациентов в зависимости от возникновения НУО при динамическом обследовании после COVID-19, был уровень проинсулина в острую фазу заболевания. Для оценки его диагностической ценности проведен ROC-анализ (Рисунок 9).

Признак	Площадь под кривой (95% ДИ)	N	Станд. ошибка	p
Проинсулин, мЕд/л	0,906 (0,784-1,000)	22	0,062	<0,001

Рисунок 9. ROC-анализ проинсулина в качестве диагностического маркера развития нарушений углеводного обмена в течение 1 года после COVID-19

Площадь под кривой для проинсулина составила $AUC = 0,906$ (95%ДИ, 0,784-1,000, $p < 0,001$). Согласно критерию Юдена, оптимальное отрезное значение составило

1,10 мЕд/л. Данные для расчета параметров информативности по количеству случаев представлены в Таблице 28.

Таблица 28. Таблица сопряженности для анализа прогностической ценности проинсулина в развитии нарушений углеводного обмена после COVID-19

Проинсулин	Диагноз подтвержден по ПГТТ		Сумма
	НУО	Нет НУО	
$\geq 1,10$ мЕд/л	9	1	10
$< 1,10$ мЕд/л	4	8	12
Сумма	13	9	22

НУО – нарушение углеводного обмена.

Операционные характеристики отрезной точки проинсулина, равной 1,10 мЕд/л, представлены в Таблице 29.

Таблица 29. Операционные характеристики отрезной точки проинсулина, равной 1,10 мЕд/л

ДЧ (95% ДИ)	ДС (95% ДИ)	ПЦПР (95% ДИ)	ПЦОР (95% ДИ)
69,2 % (48,2% -76,5%)	88,9% (58,4%-99,4%)	54,4% (14,1%- 77,2%)	93,8% (83,5%- 99,6%)

ОШ = 18,0 (1,7- 196,3). Таким образом, значения ПЦОР позволяют рассматривать уровень проинсулина $< 1,10$ мЕд/л в острую фазу COVID-19 как потенциальный предиктор отсутствия НУО после COVID-19, который снижает риск развития НУО в 1,7- 196,3 раза.

3.3. Изучение маркеров, ассоциированных с развитием СД1 и СД2, у пациентов с установленными через 1 год после COVID-19 нарушениями углеводного обмена

В ходе третьего этапа исследования проведено изучение маркеров,

ассоциированных с развитием СД1 и СД2, у пациентов с нарушениями углеводного обмена через 1 год после COVID-19. В группу пациентов с НУО через 1 год после выписки были включены лица с предиабетом, СД по ПГТТ и/или $HbA1c > 6,0\%$ ($n=19$). При сравнении основных клинико-демографических показателей различий по полу, возрасту и ИМТ не выявлено. Наиболее высокие значения $HbA1c$ и глюкозы натощак закономерно наблюдались в группе впервые выявленного СД (Табл. 30).

Таблица 30. Характеристика пациентов, включенных в исследование через 1 год после выписки

Показатели		Здоровые лица ($n=20$)	Лица с впервые выявленным СД ($n=20$)	Лица с НУО через год ($n=19$)	<i>p</i> , критерий Краскела- Уоллиса/кр итерий Манна- Уитни
Пол, количес тво (%)	М.	12 (60)	11 (55)	9 (47)	0,123
	Ж.	8 (40)	9 (45)	10 (53)	
Возраст, лет		64,5 [50,5; 75,2]	62 [55,5; 71]	64,5 [56,2; 70,5]	0,967
ИМТ кг/м ²		26,45 [23,9; 32,2]	28,45 [23,2; 32,3]	26,70 [24,5; 34,2]	0,629
$HbA1c$, %		5,6 [5,4; 5,7]	7,1 [6,8; 7,4]	6,2 [6,1; 6,4]	<0,001 p₁₋₃=0,002 p₁₋₂<0,001 p₂₋₃=0,001
Глюкоза натощак, ммоль/л		5,17 [4,78; 5,45]	5,92 [5,74; 6,69]	5,16 [4,86; 5,56]	<0,001 p₁₋₃=0,392 p₁₋₂<0,001 p₂₋₃=0,001

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3]. Сравнение качественных показателей выполнено с использованием критерия хи-квадрат. Поправка на множественность сравнений методом Бонферрони. Для Критерия Манн-Уитни уровнем статистической значимости считался $p=0,01$. Значения p в диапазоне между 0,01 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. ИМТ – индекс массы тела, $HbA1c$ – гликированный гемоглобин.

При обследовании через 12 месяцев, всем пациентам ($n=78$) проведена оценка уровней АТ-GAD ($n=78$), – во всех случаях титр находился в пределах референсных значений, медиана составляет 0,31 [0,12; 0,6].

У пациентов с НУО через 1 год после выписки проанализированы маркеры, ассоциированные с СД2, со сравнением полученных данных с группами контроля – пациентами с впервые выявленным СД и здоровыми добровольцами (Таблица 31).

Таблица 31. Оценка маркеров, ассоциированных с СД у пациентов выявленными через 1 год после выписки НУО и контрольными группами

Здоровые лица (n=20)	Лица с впервые выявленным СД (n=19)	Лица с НУО (ПГГТ и/или HbA1c>6,0%) через год (n=19)	<i>p, критерий Краскела- Уоллиса, критерий Манна - Уитни</i>
IL-1β, пг/мл			
3,40 [3,27; 3,47]	3,18 [3,01; 3,33]	3,40 [3,27; 3,50]	0,074
МСР-1, пг/мл			
134,38 [113,18; 177,33]	309,20 [249,59; 340,08]	206,14 [130,95; 297,3]	<0,001 p₁₋₃=0,011 p₁₋₂<0,001 p₂₋₃=0,063
Адипонектин, нг/мл			
19,51 [13,05; 24,38]	13,00 [8,60; 16,17]	15,03 [11,53; 16,54]	0,026 p₁₋₂=0,007 p₁₋₃=0,013 p₂₋₃=0,105
Бетатрофин, нг/мл			
0,78 [0,58; 0,91]	0,42 [0,32; 0,78]	0,62 [0,34; 0,86]	0,167
Инсулин, мЕд/л			
16,9 [14,45; 18,9]	9,50 [7,71; 10,7]	12,6 [8,61; 20,87]	<0,001 p₂₋₁<0,001 p₂₋₃<0,001 p₁₋₃=0,231
С-пептид, нг/мл			
2,78 [2,05; 3,08]	3,5 [2,75; 4,1]	2,66 [1,55; 3,18]	<0,001 p₁₋₃=0,551 p₁₋₂<0,001 p₂₋₃<0,001
НОМА-%β			
162,62 [114,05; 146,87]	81,62 [74,04; 106,86]	126,67 [82,68; 199,60]	<0,001 p₂₋₃=0,001 p₂₋₁<0,001 p₃₋₁=0,156
НОМА-IR			
2,16 [1,63; 2,52]	3,5 [2,73; 3,49]	3,07 [1,84; 3,28]	<0,001 p₁₋₃=0,021 p₁₋₂<0,001 p₂₋₃=0,157

Инсулиногенный индекс			
22,91 [16,52; 34,69]	11,38 [9,29; 15,54]	13,28 [10,74; 14,78]	<0,001 p₃₋₁<0,001 p₂₋₁<0,001 p₂₋₃=0,836
Проинсулин, мЕд/л			
0,22 [0,16; 0,23]	0,90 [0,69; 1,43]	0,52 [0,39; 1,26]	<0,001 p₁₋₃=0,001 p₁₋₂<0,001 p₂₋₃=0,062
Проинсулин/инсулиновое соотношение, %			
2,38 [1,66; 3,81]	4,34 [3,2; 8,67]	2,71 [2,35; 6,11]	<0,001 p₁₋₃=0,001 p₁₋₂<0,001 p₂₋₃=0,389

Примечание: данные представлены в виде медианы и интерквартильного интервала [Q1; Q3].
 Поправка на множественность сравнений методом Бонферрони.

Для Критерия Манн-Уитни уровнем статистической значимости считался $p=0,002$. Значения p в диапазоне между 0,002 и 0,05 интерпретируются как статистическая тенденция. НОМА-IR - Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance, гомеостатическая модельная оценка инсулинорезистентности, НОМА-% β - Homeostasis Model Assessment of β -cell function, гомеостатическая модель определения функции β -клеток.

При сравнении маркеров, ассоциированных с СД у лиц выявленными через 1 год после выписки НУО на основании ПГТТ и $HbA1c > 6,0\%$ с контрольными группами, отмечалось закономерное повышение уровней МСР-1, НОМА-IR, проинсулина и проинсулин/инсулинового соотношения и снижение НОМА-% β у лиц с впервые выявленным СД2 по сравнению со здоровыми добровольцами. Не было получено значимых различий между пациентами с НУО через 1 год после COVID-19 и пациентами с впервые выявленным СД2 по уровню адипонектина, МСР-1, инсулиногенного индекса, проинсулина и НОМА-IR. Различия были получены в уровнях С-пептида, инсулина и НОМА-% β (Табл. 31).

ГЛАВА 4. ОБСУЖДЕНИЕ

Состояние УО пациентов с COVID-19 без СД в острую фазу и в динамике после выздоровления

При обследовании в острую фазу COVID-19 16,3% пациентов имели анамнез СД, впервые в ходе госпитализации СД2 установлен 5,2% пациентов. У 35,3% был выявлен повышенный $HbA1c > 6,0\%$ при нормальных показателях гликемии. В отличие от многих опубликованных работ, в нашем исследовании не было выявлено случаев СГ – уровень глюкозы существенно не превышал значения среднесуточной гликемии, рассчитанной на основании текущего уровня $HbA1c$. Отсутствие СГ у пациентов явилось неожиданным наблюдением, т.к. впервые выявленное повышение гликемии в стационаре у лиц без СД в анамнезе отмечается достаточно часто: у 32–38% пациентов в общем терапевтическом стационаре, у 40% пациентов в ОРИТ [13; 63], у 20 до 40% при COVID-19 [68]. Однако нельзя исключать, что отсутствие СГ в исследованной нами когорте было связано с отсутствием значительного числа пациентов, находящихся в тяжелом состоянии в ОРИТ.

Среди пациентов с СД в анамнезе доля пациентов с СД2 составила 96,1% (25 из 26 пациентов), поэтому мы сопоставляли полученные результаты с данными по СД2. Частота как предшествующего, так и впервые выявленного СД2 в изученной когорте несколько меньше, чем в литературных данных – при COVID-19 СД2 впервые диагностируется у 14,4% [141], число пациентов с СД2 в анамнезе достигает 45% [153]. Эти показатели значительно выше по сравнению с данными Российского национального эпидемиологического кросс-секционного исследования NATION – общая распространенность СД2 составила 5,4% (ранее диагностированный: 2,5%, впервые выявленный: 2,9%). Бóльшая частота и выявляемость СД2 при COVID-19, вероятно, связаны с исследуемой выборкой – лица с СД составляют более тяжелую когорту, чаще обращающейся за медицинской помощью. А также нельзя исключать частое бессимптомное течение

СД2, поэтому бóльшей его выявляемостью при обследовании во время госпитализации.

Неожиданной находкой нашего исследования являются повышенные значения HbA1c у лиц без СД в анамнезе и без сопутствующей гипергликемии: у 23,2% обследованных был выявлен HbA1c в пределах 6,1-6,4%, у 17,4% – HbA1c $\geq$ 6,5%. Повышение HbA1c нередко впервые выявляется у госпитализированных пациентов, в том числе с COVID-19, что в подавляющем большинстве случаев интерпретируется как впервые выявленный СД2 [28; 101; 151]. В нашем исследовании только у 5,85% повышение HbA1c $\geq$ 6,5% сопровождалось повышением ГПН или ГКПП, соответствующим диагностическим критериям СД. Поэтому, несмотря на то что HbA1c определен на момент госпитализации и отражает предшествующую гликемию, дифференциальная диагностика НУО в острый период COVID-19 была затруднена. С одной стороны, нельзя исключать и предшествующие НУО, с другой – возможное влияние SARS-CoV-2 на HbA1c. Мы проанализировали наиболее вероятные причины, которые могли бы привести к ложному повышению уровня HbA1c [165]: нарушение обмена триглицеридов, билирубина, железа, анемия, избыточное применение определенных групп лекарственных препаратов у пациентов были исключены. Уровни железа и витамина B12 не определялись, однако, учитывая отсутствие у пациентов анемии, можно косвенно исключить недостаток этих веществ как причину повышения HbA1c. Учитывая наличие двусторонней полисегментарной вирусной пневмонии у исследуемых пациентов, в качестве потенциальной причины ложного повышения HbA1c рассматривался метаболический ацидоз. На фоне нарушений альвеолярной вентиляции легких и нарастающего воспаления наблюдаются серьезные изменения состава крови – повышается уровень углекислого газа, снижается количество кислорода, уровень калия в цитоплазме кардиомиоцитов, что в итоге приводит к респираторному и метаболическому ацидозу [106]. Однако выраженного метаболического ацидоза у пациентов мы не наблюдали.

Нельзя исключить транзиторное повышение уровня HbA1c в острый период COVID-19 в связи с особенностями строения и репликации вируса SARS-CoV-2, а также с первичным поражением эритроцитов. Согласно результатам проведенных ранее исследований, эритроциты являются одними из клеток-мишеней при COVID-19, что подтверждается возможным изменением уровней некоторых форм гемоглобина – карбоксигемоглобина, метгемоглобина [61], развитием у многих пациентов гипоксии и снижения уровня SpO₂. В работе Liu и соавт. описано воздействие вируса на 1-β- полипептидную цепь гемоглобина, что приводит к захвату порфирина и подавлению метаболизма гема [175]. Более того, при талассемии, в основе которой также лежит снижение синтеза полипептидных цепей, входящих в структуру нормального гемоглобина, часто наблюдается повышение HbA1c [191]. Результаты работы Cosic и соавт. [42], в которой использовалась самостоятельно разработанная модель биофизического резонансного распознавания, подтверждают возможность SARS-CoV-2 инфицировать эритроциты через взаимодействие между поверхностным белком эритроцитов Band 3 и шиповидным S-белком SARS-CoV-2.

Другой гипотезой возможного искажения уровня HbA1c при COVID-19 являя Проникновение SARS-CoV-2 в клетки опосредованно шиповидным S-белком липопротеиновой оболочки вириона. S-белок связывается со специфическими рецепторами на поверхностях клеток-мишеней. Группой исследователей из Китая методом масс-спектрометрии были изучены особенности строения и посттрансляционные модификации белков вируса SARS-CoV-2. Авторы показали, что S-белок является высоко гликозилированным, так как подвергается интенсивному N-гликозилированию и несет значительное количество углеводных фрагментов. По подсчетам исследователей, углеводные цепи закрывают собой две трети поверхности вириона SARS-CoV-2 [155]. В нашем исследовании уровень HbA1c определялся на анализаторе «Био-Рад» методом ВЭЖХ, стандартизованным по программе NGSP, и являющимся в настоящее время «золотым стандартом» определения HbA1c. Суть метода состоит в сорбции всех вариантов гемоглобина на ионообменной смоле колонки с последующим их разделением по различным

фракциям под действием градиента рН буфера [5]. Учитывая особенности строения вируса, нельзя исключить завышение уровня HbA1c при его лабораторном исследовании за счет определения не только процесса гликозилирования гемоглобина, но и гликозилированных участков вириона.

Для уточнения состояния УО и диагноза пациенты с HbA1c > 6,0% были дополнительно обследованы с проведением ПГТТ через 6–8 и 52±2 недели после выписки. В ранний период после выздоровления у большинства пациентов (88%) HbA1c достоверно снизился. Для исключения искажения полученных результатов у пациентов были проанализированы и исключены все возможные причины улучшения состояния УО, в частности, изменение характера питания, прием специфических ЛС, снижение веса. Ранговый корреляционный анализ позволил исключить влияние терапии ГКС на показатели УО через 6–8 недель и через 1 год. Итоговая частота НУО в течение 1 год после выписки на основании ПГТТ составила 9,9%, в совокупности с лицами с HbA1c > 6,0% через 1 год – у ≈ 16% (95%-й ДИ: 9,7–27,4%), впервые СД2 установлен 5 пациентам или ≈ 4% (95%-й ДИ: 1,4–9,4%) от лиц без СД в анамнезе. Верификация типа СД и формулировка диагноза в условиях COVID-19 в настоящее время затруднена как ввиду отсутствия четких критериев, так и недостаточностью информации по его генезу. В обновленную ВОЗ в 2019 г. классификацию СД включен «неклассифицированный сахарный диабет» [6], к которому потенциально можно отнести случаи развития СД после перенесенной COVID-19. В нашем исследовании пациентам был установлен СД2 на основании возраста, ИМТ, показателей секреции инсулина и ИР согласно действующим алгоритмам [2].

Сравнение полученных нами данных о частоте развития НУО и, в частности, СД затруднительно в связи с малым количеством аналогичных проспективных исследований. Анализ регистра СД в РФ показал, что частота новых случаев СД2 с 2016 г. постепенно снижалась и составляла в 2017 г. 7,8%, в 2018 г. – 3,5%. В 2019 г. случаи развития СД2 сократились на 2,8%. В 2020 г. частота снизилась еще на 11,5% [3]), что, вероятно, связано с изменением стандартной поликлинической работы в условиях пандемии и самоизоляции пациентов. В настоящее время

опубликованы единичные работы по проспективной оценке состояния УО после COVID-19. Mollinari и соавт. проанализировали состояние УО в течение 6 месяцев в группах пациентов с COVID-19 и без по уровню ГПН. Через 6 месяцев повышение ГПН было установлено только у лиц, перенесших COVID-19, но на уровне статистической тенденции. Определение HbA1c и дифференциальная диагностика состояния УО не проводилась [111]. В другом проспективном клиническом исследовании Montefusco и соавт. в ходе госпитализации по поводу COVID-19 СГ была выявлена у 46% пациентов, впервые выявленный СД на основании критериев ADA был установлен 12% пациентов. В отличие от нашего исследования в данной работе уровень HbA1c в острую фазу COVID-19 был сопоставим с уровнем гликемии у пациентов с предшествующим и впервые диагностированным СД, но значительно превышал значения пациентов с СГ и нормогликемией. Между пациентами с нормогликемией и СГ уровни HbA1c не отличались, что подтверждает недавнее начало гипергликемии [112]. Пациенты с СГ были включены в проспективное наблюдение в течение 6 месяцев- проводилась оценка уровня ГПН, динамика HbA1c не оценивалась. Диагноз СД2 был установлен у 2%, у 35% гипергликемия сохранялась, у 63% отмечалась стойкая нормализация уровня глюкозы. Транзиторный характер НУО подтверждается и в работе Cromer и соавт. – в проспективное наблюдение в течение года были включены пациенты с впервые выявленным при COVID-19 СД2, через 1 год после выздоровления у 40,6% произошел регресс СД2 до эугликемии или предиабета [44]. Наиболее крупным исследованием по оценке состояния УО в динамике после перенесенной COVID-19 является работа Ayoubkhani и соавт. Авторы проанализировали в течение 6 месяцев 47780 пациентов, перенесших COVID-19, и такое же количество лиц контрольной группы. Частота развития СД составила 12.7% и 2.7% соответственно. Таким образом, полученные данные превышают результаты нашего исследования, однако сравнение затруднительно по причине значимой разницы в объеме выборки, что могло отразиться на результатах [16].

Проспективные исследования по изучению УО при других ОРВИ еще до начала пандемии отсутствуют. Проведены сравнительные исследования по ОРВИ

и COVID-19 на УО. В работе Pieber и соавт. риск развития СД2 в течение 180 дней после легкого или средне-тяжелого течения COVID-19 составил 1,1% и 4,1% соответственно. При COVID-19 риск развития СД был выше, чем при гриппе аналогичной степени тяжести [24].

Таким образом, сравнение полученных нами результатов по динамике состояния УО после перенесенной COVID-19 затруднено в связи с множеством факторов: малым количеством аналогичных проспективных исследований до начала пандемии и непосредственно во время пандемии, сложностью формирования выборок, сопоставимых по течению инфекции и терапии, а также контрольных групп.

Влияние COVID-19 на секрецию инсулина и инсулинорезистентность

В ходе нашего исследования в острую фазу COVID-19 у большинства пациентов было выявлено усиление секреции инсулина и ИР со снижением показателей через 1 год. Наиболее выраженная секреция инсулина и ИР наблюдались в острую фазу в группе $HbA1c > 6,5\%$ без СД в анамнезе, что может быть связано с течением COVID-19, также наиболее тяжело протекающим в данной группе. Наибольшие изменения в динамике наблюдались у лиц с $HbA1c > 6,0\%$ без СД в анамнезе. При обследовании данной группы в ранний период после выздоровления через 6–8 недель в ходе ПГТТ также отмечалось значимое усиление ранней фазы секреции инсулина при отсутствии снижения ИР. С учетом транзиторного характера данных изменений у всех обследованных лиц были исключены потенциально влияющие на β -клетки и ИР факторы: ИМТ значимо не изменился, коррекция питания и увеличение физической активности отсутствовали, прием препаратов, влияющих на УО, был исключен. Особенности патофизиологии COVID-19 позволяют предположить повышение секреции инсулина в острую фазу заболевания для преодоления повышенной ИР. Подобные изменения при иммуновоспалительных заболеваниях носит физиологический характер с целью поддержания функциональной деятельности организма в условиях воспаления и повышенной энергопотребности [47]. Отличием физиологической ИР является временный характер изменений, что и наблюдалось у наших пациентов.

Также в результатах нашего исследования обращает на себя внимание повышение проинсулина и проинсулин/инсулинового соотношения у пациентов в острую фазу заболевания. В норме проинсулин/инсулиновое соотношение составляет 2–4%. Увеличение проинсулина и проинсулин/инсулинового соотношения характерно для СД2 [159], однако в нашем исследовании повышение показателей наблюдалось во всех обследованных группах – медиана проинсулин/инсулинового соотношения в каждой из групп составила около 10%. Нарушение конверсии проинсулина в инсулин рассматривают в качестве одной из причин НУО различной степени выраженности [88; 119] и связывают с истощением зрелых гранул инсулина, высвобождением продуктов неполного расщепления проинсулина из незрелых гранул в ответ на гипергликемию [125]. Учитывая отсутствие в нашем исследовании у пациентов гипергликемии, снижение показателей через 1 год после выписки, полученные результаты позволяют предположить влияние SARS-CoV-2 на конверсию инсулина.

При сравнении групп пациентов с НУО и без через 1 год после COVID-19 различия были получены лишь по уровню проинсулина, поэтому для оценки его прогностической ценности в определении развития НУО в течение 1 года после COVID-19 был проведен ROC-анализ. Данные анализа позволяют рассматривать уровень проинсулина $<1,10$ мЕд/л в острую фазу COVID-19 как потенциальный предиктор отсутствия нарушений углеводного обмена после COVID-19

Наши результаты по динамике секреции инсулина и ИР при COVID-19 согласуются с единственной в настоящее время аналогичной опубликованной работой Montefusco и соавт. Оценка секреции инсулина и ИР проводилась на выборке из 10 пациентов без СД в острую фазу COVID-19 и через 3 месяца после выздоровления выявлено повышение НОМА-IR, инсулина, проинсулина, С-пептида, НОМА- β в острую фазу COVID-19 со снижением всех показателей через 3 месяца [112].

Анализ показателей, ассоциированных с СД, у лиц с нарушениями углеводного обмена после COVID-19 и в группах сравнения

Для уточнения генеза НУО и типа СД, развивающегося после COVID-19, в группе лиц с НУО через 1 год после COVID-19 проанализированы показатели, ассоциированные с СД1 и СД2. Дополнительно были сформированы группы контроля – лица с впервые выявленным СД2 и здоровые добровольцы.

С целью исключения аутоиммунного повреждения β -клеток всем пациентам были оценены АТ-GAD в связи с данными литературы об ассоциации АТ с миастенией, характерной как для COVID-19, так и постковидному синдрому. У всех обследованных пациентов уровни АТ-GAD находились в пределах референсных значений. Оценка исходного уровня АТ в острую фазу проведена не была, так как развитие аутоиммунной реакции после перенесенной инфекции происходит не сразу. В настоящее время опубликована лишь одна работа Kayhan и соавт., в которой через три месяца после COVID-19 у 3,1% обследованных лиц появились АТ к панкреатическим β -клеткам [87].

Помимо известных маркеров СД2, нами были выбраны несколько специфических показателей, ассоциированных с СД2 по данным литературы, с учетом патогенетических особенностей COVID-19, ИМТ исследуемых нами пациентов. Известно, что СД2 помимо нарастания ИР и снижения секреции инсулина сопровождается снижением уровней адипонектина, бетатрофина, и в условиях характерного хронического воспаления повышением MCP-1, IL-1 β . Закономерно данные изменения наблюдались в нашей работе у лиц с впервые выявленным СД2, в группе здоровых лиц отсутствовали. Однако между пациентами с НУО после COVID-19 и лицами с впервые выявленным СД2 уровни MCP-1, проинсулина, проинсулин/инсулинового соотношения, инсулиногенного индекса и HOMA-IR не различались. С одной стороны, вышеизложенные изменения наряду с клиническими особенностями – ИМТ, возраст, показателями секреции инсулина и ИР, позволяют предположить влияние SARS-CoV-2 на развитие СД2. С другой, интерпретация результатов затруднена с отсутствием информации об уровне этих показателей до COVID-19, возможным искажением результатов из-за сопутствующих заболеваний и системного воспаления.

Работы по анализу бетатрофина, адипонектина, MCP-1 у пациентов с COVID-19 не опубликованы. В работе Montefusco и соавт. Сравнивали секрецию β -клеток и ИР у лиц после COVID-19, пациентов с СД2 в анамнезе и здоровых добровольцев. В отличие от нашего исследования пациенты после COVID-19 и пациенты с СД2 в анамнезе различались в отношении всех исследованных показателей [112].

Таким образом, полученные нами и результаты об отсутствии значимых различий в уровнях большинства маркеров ИР и СД2 у пациентов с НУО через 1 год после COVID-19 и пациентами с впервые выявленным СД2 позволяют предположить ускорение развития СД2 после перенесенной COVID-19. Учитывая специфичность большинства маркеров СД и множеством факторов, влияющих на их уровень в периферической крови, актуальными являются исследования на животных моделях, ПЖ, а также клинические исследования на специально сформированных выборках с исключением влияющих на результаты состояний и заболеваний для изучения данной гипотезы.

Особенности течения COVID-19 в зависимости от состояния углеводного обмена

Негативное влияние СД на течение COVID-19 обсуждалось с первых дней пандемии в связи с множеством факторов, известно негативно отражающихся на течении ряда хронических заболеваний. Данные предположения позже были подтверждены множеством клинических исследований [53; 75; 118; 179], но накопленные за время пандемии данные демонстрируют связь гипергликемии с тяжестью COVID-19 независимо от анамнеза СД [103]. Гипергликемию рассматривают в качестве диагностического и прогностического фактора неблагоприятных исходов COVID-19, в особенности, неконтролируемую [140; 185]. В нашем исследовании среди пациентов без предшествующего СД группа с $HbA_{1c} \geq 6,5\%$ составила наиболее тяжелую когорту. Пациенты данной группы и группы с СД в анамнезе были сопоставимы по уровню маркеров воспаления (IL-6, СРБ, СОЭ), но в группе с $HbA_{1c} \geq 6,5\%$ отмечались более низкая SpO_2 и тяжелые клинические исходы. Несмотря на большое количество работ в данной

области, исследований по оценке взаимосвязи УО и COVID-19 в группах аналогичных нашим нет. Проводилось сравнение клинического течения и исходов COVID-19 у пациентов с впервые выявленным и предшествующим СД2, с гипергликемией и нормогликемией – полученные данные противоречивы. В работе Zhang и соавт. риск перевода в ОРИТ был самым высоким у пациентов с впервые выявленным СД, средним – у лиц с СД в анамнезе, наиболее благоприятное течение отмечалось у пациентов с гипергликемией без СД [187]. В другом исследовании [28], наоборот, при гипергликемии без СД наблюдались более тяжелые исходы COVID-19 по сравнению с лицами с СД в анамнезе. В нашем исследовании СГ у пациентов не наблюдалось, поэтому мы оценивали взаимосвязь HbA1c с маркерами воспаления. Несмотря на выявленные слабые корреляции СОЭ, СРБ, IL-6 с уровнем HbA1c в острую фазу COVID-19, слабую отрицательную корреляцию HbA1c с SpO₂, с учетом более тяжелого течения инфекции у лиц с HbA1c > 6,0% без СД в анамнезе, можно предположить роль HbA1c как потенциального предиктора более тяжелого течения COVID-19. Эта гипотеза подтверждается опубликованными исследованиями по связи HbA1c с худшими клиническими исходами COVID-19 [106], необходимостью кислородной поддержки [183].

Ограничения исследования

Наше исследование имело ряд ограничений: потеря значительной доли пациентов для наблюдения, отсутствие данных об исходном состоянии УО до заболевания COVID-19, и, как следствие, затрудненная верная интерпретация состояния УО во время и после COVID-19. Также не проводилась оценка влияния основной терапии COVID-19 на УО, влияния сахароснижающей терапии у пациентов с СД на УО и течение COVID-19, что является актуальным направлением для дальнейших исследований.

ВЫВОДЫ

1. В острой фазе COVID-19 у госпитализированных больных частота предшествующего СД составила 17%, впервые выявленного (ранее не диагностированного) – у 5%. У 35,3% пациентов без анамнеза СД выявлено изолированное повышение уровня $HbA1c > 6,0\%$ при нормогликемии натощак и при поступлении.
2. Через 1 год после COVID-19 у пациентов без СД в анамнезе нарушения углеводного обмена установлены у 16% (95% ДИ: 10-27%), из них частота развития новых случаев СД составила $\approx 4\%$ (95% ДИ: 1-9%).
3. Транзиторное повышение $HbA1c > 6,0\%$ в острую фазу COVID-19 и его нормализация через 6-8 недель установлено у 88% пациентов без СД в анамнезе. Этот факт свидетельствует о невозможности использовать уровень $HbA1c$ в качестве диагностического маркера СД в остром периоде COVID-19.
4. Острая фаза COVID-19 у всех госпитализированных пациентов независимо от анамнеза СД сопровождается значимым снижением чувствительности к инсулину и базальной секреции инсулина с восстановлением этих показателей в отдаленном периоде после выздоровления (через 1 год).
5. Уровень проинсулина $< 1,10$ мЕд/л является фактором, исключающим развитие нарушений углеводного обмена в течение 1 года после COVID-19 с вероятностью от 83,5% до 99,6%.
6. Наиболее тяжелое течение и исходы COVID-19 отмечались у пациентов без СД в анамнезе, но с $HbA1c \geq 6,5\%$ даже в сравнении с группой лиц с анамнезом СД.
7. Согласно данным гормонального, метаболического и иммунологического исследования (НОМА-IR, инсулиногенный индекс, проинсулин, проинсулин/инсулиновое соотношение, отсутствие титра антител к GAD) постковидный СД был классифицирован как СД 2.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Выявление HbA1c>6,0% в острую фазу COVID-19 у лиц без СД в анамнезе может носить транзиторный характер, что требует проведения повторного анализа HbA1c и ПГТТ через 6-8 недель для верификации нарушений углеводного обмена.
2. Учитывая отсутствие данных о типе СД, развившегося во время или после COVID-19, пациентам с подтвержденными после перенесенной COVID-19 нарушениями углеводного обмена рекомендовано дополнительное лабораторное дообследование (согласно рекомендациям по диагностике СД1 и СД2) для верификации диагноза и назначения лечения.
3. Проинсулин может рассматриваться в качестве потенциального биомаркера отсутствия нарушений углеводного обмена после COVID-19.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АПФ2 – ангиотензинпревращающий фермент 2
- ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения
- ГПН – глюкоза плазмы натощак
- ГКПП – глюкоза крови при поступлении
- ГКС – глюкокортикостероиды
- ДИ – доверительный интервал
- ИВЛ – искусственная вентиляция легких
- иДПП-4 – ингибиторы фермента дипептидилпептидазы 4 типа (иДПП-4)
- ИМТ – индекс массы тела
- ИР – инсулинорезистентность
- ИРИ – иммунореактивный инсулин
- ИУКД – инсулин ультракороткого действия
- ИФА – иммуноферментный анализ
- КПГ – конечные продукты гликирования
- МТ – медикаментозная терапия
- НbA1c – гликированный гемоглобин
- НУО – нарушение углеводного обмена
- ОР – относительный риск
- ОРИТ – отделение реанимации и интенсивной терапии
- ПЖ – поджелудочная железа
- ПСМ – препараты сульфонилмочевины
- ПССП – пероральные сахароснижающие препараты
- ПЦОР – прогностическая ценность отрицательного результата
- ПЦПР – прогностическая ценность положительного результата
- СД – сахарный диабет
- СОЭ – скорость оседания эритроцитов
- СРБ – С-реактивный белок
- УО – углеводный обмен

COVID-19 – новая короновирусная инфекция

HbA1c – гликированный гемоглобин

HOMA-% β – Homeostasis Model Assessment of β -cell function, гомеостатическая модель определения функции β -клеток

HOMA-IR – Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance, гомеостатическая модельная оценка инсулинорезистентности

MCP-1 – моноцитарный хемотаксический протеин-1

Me – медиана

Q1 – первый квартиль

Q3 – третий квартиль

ROC - операционная кривая теста (receiver operator curve)

ROC-анализ – анализ характеристических кривых

SARS-CoV-2 – вирус семейства SARS, вызывающий COVID-19

SpO₂ – степень насыщения крови кислородом

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллергология и иммунология: национальное руководство / Р. М. Хаитов, Н. И. Ильина. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 656 с. – ISBN 978-5-9704-0903-9.
2. Дедов, И. И. Алгоритмы специализированной медицинской помощи больным сахарным диабетом. 10-й выпуск / Дедов И. И., Шестакова М. В., Майоров А. Ю. [и др.] ; под ред. И. И. Дедова, М. В. Шестаковой, А. Ю. Майорова. – DOI 10.14341/DM12802 // Сахарный диабет. – 2021. – № 1S (24). – С. 1–148.
3. Дедов, И. И. Эпидемиологические характеристики сахарного диабета в Российской Федерации: клинико-статистический анализ по данным регистра сахарного диабета на 01.01.2021 / И. И. Дедов, М. В. Шестакова, О. К. Викулова [и др.]. – DOI 10.14341/DM12759 // Сахарный диабет. – 2021. – № 3 (24). – С. 204–221.
4. Демидова, Т. Ю. Ожирение и COVID-19: фатальная связь / Т. Ю. Демидова, Е. В. Волкова, Е. Ю. Грицкевич. – DOI 10.33029/2305-3496-2020-9-3S-25-32 // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. – 2020. – № 9 (3), Приложение. – С. 25–32.
5. Ильин, А. В. Гликированный гемоглобин как ключевой параметр при мониторинге больных сахарным диабетом. Оптимальная организация исследований / А. В. Ильин, М. И. Арбузова, А. П. Князева. – DOI 10.14341/2072-0351-5762 // Сахарный диабет. – 2008. – № 2 (11). – С. 60–64.
6. Кононенко, И. В. Классификация сахарного диабета. ВОЗ 2019 г. Что нового? / И. В. Кононенко, О. М. Смирнова, А. Ю. Майоров, М. В. Шестакова. – DOI 10.14341/DM12405 // Сахарный диабет. – 2020. – № 4 (23)ю – С. 329–339.
7. Патифизиология (общая и клиническая патифизиология): в 2 томах : учебник / под ред. Г. В. Порядина. – М. : Медицинское информационное агентство, 1256 с. – ISBN 978-5-9986-0472-0.
8. Руюткина, Л. А. Панкреатогенный сахарный диабет/сахарный диабет типа 3с: современное состояние проблемы / Л. А. Руюткина, Д. С. Руюткин. – DOI 10.21518/2079-701X-2018-4-28-35 // Медицинский Совет. – 2018. – № 4. – С. 28–35.

9. Теряева, Н. Б. Возможности реализации адаптивных эффектов стресса после черепно-мозговой травмы / Н. Б. Теряева, А. В. Мошкин. – DOI 10.17116/neiro2016803114-117 // Вопросы нейрохирургии. – 2016. – № 3. – С. 114–117.
10. Трошина, Е. А. Роль цитокинов в процессах адаптивной интеграции иммунных и нейроэндокринных реакций организма / Е. А. Трошина. – DOI 10.14341/probl12744 // Проблемы эндокринологии. – 2021. – Т. 67, № 2. – С. 4–9.
11. Щелканов, М. Ю. COVID-19: этиология, клиника, лечение / М. Ю. Щелканов, Л. В. Колобухина, О. А. Бургасова [и др.]. – DOI 10.15789/2220-7619-СЕС-1473 // Инфекция и иммунитет. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 421–445.
12. Aberer, F. A Practical Guide for the Management of Steroid Induced Hyperglycaemia in the Hospital / F. Aberer, D. A. Hochfellner, H. Sourij, J. K. Mader. – DOI 10.3390/jcm10102154 // J. Clin. Med. – 2021 May 16. – Vol. 10 (10). – P. 2154.
13. Ali Abdelhamid, Y. Stress hyperglycaemia in critically ill patients and the subsequent risk of diabetes: a systematic review and meta-analysis / Y. Ali Abdelhamid, P. Kar, M. E. Finnis [et al.]. – DOI 10.1186/s13054-016-1471-6 // Crit. Care. – 2016 Sep 27. – Vol. 20 (1). – P. 301.
14. Alwaheed, A. J. Necrotizing pancreatitis with portal vein thrombosis in young patient with COVID-19 / A. J. Alwaheed, M. A. Alalwan, H. M. Aldakhlan, F. H. Albeladi. – DOI 10.1016/j.jiph.2022.03.009 // J. Infect. Public Health. – 2022 Apr. – Vol. 15 (4). – P. 433–436.
15. Angus, D. C. Effect of Hydrocortisone on Mortality and Organ Support in Patients With Severe COVID-19: The REMAP-CAP COVID-19 Corticosteroid Domain Randomized Clinical Trial / D. C. Angus, L. Derde, F. Al-Beidh [et al.] ; The Writing Committee for the REMAP-CAP Investigators. – DOI 10.1001/jama.2020.17022 // JAMA. – 2020. – Vol. 324 (13). – P. 1317–1329.
16. Ayoubkhani D. Post-covid syndrome in individuals admitted to hospital with covid-19: retrospective cohort study / Ayoubkhani D, Khunti K, Nafilyan V, [et al.]. – DOI 10.1136/bmj.n693 // *BMJ*. – 2021. – Vol. 372

17. Avanzini, F. Transition from intravenous to subcutaneous insulin: effectiveness and safety of a standardized protocol and predictors of outcome in patients with acute coronary syndrome / F. Avanzini, G. Marelli, W. Donzelli [et al.] ; Desio Diabetes Diagram Study Group. – DOI 10.2337/dc10-2023 // *Diabetes Care*. – 2011 Jul. – Vol. 34 (7). – P. 1445–1450.

18. Baki, S. Insulin dependent diabetes associated with pancreatitis induced by infection of Sars Cov2 in a young patient: A case report / S. Baki, M. Boutbaoucht // *Pediatric Diabetes*, – 2021. – Vol. 22 (Suppl. 30). – P. 50.

19. Barron, E. Associations of type 1 and type 2 diabetes with COVID-19-related mortality in England: a whole-population study / E. Barron, C. Bakhai, P. Kar [et al.]. – DOI 10.1016/S2213-8587(20)30272-2 // *Lancet Diabetes Endocrinol*. – 2020 Oct. – Vol. 8 (10). – P. 813–822.

20. Basolo, A. Adipose tissue in COVID-19: detection of SARS-CoV-2 in adipocytes and activation of the interferon-alpha response / A. Basolo, A. M. Poma, D. Bonuccelli [et al.]. – DOI 10.1007/s40618-022-01742-5 // *J. Endocrinol. Invest*. – 2022. – Vol. 45. – P. 1021–1029.

21. Benner, C. The transcriptional landscape of mouse beta cells compared to human beta cells reveals notable species differences in long non-coding RNA and protein-coding gene expression / C. Benner, T. van der Meulen, E. Cacères [et al.]. – DOI 10.1186/1471-2164-15-620 // *BMC Genomics*. – 2014 Jul 22. – Vol. 15 (1). – P. 620.

22. Berbudi, A. Type 2 Diabetes and its Impact on the Immune System / A. Berbudi, N. Rahmadika, A. I. Tjahjadi, R. Ruslami. – DOI 10.2174/1573399815666191024085838 // *Curr. Diabetes Rev*. – 2020. – Vol. 16 (5). – P. 442–449.

23. Bertoni, A. G. Diabetes and the risk of infection-related mortality in the U.S. / A. G. Bertoni, S. Saydah, F. L. Brancati. – DOI 10.2337/diacare.24.6.1044 // *Diabetes Care*. – 2001 Jun. – Vol. 24 (6). – P. 1044–1049.

24. Birabaharan, M. Risk of new-onset type 2 diabetes in 600 055 people after COVID-19: A cohort study / M. Birabaharan, D. C. Kaelber, J. H. Pettus, D. M. Smith. –

DOI 10.1111/dom.14659 // *Diabetes Obes. Metab.* – 2022 Jun. – Vol. 24 (6). – P. 1176–1179.

25. Blanco-Melo, D. Imbalanced Host Response to SARS-CoV-2 Drives Development of COVID-19 / D. Blanco-Melo, B. E. Nilsson-Payant, W.-C. Liu [et al.]. – DOI 10.1016/j.cell.2020.04.026 // *Cell.* – 2020. – Vol. 181, iss. 5. – P. 1036–1045.E9.

26. Blodgett, D. M. Novel Observations From Next-Generation RNA Sequencing of Highly Purified Human Adult and Fetal Islet Cell Subsets / D. M. Blodgett, A. Nowosielska, S. Afik [et al.]. – DOI 10.2337/db15-0039 // *Diabetes.* – 2015 Sep. – Vol. 64 (9). – P. 3172–3181.

27. Blume, C. A novel ACE2 isoform is expressed in human respiratory epithelia and is upregulated in response to interferons and RNA respiratory virus infection / C. Blume, C. L. Jackson, C. M. Spalluto [et al.]. – DOI 10.1038/s41588-020-00759-x // *Nat. Genet.* – 2021 Feb. – Vol. 53 (2). – P. 205–214.

28. Bode, B. Glycemic Characteristics and Clinical Outcomes of COVID-19 Patients Hospitalized in the United States / B. Bode, V. Garrett, J. Messler [et al.]. – DOI 10.1177/1932296820924469 // *J. Diabetes Sci. Technol.* – 2020 Jul. – Vol. 14 (4). – P. 813–821.

29. Bornstein, S. R. Endocrine and metabolic link to coronavirus infection / S. R. Bornstein, R. Dalan, D. Hopkins [et al.]. – DOI 10.1038/s41574-020-0353-9 // *Nat. Rev. Endocrinol.* – 2020 Jun/ – Vol. 16 (6). – P. 297–298.

30. Bornstein, S. R. Practical recommendations for the management of diabetes in patients with COVID-19 / S. R. Bornstein, F. Rubino, K. Khunti [et al.]. – DOI 10.1016/S2213-8587(20)30152-2 // *Lancet Diabetes Endocrinol.* – 2020 Jun. – Vol. 8 (6). – P. 546–550.

31. Bossi, A. C. Lack of Efficacy of SGLT2-i in Severe Pneumonia Related to Novel Coronavirus (nCoV) Infection: No Little Help from Our Friends / A. C. Bossi, F. Forloni, P. Colombelli. – DOI 10.1007/s13300-020-00844-8 // *Diabetes Ther.* – 2020. – Vol. 11. – P. 1605–1606.

32. Cai, D. Local and systemic insulin resistance resulting from hepatic activation of IKK-beta and NF-kappaB / D. Cai, M. Yuan, D. F. Frantz [et al.]. – DOI 10.1038/nm1166 // Nat. Med. – 2005 Feb. – Vol. 11 (2). – P. 183–190.
33. Cain, D. W. Immune regulation by glucocorticoids / D. W. Cain, J. A. Cidlowski. – DOI 10.1038/nri.2017.1 // Nat. Rev. Immunol. – 2017 Apr. – Vol. 17 (4). – P. 233–247.
34. Cariou, B. Phenotypic characteristics and prognosis of inpatients with COVID-19 and diabetes: the CORONADO study / B. Cariou, S. Hadjadj, M. Wargny [et al.]. – DOI 10.1007/s00125-020-05180-x // Diabetologia. – 2020. – Vol. 63. – P. 1500–1515.
35. Carr, R. D. Secretion and dipeptidyl peptidase-4-mediated metabolism of incretin hormones after a mixed meal or glucose ingestion in obese compared to lean, nondiabetic men / R. D. Carr, M. O. Larsen, K. Jelic [et al.]. – DOI 10.1210/jc.2009-2054 // J. Clin. Endocrinol. Metab. – 2010 Feb. – Vol. 95 (2). – P. 872–878.
36. Caussy, C. Prevalence of obesity among adult inpatients with COVID-19 in France Caussy C., Pattou F., Wallet F. [et al.] ; COVID Outcomes HCL Consortium and Lille COVID–Obesity Study Group. – DOI 10.1016/S2213-8587(20)30160-1 // Lancet Diabetes Endocrinol. – 2020 Jul. – Vol. 8 (7). – P. 562–564.
37. Cely, C. M. Relationship of baseline glucose homeostasis to hyperglycemia during medical critical illness / C. M. Cely, P. Arora, A. A. Quartin [et al.]. – DOI 10.1378/chest.126.3.879 // Chest. – 2004 Sep. – Vol. 126 (3). – P. 879–887.
38. Chamnanphon, M. Host genetic factors of COVID-19 susceptibility and disease severity in a Thai population / M. Chamnanphon, M. Pongpanich, T. B. Suttichet. – DOI 10.1038/s10038-021-01009-6 // J. Hum. Genet. – 2022 May. – Vol. 67 (5). – P. 295–330.
39. Classification and Diagnosis of Diabetes: Standards of Medical Care in Diabetes-2021 / American Diabetes Association. – DOI 10.2337/dc2320-1506 // Diabetes Care. – 2021 Jan. – Vol. 44 (Suppl. 1). – P. S15–S33.
40. Coppelli, A. Hyperglycemia at Hospital Admission Is Associated With Severity of the Prognosis in Patients Hospitalized for COVID-19: The Pisa COVID-19

Study / A. Coppelli, R. Giannarelli, M. Aragona [et al.] ; Pisa COVID-19 Study Group. – DOI 10.2337/dc20-1380 // Diabetes Care. – 2020 Oct. – Vol. 43 (10). – P. 2345–2348.

41. Corral-Gudino, L. Methylprednisolone in adults hospitalized with COVID-19 pneumonia / L. Corral-Gudino, A. Bahamonde, F. Arnaiz-Revillas [et al.]. – DOI 10.1007/s00508-020-01805-8 // Wien Klin. Wochenschr. – 2021. – Vol. 133. – P. 303–311.

42. Cosic, I. RRM Prediction of Erythrocyte Band3 Protein as Alternative Receptor for SARS-CoV-2 Virus / I. Cosic D. Cosic, I. Loncarevic. – DOI 10.3390/app10114053 // Appl. Sci. – 2020. – Vol. 10. – P. 4053.

43. COVID-19 Yorkshire Rehabilitation Scale/ URL: <https://c19-yrs.com> (дата обращения: 15.12.2021).

44. Cromer, S. J. Newly diagnosed diabetes vs. pre-existing diabetes upon admission for COVID-19: Associated factors, short-term outcomes, and long-term glycemic phenotypes / Cromer S. J., Colling C., Schatoff D. [et al.]. – DOI 10.1016/j.jdiacomp.2022.108145 // J. Diabetes Complications. – 2022 Apr. – Vol. 36 (4). – P. 108145.

45. de-Madaria, E. Increased Amylase and Lipase in Patients With COVID-19 Pneumonia: Don't Blame the Pancreas Just Yet! / E. de-Madaria, K. Siau, K. Cárdenas-Jaén. – DOI 10.1053/j.gastro.2020.04.044 // Gastroenterology. – 2021 Apr. – Vol. 160 (5). – P. 1871.

46. Dequin, P.–F. Effect of Hydrocortisone on 21-Day Mortality or Respiratory Support Among Critically Ill Patients With COVID-19. A Randomized Clinical Trial / P.-F. Dequin, N. Heming, F. Meziani [et al.]. – DOI 10.1001/jama.2020.16761 // JAMA. – 2020. – № 324 (13). – P. 1298–1306.

47. Desruisseaux, M. S. Adipocyte, adipose tissue, and infectious disease / M. S. Desruisseaux, Nagajyothi, M. E. Trujillo [et al.]. – DOI 10.1128/IAI.01455-06 // Infect. Immun. – 2007 Mar. – Vol. 75 (3). – P. 1066–1078.

48. Dexamethasone in Hospitalized Patients with Covid-19 / The Recovery Collaborative Group. – DOI 10.1056/NEJMoa2021436 // N. Engl. J. Med. – 2021. – Vol. 384. – P. 693–704.

49. Diabetes Care in the Hospital: Standards of Medical Care in Diabetes-2018 / American Diabetes Association. – DOI 10.2337/dc18-S014 // Diabetes Care. – 2018 Jan. – Vol. 41 (Suppl. 1). – P. S144–S151.

50. Diabetes Care in the Hospital: Standards of Medical Care in Diabetes-2021 / American Diabetes Association. – DOI 10.2337/dc21-S015 // Diabetes Care. – 2021 Jan. – Vol. 44 (Suppl. 1). – P. S211–S220.

51. Diabetes Care in the Hospital: Standards of Medical Care in Diabetes-2022 / American Diabetes Association Professional Practice Committee ; American Diabetes Association Professional Practice Committee ; B. Draznin, V. R. Aroda, G. Bakris [et al.]. – DOI 10.2337/dc22-S016 // Diabetes Care. – 2022 Jan 1. – Vol. 45 (Suppl. 1). – P. S244–S253.

52. Dungan, K. M. Stress hyperglycaemia / K. M. Dungan, S. S. Braithwaite, J. C. Preiser. – DOI 10.1016/S0140-6736(09)60553-5 // Lancet. – 2009 May 23. – Vol. 373 (9677). – P. 1798–1807.

53. Edalatifard, M. Intravenous methylprednisolone pulse as a treatment for hospitalised severe COVID-19 patients: results from a randomised controlled clinical trial / M. Edalatifard, M. Akhtari, M. Salehi [et al.]. – DOI 10.1183/13993003.02808-2020 // Eur. Respir. J. – 2020 Dec 24/ – Vol. 56 (6). – Article ID: 2002808.

54. Egi, M. Blood glucose concentration and outcome of critical illness: the impact of diabetes / M. Egi, R. Bellomo, E. Stachowski [et al.]. – DOI 10.1097/CCM.0b013e318181039a // Crit. Care Med. – 2008 Aug. – Vol. 36 (8). – P. 2249–2255

55. Egi, M. Blood glucose concentration and outcome of critical illness: the impact of diabetes / M. Egi, R. Bellomo, E. Stachowski [et al.]. – DOI 10.1097/CCM.0b013e318181039a // Crit. Care Med. – 2008 Aug. – Vol. 36 (8). – P. 2249–2255.

56. Emami, A. Prevalence of Underlying Diseases in Hospitalized Patients with COVID-19: a Systematic Review and Meta-Analysis / A. Emami, F. Javanmardi, N. Pirbonyeh, A. Akbari. – DOI 10.22037/aaem.v8i1.600 // Archives of Academic Emergency Medicine. – 2020. – Vol. 8, No. 1. – P. e35.

57. Eskandarani, R. M. Diabetic Ketoacidosis on Hospitalization with COVID-19 in a Previously Nondiabetic Patient: A Review of Pathophysiology / R. M. Eskandarani, S. Sawan. – DOI 10.1177/1179551420984125 // Clin. Med. Insights. Endocrinol. Diabetes. – 2020 Dec 24. – Vol. 13. – Article ID:1179551420984125.

58. Esteve, E. Dyslipidemia and inflammation: an evolutionary conserved mechanism / E. Esteve, W. Ricart, J. M. Fernández-Real. – DOI 10.1016/j.clnu.2004.08.004 // Clinical Nutrition. – 2004. – Vol. 24, iss. 1. – P. 16–31

59. Fadini, G. P. Exposure to dipeptidyl-peptidase-4 inhibitors and COVID-19 among people with type 2 diabetes: A case-control study / G. P. Fadini, M. L. Morieri, E. Longato [et al.]. – DOI 10.1111/dom.14097 // Diabetes Obes. Metab. – 2020 Oct. – Vol. 22 (10). – P. 1946–1950.

60. Fadini, G. P. Newly-diagnosed diabetes and admission hyperglycemia predict COVID-19 severity by aggravating respiratory deterioration / G. P. Fadini, M. L. Morier, F. Boscari [et al.]. – DOI 10.1016/j.diabres.2020.108374 // Diabetes Research and Clinical Practice. – 2020. – Vol. 168. – Article ID 108374.

61. Faisal, H. Unexplained Methemoglobinemia in Coronavirus Disease 2019: A Case Report / Faisal H., Bloom A., Gaber A O. – DOI 10.1213/XAA.0000000000001287 // A A Pract. – 2020 Jul. – Vol. 14 (9). – P. e01287.

62. Falciglia, M. Hyperglycemia-related mortality in critically ill patients varies with admission diagnosis / Falciglia M., Freyberg R. W., Almenoff P. L. [et al.]. – DOI 10.1097/CCM.0b013e3181b083f7 // Crit. Care Med. – 2009 Dec. – Vol. 37 (12). – P. 3001–3009.

63. Farrokhi F. Glycemic control in non-diabetic critically ill patients / F. Farrokhi, D. Smiley, G. E. Umpierrez. – DOI 10.1016/j.beem.2011.05.004 // Best Pract. Res. Clin. Endocrinol. Metab. – 2011 Oct. – Vol. 25 (5). – P. 813–824.

64. Fignani, D. SARS-CoV-2 Receptor Angiotensin I-Converting Enzyme Type 2 (ACE2) Is Expressed in Human Pancreatic β -Cells and in the Human Pancreas Microvasculature / D. Fignani, G. Licata, N. Brusco. – DOI 10.3389/fendo.2020.596898 // Front Endocrinol. (Lausanne). – 2020 Nov 13. – Vol. 11. – Article ID: 596898

65. Filippi, C. M. Viral trigger for type 1 diabetes: pros and cons / C. M. Filippi, M. G. von Herrath. – DOI 10.2337/db07-1023 // Diabetes. – 2008 Nov. – Vol. 57 (11). – P. 2863–2871.
66. Garg, S. Hospitalization Rates and Characteristics of Patients Hospitalized with Laboratory-Confirmed Coronavirus Disease 2019 - COVID-NET, 14 States, March 1-30, 2020 / S. Garg, L. Kim, M. Whitaker [et al.]. – DOI 10.15585/mmwr.mm6915e3 // MMWR Morb. Mortal. Wkly. Rep. – 2020 Apr 17. – Vol. 69 (15). – P. 458–464.
67. Gayoso-Diz, P. Insulin resistance (HOMA-IR) cut-off values and the metabolic syndrome in a general adult population: effect of gender and age: EPIRCE cross-sectional study / Gayoso-Diz P., A. Otero-González, M. X. Rodriguez-Alvarez [et al.]. – DOI 10.1186/1472-6823-13-47 // BMC Endocr. Disord. – 2013 Oct 16. – Vol. 13. – P. 47.
68. Gerganova, A. Stress Hyperglycemia, Diabetes Mellitus and COVID-19 Infection: Risk Factors, Clinical Outcomes and Post-Discharge Implications / A. Gerganova, Y. Assyov, Z. Kamenov. – DOI 10.3389/fcdhc.2022.826006 // Front. Clin. Diabetes Healthc. – 2022. – Vol. 3. – P. 826006.
69. Ghosha, A. Glycemic parameters in patients with new-onset diabetes during COVID-19 pandemic are more severe than in patients with new-onset diabetes before the pandemic: NOD COVID India Study / A. Ghosha, R. M. Anjanab, C. S. S. Ranib [et al.]. – DOI 10.1016/j.dsx.2020.12.033 // Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews. – 2021. – Vol. 15, iss. 1. – P. 215–220.
70. Gibson, S. C. The endocrine response to critical illness: update and implications for emergency medicine / S. C. Gibson, D. A. Hartman, J. M. Schenck [et al.]. – DOI 10.1016/j.emc.2005.03.015 // Emerg. Med. Clin. North Am. – 2005 Aug. – № 23 (3). – P. 3909–3929.
71. Greci, L. S. Utility of HbA(1c) levels for diabetes case finding in hospitalized patients with hyperglycemia / L. S. Greci, M. Kailasam, S. Malkani [et al.]. – DOI 10.2337/diacare.26.4.1064 // Diabetes Care. – 2003 Apr. – Vol. 26 (4). – P. 1064–1068.
72. Gregg, E. W. Diabetes and COVID-19: Population Impact 18 Months Into the Pandemic / E. W. Gregg, M. K. Sophiea, M. Weldegiorgis. – DOI 10.2337/dci21-0001 // Diabetes Care. – 2021 Sep. – Vol. 44 (9). – P. 1916–1923.

73. Guan, W. J. Comorbidity and its impact on 1590 patients with COVID-19 in China: a nationwide analysis / W. J. Guan, W. H. Liang, Y. Zhao [et al.] ; China Medical Treatment Expert Group for COVID-19 // *Eur. Respir. J.* – 2020 May 14. – Vol. 55 (5). – Article ID: 2000547.

74. Gulliford, M. C. Risk of diabetes associated with prescribed glucocorticoids in a large population / M. C. Gulliford, J. Charlton, R. Latinovic. – DOI 10.2337/dc06-1499 // *Diabetes Care.* – 2006 Dec. – Vol. 29 (12). – P. 2728–2729.

75. Gurwitz, J. H. Glucocorticoids and the Risk for Initiation of Hypoglycemic Therapy / J. H. Gurwitz, R. L. Bohn, R. J. Glynn [et al.]. – DOI 10.1001/archinte.1994.00420010131015 // *Arch Intern Med.* – 1994. – № 154 (1). – P. 97–101.

76. Han, Y. Identification of SARS-CoV-2 inhibitors using lung and colonic organoids / Y. Han, X. Duan, L. Yang [et al.]. – DOI 10.1038/s41586-020-2901-9 // *Nature.* – 2021 Jan. – Vol. 589 (7841). – P. 270–275.

77. Hasan, S. S. Pharmacotherapeutic considerations for the management of diabetes mellitus among hospitalized COVID-19 patients / S. S. Hasan, C. S. Kow, A. Bain [et al.]. – DOI 10.1080/14656566.2020.1837114 // *Expert Opin Pharmacother.* – 2021 Feb. – Vol. 22 (2). – P. 229–240.

78. Henley, D. E. 2.6.3 The endocrine response to stress / D. E. Henley, J. M. Kaye, S. L. Lightman // *Oxford Textbook of Endocrinology and Diabetes* (2 edn) / J. A. H. Wass (ed.) [et al.]. – Oxford University Press, 2011 July. – DOI 10.1093/med/9780199235292.003.2249.

79. Hikmet, F. The protein expression profile of ACE2 in human tissues / F. Hikmet, L. Méar, Å. Edvinsson [et al.]. – DOI 10.15252/msb.20209610 // *Mol. Syst. Biol.* – 2020 Jul. – Vol. 16 (7). – P. e9610.

80. Holman, N. Risk factors for COVID-19-related mortality in people with type 1 and type 2 diabetes in England: a population-based cohort study / N. Holman, P. Knighton, P. Kar [et al.]. – DOI 10.1016/S2213-8587(20)30271-0 // *Lancet Diabetes Endocrinol.* – 2020 Oct. – Vol. 8 (10). – P. 823–833.

81. Intensive versus conventional glucose control in critically ill patients / NICE-SUGAR Study Investigators. – DOI 10.1056/NEJMoa0810625 // N. Engl. J. Med. – 2009 Mar 26. – Vol. 360 (13). – P. 1283–1289.

82. Inzucchi, S. E. Management of Hyperglycemia in the Hospital Setting / S. E. Inzucchi. – DOI 10.1056/NEJMcp060094 // N. Engl. J. Med. – 2006. – Vol. 355. – P. 1903–1911

83. Jeronimo, C. M. P. Methylprednisolone as Adjunctive Therapy for Patients Hospitalized With Coronavirus Disease 2019 (COVID-19; Metcovid): A Randomized, Double-blind, Phase IIb, Placebo-controlled Trial / Jeronimo C. M. P., Farias M. E. L., Val F. F. A. [et al.]. – DOI 10.1093/CID/CIAA1177 // Clin. Infect. Dis. – 2021 May 4. – Vol. 72 (9). – P. e373–e381.

84. Joseph, L. Cytokines in coagulation and thrombosis: a preclinical and clinical review / L. Joseph, L. M. Fink, M. Hauer-Jensen. – DOI 10.1097/00001721-200203000-00005 // Blood Coagul. Fibrinolysis. – 2002 Mar. – Vol. 13 (2). – P. 105–116

85. Kahaly G. J. Randomized, single blind trial of intravenous versus oral steroid monotherapy in Graves' orbitopathy / G. J. Kahaly, S. Pitz, G. Hommel, M. Dittmar. – DOI 10.1210/jc.2005-0148 // J. Clin. Endocrinol. Metab. – 2005 Sep. – Vol. 90 (9). – P. 5234–5240.

86. Kahn, S. E. The relative contributions of insulin resistance and beta-cell dysfunction to the pathophysiology of Type 2 diabetes / S. E. Kahn. – DOI 10.1007/s00125-002-1009-0 // Diabetologia. – 2003. – Vol. 46. – P. 3–19/

87. Kayhan, S. The evaluation of pancreas β -cell autoantibodies in non-diabetic COVID-19 patients / S. Kayhan, S. Hepsen, H. K. Kalkisim [et al.]. – DOI 10.20945/2359-3997000000498 // Arch. Endocrinol. Metab. – 2022 Sept 08. – Vol. 66 (4). – P. 459–465.

88. Kemmler, W. Studies on the conversion of proinsulin to insulin. 3. Studies in vitro with a crude secretion granule fraction isolated from rat islets of Langerhans / W. Kemmler, D. F. Steiner, J. Borg. – DOI 10.1016/S0021-9258(19)43699-5 // J. Biol. Chem. – 1973 Jul 10. – Vol. 248 (13). – P. 4544–4551.

89. Kershaw, E. E. Adipose tissue as an endocrine organ / E. E. Kershaw, J. S. Flier. – DOI 10.1210/jc.2004-0395 // J. Clin. Endocrinol. Metab. – 2004 Jun. – Vol. 89 (6). – P. 2548–2556.

90. Khatkov, I. E. Russian consensus on exo- and endocrine pancreatic insufficiency after surgical treatment / I. E. Khatkov, I. V. Maev, S. R. Abdulkhakov [et al.]. – DOI 10.26442/terarkh201890813-26 // Ter. Arkh. – 2018 Aug 27. – Vol. 90 (8). – P. 13–26.

91. Khovidhunkit, W. Effects of infection and inflammation on lipid and lipoprotein metabolism: mechanisms and consequences to the host / W. Khovidhunkit, M. S. Kim, R. A. Memon [et al.]. – DOI 10.1194/jlr.R300019-JLR200 // J. Lipid. Res. – 2004 Jul. – Vol. 45 (7). – P. 1169–1196.

92. Kosiborod, M. Admission glucose and mortality in elderly patients hospitalized with acute myocardial infarction: implications for patients with and without recognized diabetes / M. Kosiborod, S. S. Rathore, S. E. Inzucchi. – DOI 10.1161/CIRCULATIONAHA.104.517839 // Circulation. – 2005 Jun 14. – Vol. 111 (23). – P. 3078–3086.

93. Krinsley, J. S. Glycemic variability: a strong independent predictor of mortality in critically ill patients / J. S. Krinsley. – DOI 10.1097/CCM.0b013e31818b38d2 // Crit. Care Med. – 2008 Nov. – Vol. 36 (11). – P. 3008–3013.

94. Kusmartseva, I. Expression of SARS-CoV-2 Entry Factors in the Pancreas of Normal Organ Donors and Individuals with COVID-19 / I. Kusmartseva, W. Wu, F. Syed [et al.]. – DOI 10.1016/j.cmet.2020.11.005 // Cell Metabolism. – 2020. – Vol. 32, iss. 6. – P. 1041–1051.e6.

95. Lampasona, V. Antibody response to multiple antigens of SARS-CoV-2 in patients with diabetes: an observational cohort study / V. Lampasona, M. Secchi, M. Scavini [et al.]. – DOI 10.1007/s00125-020-05284-4 // Diabetologia. – 2020. – Vol. 63. – P. 2548–2558.

96. Lanza-Jacoby, S. Triglyceride kinetics, tissue lipoprotein lipase, and liver lipogenesis in septic rats / S. Lanza-Jacoby, A. Tabares. – DOI

10.1152/ajpendo.1990.258.4.E678 // *Am. J. Physiol.* – 1990 Apr. – Vol. 258 (4 Pt 1). – P. E678–85.

97. Lee, S.-H. Insulin Resistance: From Mechanisms to Therapeutic Strategies / S.-H. Lee, S.-Y. Park, C. S. Choi. – DOI 10.4093/dmj.2021.0280 // *Diabetes Metab. J.* – 2022 Jan. – Vol. 46 (1). – P. 15–37.

98. Li, H. Newly diagnosed diabetes is associated with a higher risk of mortality than known diabetes in hospitalized patients with COVID-19 / H. Li, S. Tian, T. Chen [et al.]. – DOI 10.1111/dom.14099 // *Diabetes Obes. Metab.* – 2020 Oct. – Vol. 22 (10). – P. 1897–1900.

99. Liu, F. ACE2 Expression in Pancreas May Cause Pancreatic Damage After SARS-CoV-2 Infection / F. Liu, X. Long, B. Zhang [et al.]. – DOI 10.1016/j.cgh.2020.04.040 // *Clinical Gastroenterology and Hepatology.* – 2020. – Vol. 18. – P. 2128–2130.

100. Liu, X. X. Hyperglycemia induced by glucocorticoids in nondiabetic patients: a meta-analysis / X. X. Liu, X. M. Zhu, Q. Miao [et al.]. – DOI 10.1159/000365892 // *Ann. Nutr. Metab.* – 2014. – Vol. 65 (4). – P. 324–332.

101. Liu, Y. Diabetes, even newly defined by HbA1c testing, is associated with an increased risk of in-hospital death in adults with COVID-19 / Y. Liu, R. Lu, J. Wang [et al.]. – DOI 10.1186/s12902-021-00717-6 // *BMC Endocr. Disord.* – 2021 Mar 26. – Vol. 21 (1). – P. 56.

102. Ma, W. X. The Management of Blood Glucose Should be Emphasized in the Treatment of COVID-19 / W. X. Ma, X. W. Ran. – DOI 10.12182/20200360606 // *Sichuan Da Xue Xue Bao Yi Xue Ban.* – 2020 Mar. – Vol. 51 (2). – P. 146–150.

103. Mahardhika, G. S. Hyperglycemia Induced by COVID-19 with and without Present Diabetes: A Systematic Review / G. S. Mahardhika. – DOI 10.24123/kesdok.V2i2.4431 // *Keluwih: Jurnal Kesehatan Dan Kedokteran.* – 2021. – Vol. 2, № 2. – P. 64–74.

104. Mapping the human genetic architecture of COVID-19 / COVID-19 Host Genetics Initiative. – DOI 10.1038/s41586-021-03767-x // *Nature.* – 2021 Dec. – Vol. 600 (7889). – P. 472–474.

105. Marchand, L. Type 1 diabetes onset triggered by COVID-19 / L. Marchand, M. Pecquet, C. Luyton. – DOI 10.1007/s00592-020-01570-0 // *Acta Diabetol.* – 2020. – Vol. 57. – P. 1265–1266.
106. Marcovecchio, M. L. Complications of Acute and Chronic Hyperglycemia / M. L. Marcovecchio. – DOI 10.17925/USE.2017.13.01.17 // *US Endocrinology.* – 2017. – Vol. 13 (1). – P. 17–21
107. Matthews, D. R. Homeostasis model assessment: insulin resistance and β -cell function from fasting plasma glucose and insulin concentrations in man / D. R. Matthews, J. P. Hosker, A. S. Rudenski [et al.]. – DOI 10.1007/BF00280883 // *Diabetologia.* – 1985. – Vol. 28. – P. 412–419.
108. Merzon, E. Haemoglobin A1c is a predictor of COVID-19 severity in patients with diabetes / Merzon E., Green I., Shpigelman M. [et al.]. – DOI 10.1002/dmrr.3398 // *Diabetes Metab. Res. Rev.* – 2021 Jul. – Vol. 37 (5). – P. e3398.
109. Metwally, A. A. COVID-19-Induced New-Onset Diabetes: Trends and Technologies / A. A. Metwally, P. Mehta, B. S. Johnson [et al.]. – DOI 10.2337/dbi21-0029 // *Diabetes.* – 2021 Dec. – Vol. 70 (12). – P. 2733–2744.
110. Mezalek, Z. T. COVID-19 Associated Coagulopathy and Thrombotic Complications / Z. T. Mezalek, H. Khibri, W. Ammouri [et al.]. – DOI 10.1177/1076029620948137 // *Clin. Appl. Thromb. Hemost.* – 2020 Jan-Dec. – Vol. 26. – Article ID: 1076029620948137.
111. Molinari, C. Dysglycemia after COVID-19 pneumonia: a six-month cohort study / C. Molinari, A. Laurenzi, A. Caretto [et al.]. – DOI 10.1007/s00592-021-01751-5 // *Acta Diabetol.* – 2021 Nov. – Vol. 58 (11). – P. 1481–1490.
112. Montefusco, L. Acute and long-term disruption of glycometabolic control after SARS-CoV-2 infection / L. Montefusco, M. Ben Nasr, F. D'Addio [et al.]. – DOI 10.1038/s42255-021-00407-6 // *Nat. Metab.* – 2021 Jun. – Vol. 3 (6). – P. 774–785
113. Morse, J. S. Learning from the Past: Possible Urgent Prevention and Treatment Options for Severe Acute Respiratory Infections Caused by 2019-nCoV / J. S. Morse, T. Lalonde, S. Xu, W. Liu. – DOI 10.1002/cbic.202000047 // *Chem. Bio. Chem.* – 2020. – Vol. 21. – P. 730.

114. Müller, J. A. SARS-CoV-2 infects and replicates in cells of the human endocrine and exocrine pancreas / J. A. Müller, R. Groß, C. Conzelmann [et al.]. – DOI 10.1038/s42255-021-00347-1 // *Nat. Metab.* – 2021 Feb. – Vol. 3 (2). – P. 149–165.

115. Müller, M. A. SARS-CoV-2 Cell Entry Depends on ACE2 and TMPRSS2 and Is Blocked by a Clinically Proven Protease Inhibitor / M. A. Müller, C. Drosten, S. Pöhlmann [et al.]. – DOI 10.1016/j.cell.2020.02.052 // *Cell.* – 2020. – Vol. 181, iss. 2. – P. 271–280.E8.

116. Nils E. Diabetes mellitus secondary to pancreatic diseases (Type 3c) — Are we neglecting an important disease? / E. Nils, R. G. Bretzel. – DOI 10.1016/j.ejim.2012.12.017 // *European Journal of Internal Medicine.* – 2013. – Vol. 24, № 3. – P. 203–206.

117. Onabajo, O. O. Interferons and viruses induce a novel truncated ACE2 isoform and not the full-length SARS-CoV-2 receptor / O. O. Onabajo, A. R. Banday, M. L. Stanifer [et al.]. – DOI 10.1038/s41588-020-00731-9 // *Nat. Genet.* – 2020 Dec. – Vol. 52 (12). – P. 1283–1293.

118. Onder, G. Case-Fatality Rate and Characteristics of Patients Dying in Relation to COVID-19 in Italy / G. Onder, G. Rezza, S. Brusaferro. – DOI 10.1001/jama.2020.4683 // *JAMA.* – 2020 May 12. – Vol. 323 (18). – P. 1775–1776.

119. Orci, L. Conversion of proinsulin to insulin occurs coordinately with acidification of maturing secretory vesicles / L. Orci, M. Ravazzola, M. Amherdt [et al.]. – DOI 10.1083/jcb.103.6.2273 // *J. Cell Biol.* – 1986 Dec. – Vol. 103(6 Pt 1). – P. 2273–2281.

120. Ouchi, N. Adipokines in inflammation and metabolic disease / N. Ouchi, J. L. Parker, J. J. Lugus, K. Walsh. – DOI 10.1038/nri2921 // *Nat. Rev. Immunol.* – 2011 Feb. – Vol. 11 (2). – P. 85–97.

121. Pala, R. Clinical profile and outcomes in COVID-19 patients with diabetic ketoacidosis: A systematic review of literature / R. Pala, M. Banerjeeb, U. Yadavc, S. Bhattacharjeed. – DOI 10.1016/j.dsx.2020.08.015 // *Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews.* – 2020. – Vol. 14, iss. 6. – P. 1563–1569.

122. Pasquel, F. J. Individualizing Inpatient Diabetes Management During the Coronavirus Disease 2019 Pandemic / F. J. Pasquel, G. E. Umpierrez. – DOI 10.1177/1932296820923045 // J. Diabetes Sci. Technol. – 2020 Jul. – Vol. 14 (4). – P. 705–707.

123. Pérez, A. Insulin Therapy in Hospitalized Patients / A. Pérez, A. Ramos, G. Carreras. – DOI 10.1097/MJT.0000000000001078 // Am. J. Ther. – 2020 Jan/Feb. – Vol. 27 (1). – P. e71-e78.

124. Pettus, J. Importance of diabetes management during the COVID-19 pandemic / J. Pettus, N. Skolnik. – DOI 10.1080/00325481.2021.1978704 // Postgrad. Med. – 2021 Nov. – Vol. 133 (8). – P. 912–919/

125. Pfützner, A. Elevated intact proinsulin levels are indicative of Beta-cell dysfunction, insulin resistance, and cardiovascular risk: impact of the antidiabetic agent pioglitazone / A. Pfützner, T. Forst. – DOI 10.1177/193229681100500333 // J. Diabetes Sci. Technol. – 2011 May 1. – Vol. 5 (3). – P. 784–793

126. Rabi, F. A. SARS-CoV-2 and Coronavirus Disease 2019: What We Know So Far / F. A. Rabi, M. S. Al Zoubi, G. A. Kasasbeh [et al.]. – DOI 10.3390/pathogens9030231 // Pathogens. – 2020 Mar 20. – Vol. 9 (3). – P. 231.

127. Rad, F. The Relationship between Inflammatory Cytokines and Coagulopathy in Patients with COVID-19 / F. Rad, A. Dabbagh, A. Dorgalaleh, A. Biswas. – DOI 10.3390/jcm10092020 // J. Clin. Med. – 2021 May 9. – Vol. P. 10 (9). – P. 202.

128. Radin, M. S. Inhibition or deletion of the lipopolysaccharide receptor Toll-like receptor-4 confers partial protection against lipid-induced insulin resistance in rodent skeletal muscle / M. S. Radin, S. Sinha, B. A. Bhatt [et al.]. – DOI 10.1007/s00125-007-0861-3 // Diabetologia. – 2008. – Vol. 51. – P. 336–346.

129. Ramos, A. Transition from intravenous insulin to subcutaneous long-acting insulin in critical care patients on enteral or parenteral nutrition / Ramos A., Zapata L., Vera P. [et al.]. – DOI 10.1016/j.endinu.2017.08.005 // Endocrinol. Diabetes Nutr. – 2017 Dec. – Vol. 64 (10). – P. 552–556.

130. Rau, C. S. Stress-Induced Hyperglycemia in Diabetes: A Cross-Sectional Analysis to Explore the Definition Based on the Trauma Registry Data / C. S. Rau, S. C.

Wu, Y. C. Chen [et al.]. – DOI 10.3390/ijerph14121527 // Int. J. Environ. Res. Public Health. – 2017 Dec 7. – Vol. 14 (12). – P. 1527.

131. Rawla, P. Review of Infectious Etiology of Acute Pancreatitis / P. Rawla, S. S. Bandaru, A. R. Vellipuram. – DOI 10.14740/gr858w // Gastroenterology Res. – 2017 Jun. – Vol. 10 (3). – P. 153–158.

132. Rawshani, A. Severe COVID-19 in people with type 1 and type 2 diabetes in Sweden: A nationwide retrospective cohort study / Rawshani A., Kjölhede E. A., Rawshani A. [et al.]. – DOI 10.1016/j.lanepe.2021.100105 // Lancet Reg. Health Eur. – 2021 May. – Vol. 4. – P. 100105

133. Rayman, G. New Guidance on Managing Inpatient Hyperglycaemia during the COVID-19 Pandemic G. Rayman, A. Lumb, B. Kennon [et al.]. – DOI 10.1111/dme.14327. – 2020 Jul. – Vol. 37 (7). – P. 1210–1213.

134. Resmini, E. Secondary diabetes associated with principal endocrinopathies: the impact of new treatment modalities / E. Resmini, F. Minuto, A. Colao [et al.]. – DOI 10.1007/s00592-009-0112-9 // Acta Diabetol. – 2009. – Vol. 46. – P. 85–95.

135. Richard, C. Individuals with obesity and type 2 diabetes have additional immune dysfunction compared with obese individuals who are metabolically healthy / C. Richard, M. Wadowski, S. Goruk [et al.]. – DOI 10.1136/bmjdr-2016-000379 // BMJ Open Diabetes Res. Care. – 2017 May 8. – Vol. 5 (1). – Article ID: e000379.

136. Ritter, L. A. The Impact of Corticosteroids on Secondary Infection and Mortality in Critically Ill COVID-19 Patients / L. A. Ritter, N. Britton, E. L. Heil [et al.]. – DOI 10.1177/08850666211032175 // J. Intensive Care Med. – 2021 Oct. – Vol. 36 (10). – P. 1201–1208.

137. Roca-Ho, H. Characterization of ACE and ACE2 Expression within Different Organs of the NOD Mouse / H. Roca-Ho, M. Riera, V. Palau [et al.]. – DOI 10.3390/ijms18030563 // Int. J. Mol. Sci. – 2017 Mar 5. – Vol. 18 (3). – P. 563.

138. Saand, A. R. Does inpatient hyperglycemia predict a worse outcome in COVID-19 intensive care unit patients? / A. R. Saand, M. Flores, T. Kewan [et al.]. – DOI 10.1111/1753-0407.13137 // J. Diabetes. – 2021 Mar. – Vol. 13 (3). – P. 253–260.

139. Salehi, M. Obesity and cortisol status / M. Salehi, A. Ferenczi, B. Zumoff. – DOI 10.1055/s-2005-861374 // *Horm. Metab. Res.* – 2005 Apr. – Vol. 37 (4). – P. 193–197.
140. Sardu, C. Outcomes in Patients With Hyperglycemia Affected by COVID-19: Can We Do More on Glycemic Control? / C. Sardu, N. D'Onofrio, M. L. Balestrieri [et al.]. – DOI 10.2337/dc20-0723 // *Diabetes Care.* – 2020 Jul. – Vol. 43 (7). – P. 1408–1415.
141. Sathish, T. Proportion of newly diagnosed diabetes in COVID-19 patients: A systematic review and meta-analysis / T. Sathish, N. Kapoor, Y. Cao [et al.]. – DOI 10.1111/dom.14269 // *Diabetes Obes. Metab.* – 2021 Mar. – Vol. 23 (3). – P. 870–874.
142. Sawadogo, W. Overweight and obesity as risk factors for COVID-19-associated hospitalisations and death: systematic review and meta-analysis / W. Sawadogo, M. Tsegaye, A. Gizaw, T. Adera. – DOI 10.1136/bmjnph-2021-000375 // *BMJ Nutr. Prev. Health.* – 2022 Jan 19. – Vol. 5 (1). – P. 10–18.
143. Shafiee, A. Comparison of COVID-19 outcomes in patients with Type 1 and Type 2 diabetes: A systematic review and meta-analysis // A Shafiee, M. M. Teymouri Athar, M. Nassar [et al.]. – DOI 10.1016/j.dsx.2022.102512 // *Diabetes Metab Syndr.* – 2022 Jun. – № 16 (6). – P. 102512.
144. Shehav-Zaltzman, G. Remote Glucose Monitoring of Hospitalized, Quarantined Patients With Diabetes and COVID-19 / G. Shehav-Zaltzman, G. Segal, N. Konvalina, A. Tirosh. – DOI 10.2337/dc20-0696 // *Diabetes Care.* – 2020 Jul. – Vol. 43 (7). – P. e75–e76.
145. Shestakova MV, Vikulova OK, Elfimova AR, et al. Risk factors for COVID-19 case fatality rate in people with type 1 and type 2 diabetes mellitus: A nationwide retrospective cohort study of 235,248 patients in the Russian Federation. / Shestakova MV, Vikulova OK, Elfimova AR, et al. – DOI 10.3389/fendo.2022.909874 // *Front Endocrinol (Lausanne).* 2022 Aug 9;13: 909874.
146. Shi, H. TLR4 links innate immunity and fatty acid-induced insulin resistance / H. Shi, M. V. Kokoeva, K. Inouye [et al.]. – DOI 10.1172/JCI28898 // *J. Clin. Invest.* – 2006 Nov. – Vol. 116 (11). – P. 3015–3020.

147. Shrestha, D. B. New-onset diabetes in COVID-19 and clinical outcomes: A systematic review and meta-analysis / D. B. Shrestha, P. Budhathoki, S. Raut [et al.]. – DOI 10.5501/wjv.v10.i5.275 // World J. Virol. – 2021 Sep 25. – Vol. 10 (5). – P. 275–287.

148. Simonnet, A. High Prevalence of Obesity in Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus-2 (SARS-CoV-2) Requiring Invasive Mechanical Ventilation / A. Simonnet, M. Chetboun, J. Poissy [et al.]. – DOI 10.1002/oby.22831 // Obesity. – 2020. – Vol. 28. – P. 1195–1199.

149. Singh, A. K. Diabetes in COVID-19: Prevalence, pathophysiology, prognosis and practical considerations / A. K. Singh, R. Gupta, A. Ghosh, A. Misra. – DOI 10.1016/j.dsx.2020.04.004 // Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews. – 2020. – Vol. 14. – P. 303–310.

150. Smith, S. M. Impaired glucose metabolism in patients with diabetes, prediabetes, and obesity is associated with severe COVID-19 / S. M. Smith, A. Boppana, J. A. Traupman [et al.]. – DOI 10.1002/jmv.26227 // J. Med. Virol. – 2021. – Vol. 93. – P. 409–415.

151. Smith, S. M. Impaired glucose metabolism in patients with diabetes, prediabetes and obesity is associated with severe Covid-19 / S. M. Smith, A. Boppana, J. A. Traupman [et al.]. – DOI 10.1101/2020.06.04.20122507 // COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv. – 05.06.2020.

152. Sobczak, A. I. S. Coagulatory Defects in Type-1 and Type-2 Diabetes / A. I. S. Sobczak, A. J. Stewart. – DOI 10.3390/ijms20246345 // Int. J. Mol. Sci. – 2019 Dec 16. – Vol. 20 (24). – P. 6345.

153. Statistics with Confidence / ed. D. G. Altman, D. Machin, T. N. Bryant, M. J. Gardner. – 2nd Ed. – BMJ Books, 2000. – 240 p. – ISBN 0-7279-1375-1. – DOI 10.1136/pmj.77.908.423d

154. Suleyman, G. Clinical Characteristics and Morbidity Associated With Coronavirus Disease 2019 in a Series of Patients in Metropolitan Detroit / G. Suleyman, R. A. Fadel, K. M. Malette [et al.]. – DOI 10.1001/jamanetworkopen.2020.12270 // JAMA Netw Open. – 2020 Jun 1. – Vol. 3 (6). – P. e2012270.

155. Sun, Z. Mass Spectrometry Analysis of Newly Emerging Coronavirus HCoV-19 Spike Protein and Human ACE2 Reveals Camouflaging Glycans and Unique Post-Translational Modifications / Z. Sun, K. Ren, X. Zhang [et al.]. – DOI 10.1101/2020.04.29.068098 // *Engineering (Beijing)*. – 2021 Oct. – Vol. 7 (10). – P. 1441–1451.

156. Suwanwongse, K. Newly diagnosed diabetes mellitus, DKA, and COVID-19: Causality or coincidence? A report of three cases / K. Suwanwongse, N. Shabarek. – DOI 10.1002/jmv.26339 // *J. Med. Virol.* – 2021. – Vol. 93. – P. 1150–1153.

157. Tang, X. Early Use of Corticosteroid May Prolong SARS-CoV-2 Shedding in Non-Intensive Care Unit Patients with COVID-19 Pneumonia: A Multicenter, Single-Blind, Randomized Control Trial / Tang X., Feng Y. M., Ni J. X. [et al.]. – DOI 10.1159/000512063 // *Respiration*. – 2021. – Vol. 100 (2). – P. 116–126.

158. Tang, X. SARS-CoV-2 infection induces beta cell transdifferentiation / X. Tang, S. Uhl, T. Zhang [et al.]. – DOI 10.1016/j.cmet.2021.05.015 // *Cell Metabolism*. – 2021. – Vol. 33, iss. 8. – P. 1577–1591.E7

159. Then, C. Proinsulin to insulin ratio is associated with incident type 2 diabetes but not with vascular complications in the KORA F4/FF4 study / C. Then, C. Gar, B. Thorand [et al.]. – DOI 10.1136/bmjdr-2020-001425 // *BMJ Open Diabetes Res. Care*. – 2020 May. – Vol. 8 (1). – P. e001425.

160. Tirkes, T. Reporting Standards for Chronic Pancreatitis by Using CT, MRI, and MR Cholangiopancreatography / T. Tirkes, Z. K. Shah, N. Takahashi [et al.] ; Consortium for the Study of Chronic Pancreatitis, Diabetes, and Pancreatic Cancer. – DOI 10.1148/radiol.2018181353 // *Radiology*. – 2019 Jan. – Vol. 290 (1). – P. 207–215.

161. Tomazini, B. M. Effect of Dexamethasone on Days Alive and Ventilator-Free in Patients With Moderate or Severe Acute Respiratory Distress Syndrome and COVID-19. The CoDEX Randomized Clinical Trial / B. M. Tomazini, I. S. Maia, A. B. Cavalcanti [et al.]. – DOI 10.1001/jama.2020.17021 // *JAMA*. – 2020. – Vol. 324 (13). – P. 1307–1316.

162. Tsalamandris, S. The Role of Inflammation in Diabetes: Current Concepts and Future Perspectives / S. Tsalamandris, A. S. Antonopoulos, E. Oikonomou [et al.]. – DOI 10.15420/ecr.2018.33.1 // Eur. Cardiol. – 2019 Apr. – Vol. 14 (1). – P. 50–59.

163. Tura, A. Insulinogenic indices from insulin and C-peptide: Comparison of beta-cell function from OGTT and IVGTT / A. Tura, A. Kautzky-Willer, G. Pacini. – DOI 10.1016/j.diabres.2005.10.005 // Diabetes Research and Clinical Practice. – 2006. – Vol. 72, iss. 3. – P. 298–301.

164. Umpierrez, G. E. Management of hyperglycemia in hospitalized patients in non-critical care setting: an endocrine society clinical practice guideline / G. E. Umpierrez, R. Hellman, M. T. Korytkowski [et al.]. – DOI 10.1210/jc.2011-2098 // J. Clin. Endocrinol. Metab. – 2012 Jan. – Vol. 97 (1). – P. 16–38.

165. Unnikrishnan R. Drugs affecting HbA1c levels / R. Unnikrishnan, R. M. Anjana, V. Mohan. – DOI 10.4103/2230-8210.98004 // Indian J. Endocrinol. Metab. – 2012 Jul. – Vol. 16 (4). – P. 528–531.

166. Vaduganathan, M. Renin-Angiotensin-Aldosterone System Inhibitors in Patients with Covid-19 / Vaduganathan M., Vardeny O., Michel T. [et al.]. – DOI 10.1056/NEJMSr2005760 // N. Engl. J. Med. – 2020 Apr 23. – Vol. 382 (17). – P. 1653–1665.

167. Van den Berghe, G. Clinical review 95: Acute and prolonged critical illness as different neuroendocrine paradigms / G. Van den Berghe, F. de Zegher, R. Bouillon. – DOI 10.1210/jcem.83.6.4763 // J. Clin. Endocrinol. Metab. – 1998 Jun. – Vol. 83 (6). – P. 1827–1834.

168. Van den Berghe, G. Endocrine evaluation of patients with critical illness / G. Van den Berghe. – DOI 10.1016/s0889-8529(03)00005-7 // Endocrinol. Metab. Clin. North Am. – 2003 Jun. – Vol. 32 (2). – P. 385–410.

169. Vegiopoulos, A. Glucocorticoids, metabolism and metabolic diseases / A. Vegiopoulos, S. Herzig. – DOI 10.1016/j.mce.2007.05.015 // Mol. Cell. Endocrinol. – 2007 Sep 15. – Vol. 275 (1-2). – P. 43–61.

170. Viana, M. V. Assessment and treatment of hyperglycemia in critically ill patients / M. V. Viana, R. B. Moraes, A. R. Fabbrin [et al.]. – DOI 10.5935/0103-507X.20140011 // Rev. Bras. Ter. Intensiva. – 2014 Jan-Mar. – Vol. 26 (1). – P. 71–76.

171. Villar, J. Efficacy of dexamethasone treatment for patients with the acute respiratory distress syndrome caused by COVID-19: study protocol for a randomized controlled superiority trial / J. Villar, J. M. Añón, C. Ferrando [et al.] ; DEXA-COVID19 Network. – DOI 10.1186/s13063-020-04643-1 // Trials. – 2020 Aug 16. – Vol. 21 (1). – P. 717.

172. Wang, S. Fasting blood glucose at admission is an independent predictor for 28-day mortality in patients with COVID-19 without previous diagnosis of diabetes: a multi-centre retrospective study / S. Wang, P. Ma, S. Zhang [et al.]. – DOI 10.1007/s00125-020-05209-1 // Diabetologia. – 2020. – Vol. 63. – P. 2102–2111.

173. Wang, Z. Glycosylated hemoglobin is associated with systemic inflammation, hypercoagulability, and prognosis of COVID-19 patients / Z. Wang, Z. Du, F. Zhu. – DOI 10.1016/j.diabres.2020.108214 // Diabetes Research and Clinical Practice. – 2020. – Vol. 164. – Article ID: 108214.

174. Weinmann, M. Stress-induced hormonal alterations / M. Weinmann. – DOI 10.1016/s0749-0704(05)70148-2 // Crit. Care Clin. – 2001 Jan. – Vol. 17 (1). – P. 1–10.

175. Wenzhong, L. COVID-19: Attacks the 1-Beta Chain of Hemoglobin and Captures the Porphyrin to Inhibit Human Heme Metabolism / L. Wenzhong, L. Hualan. – DOI 10.26434/chemrxiv.11938173.v9 // ChemRxiv. – Cambridge : Cambridge Open Engage, 2020.

176. World Health Organization. Clinical management of COVID-19. 2020. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/clinical-management-of-covid-19>.

177. World Health Organization. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. – URL: <https://covid19.who.int/>.

178. Wu, C.-T. SARS-CoV-2 infects human pancreatic β cells and elicits β cell impairment / C.-T. Wu, P. V. Lidsky, Y. Xiao [et al.]. – DOI 10.1016/j.cmet.2021.05.013 // Cell Metabolism. – 2021. – Vol. 33, iss. 8. – P. 1565–1576.E5.

179. Wu, Z. Characteristics of and Important Lessons From the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) Outbreak in China: Summary of a Report of 72 314 Cases From the Chinese Center for Disease Control and Prevention / Z. Wu, J. M. McGoogan. – DOI 10.1001/jama.2020.2648// JAMA. – 2020 Apr 7. – Vol. 323 (13). – P. 1239–1242.

180. Xiao, J. Z. Glucocorticoid-induced diabetes in severe acute respiratory syndrome: the impact of high dosage and duration of methylprednisolone therapy / J. Z. Xiao, L. Ma, J. Gao [et al.]. – PMID: 15059370 // Zhonghua Nei Ke Za Zhi. – 2004 Mar. – Vol. 43 (3). – P. 179–182.

181. Xu, H. High expression of ACE2 receptor of 2019-nCoV on the epithelial cells of oral mucosa / H. Xu, L. Zhong, J. Deng [et al.]. – DOI 10.1038/s41368-020-0074-x // Int. J. Oral Sci. – 2020 Feb 24. – Vol. 12 (1). – P. 8.

182. Yadav, D. PROspective Evaluation of Chronic Pancreatitis for EpidEmiologic and Translational StuDies: Rationale and Study Design for PROCEED From the Consortium for the Study of Chronic Pancreatitis, Diabetes, and Pancreatic Cancer / Yadav D., Park W. G., Fogel E. L. [et al.] ; Consortium for the Study of Chronic Pancreatitis, Diabetes, and Pancreatic Cancer (CPDPC). – DOI 10.1097/MPA.0000000000001170 // Pancreas. – 2018 Nov/Dec. – P. 47 (10). – P. 1229–1238.

183. Yanagisawa, S. HbA1c level may be a risk factor for oxygen therapy requirement in patients with coronavirus disease 2019 / S. Yanagisawa, Y. Oikawa, S. Takagi [et al.]. – DOI 10.1111/jdi.13743// J. Diabetes Investig. – 2022 May. – Vol. 13 (5). – P. 909–917.

184. Yang, L. A Human Pluripotent Stem Cell-based Platform to Study SARS-CoV-2 Tropism and Model Virus Infection in Human Cells and Organoids / L. Yang, Y. Han, B. E. Nilsson-Payant [et al.]. – DOI 10.1016/j.stem.2020.06.015 // Cell Stem Cell. – 2020 Jul 2. – Vol. 27 (1). – P. 125–136.e7.

185. Yang, Y. Hyperglycemia at admission is a strong predictor of mortality and severe/critical complications in COVID-19 patients: a meta-analysis / Yang Y., Cai Z., Zhang J. – DOI 10.1042/BSR20203584 // Biosci. Rep. – 2021 Feb 26. – Vol. 41 (2). – Article ID: BSR20203584.

186. Yi, H. Clinical characteristics and outcomes of coronavirus disease 2019 infections among diabetics: A retrospective and multicenter study in China / H. Yi, F. Lu, X. Jin [et al.]. – DOI 10.1111/1753-0407.13098 // J. Diabetes. – 2020 Dec. – Vol. 12 (12). – P. 919–928.

187. Zhang, Y. The clinical characteristics and outcomes of patients with diabetes and secondary hyperglycaemia with coronavirus disease 2019: A single-centre, retrospective, observational study in Wuhan / Zhang Y., Li H., Zhang J. [et al.]. – DOI 10.1111/dom.14086 // Diabetes Obes. Metab. – 2020 Aug. – Vol. 22 (8). – P. 1443–1454.

188. Zhou, P. A pneumonia outbreak associated with a new coronavirus of probable bat origin / P. Zhou, X. L. Yang, X. G. Wang [et al.]. – DOI 10.1038/s41586-020-2012-7 // Nature. – 2020 Mar. – Vol. 579 (7798). – P. 270–273.

189. Zhou, W. Clinical Features of COVID-19 Patients with Diabetes and Secondary Hyperglycemia / Zhou W., Ye S., Wang W. [et al.]. – DOI 10.1155/2020/3918723 // J. Diabetes Res. – 2020 Aug 24. – Vol. 2020. – P. 3918723

190. Zhou, Y. Obesity and diabetes as high-risk factors for severe coronavirus disease 2019 (Covid-19) / Y. Zhou, J. Chi, W. Lv, Y. Wang. – DOI 10.1002/dmrr.3377 // Diabetes Metab. Res. Rev. – 2021. – Vol. 37. – P. e3377.

191. Zhu, Y. Falsely elevated hemoglobin A1c due to S-beta+-thalassemia interference in Bio-Rad Variant II Turbo HbA1c assay / Y. Zhu, L. M. Williams. – DOI 10.1016/j.cca.2009.08.009 // Clin. Chim. Acta. – 2009 Nov. – Vol. 409 (1-2). – P. 18–20.

192. Zou, X. Single-cell RNA-seq data analysis on the receptor ACE2 expression reveals the potential risk of different human organs vulnerable to 2019-nCoV infection / X. Zou, K. Chen, J. Zou [et al.]. – DOI 10.1007/s11684-020-0754-0 // Front. Med. – 2020. – Vol. 14. – P. 185–192.